

ИРА АМЛОР

ДЕВЯТОЕ КОЛЬЦО

Ира Аллор

Девятое кольцо, или Пестрая книга Арды

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153164

Девятое кольцо, или Пестрая книга Арды: Лениздат, «Ленинград»;

СПб.; 2006

ISBN 5-289-02364-X

Аннотация

Назгулы... Безликий ужас Средиземья, рабы Кольца. Можно ли сказать это о тех, кто был великими воителями и королями? Девятого из кольценосцев такое положение не устраивает, но путь к избавлению один – уничтожить Кольцо.

Содержание

КОЛЬЦА – БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ	6
ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ	6
ИСПОВЕДЬ КОЛЬЦЕНОСЦА	10
ПЕЛЕНОРСКАЯ РАВНИНА	36
РАЗГОВОР ПО ДУШАМ	43
ЭПИЛОГ	53
ПЕСТРАЯ КНИГА АРДЫ	55
Глава 1	55
Глава 2	84
Глава 3	116
Глава 4	154
Глава 5	184
Глава 6	203
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Ира АЛЛОР

ДЕВЯТОЕ КОЛЬЦО, ИЛИ ПЕСТРАЯ КНИГА АРДЫ

Не могу не поблагодарить:

*Nashberry – за набор, корректуру и помощь в
редактуры,*

П. Шуваева – за помощь в редакции,

*матушку – за моральную поддержку, ради
которой она мужественно вникла в философско-
космогонические тонкости толкиеновского
фэндомы,*

*мою сестру и друзей, sacramentalным
вопросом «А что дальше было?» заставивших меня
довести начатое до конца,*

*Дэнну – за помощь в развитии сюжета в первом
приближении,*

*Элхэ Ниэннах (Наталью Васильеву) и Иллет
(Наталью Некрасову) – за «Черную книгу Арды»
и Элхэ отдельно – за песни, две из которых
(«Исповедь» и «Дом») я использовала в моей книге,*

*строителей культурного бэкграунда – за
построение оногo,*

*а также Джуды – за создание сайта
www.allor.ramot.ru.*

...Однако ужас смерти все более затемнял их сердца

и они, как могли, отдаляли его... живые... все более страстно предавались наслаждению, выдумывая все новые роскошества и забавы...

...Ар-Гамильзор... совершенно запретил говорить по-эльфийски и наказывал тех, кто встречал корабли с Эрессеа...

...Но Ар-Фаразон еще не был обманут, и пришла ему в голову мысль, что ради прочности ленной клятвы разумно было бы доставить Саурана в Нуменор, и пусть он живет там заложником за себя и за всех своих прислужников в Средиземье...

...Но коварен был Саурон, и говорят, что среди тех, кого поработил он Девятью кольцами, были могучие витязи-нуменорцы...

Акаллабет

Девять колец он подарил смертным. Это были величественные и гордые короли... С тех пор они в ловушке. Много веков назад подпали они под власть Кольца и стали призраками, тенями во мраке, самыми ужасными слугами Саурана...

Властелин колец, кн. I, гл. 2

КОЛЬЦА – БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ НЕЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДЕВЯТОГО НАЗГУЛА

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Костер медленно догорал в предрассветных сумерках.

День обещал быть тревожным – к вечеру путники должны были выбраться к Бруиненскому броду. Чувство опасности сгущалось.

– Чем ближе к реке, тем опасней, – молвил Глорфиндейл, – чуёт мое сердце: нас настигают сзади, а впереди – засада.

Все невольно сжались, ощущая, как тьма обволакивает их, стискивая в железных объятиях. Внезапно возникло ощущение безотчетного страха, уже знакомого хоббитам.

– Как тогда, на Заветери, – прошептал Фродо еле слышно и...

Словно по мановению чьей-то руки, все посмотрели в направлении Брода и застыли на месте от леденящего ужаса

– перед ними, поблескивая кольчугой в свете костра, возвышалась черная тень.

Даже Глорфиндейл и Арагорн оцепенели на мгновение, – а из-под капюшона, скрывающего лицо жуткого пришельца, раздался глухой, бесплотный голос:

– Я не причиню вам зла. Даже... Хранителю.

– Сделай же что-нибудь, Колоброд! – взмолился полуживой от страха Мерри.

– Это ловушка!

– Нет, – прошелестело в ответ, – это еще не ловушка. Вас ждут к вечеру, за поворотом у Брода. Советую добраться за светло – мы, улайар, не в ладах с солнцем. Главное, Хранителя через реку переправьте – она его защитит. – Призрачная фигура слилась с сумерками. Раздался свист, топот копыт приблизился и стал удаляться.

– До встречи – может быть, – долетело до костра, подобно шелесту ветра в сухих травах.

Эльф, человек и хоббиты оторопело уставились друг на друга.

– Что это было? – внезапно севшим голосом пробормотал Пиппин.

– Не знаю. Все это странно до крайности, хотя похоже на правду, но...

– Правда – от...? – Арагорн запнулся, не желая произносить проклятое слово. – Да это же ближайшие помощники Темного Властелина – Рабы Колец и... Кольца!

– Не знаю, как объяснить, – подал голос Фродо, – но у меня не возникло желания надеть кольцо, и я не ощутил приказа отдать его...

На горизонте появились первые лучи солнца – пора было трогаться в путь.

* * *

Черные Всадники испустили жуткий вой – Фродо уже слышал его в лесах Восточной Чети, – и снова, как тогда, им ответили. Впереди, слева, из-за скал вылетели еще четыре Черных Всадника – на равнине они разделились: двое бросились наперерез Фродо, а двое неслись стремительным галопом к Броду – наперехват, чтобы встретить его у воды. Надежды было мало. «Главное, Хранителя через реку переправьте», – вспомнились ему слова страшного посетителя, – только бы успеть, но как... В этот момент один из Всадников, скакавших ему наперерез, как-то слишком приблизил своего коня к коню собрата, стремяна сцепились – это продолжалось недолго, но преследователи слегка отстали, и этого хватило, чтобы проскользнуть к реке.

Асфалот ринулся в воду, и вскоре Брод остался позади. Оглянувшись, Фродо увидел на другом берегу Всадников. «Остановись! Вернись!» – раздался в сознании приказ, послушаться которого у хоббита уже не было сил.

Черный Всадник, крайний в ряду, двинулся к воде – тут

же, словно не желая уступить первенство, опережая его, направил коня вброд Предводитель – за ним последовали еще двое.

Ближайший Черный Всадник преодолел уже две трети реки, когда до слуха Фродо донесся яростный рев и тяжкий рокот.

ИСПОВЕДЬ КОЛЬЦЕНОСЦА

Маг прикрыл глаза рукой и долго глядел на восток, словно пытаясь разглядеть что-то за далью.

– Кольца нам уже не достать, хорошо хоть от этого искушения мы свободны. Мы встретились вовремя. Вы идете со мной?

– Конечно, – ответил Арагорн, – мы с тобой и за тобой. Ты по-прежнему ведешь отряд. У Темного Владыки его Девять Черных Всадников, у нас – только один Белый, но он стоит девятерых. Мы пойдём за тобой, куда бы ты нас ни повел...

– Ну что, хранители, как успехи? – донесся до их слуха свистящий полусшепот; повеяло холодом, и на опушке появилась закутанная в черный плащ фигура.

Гэндальф припомнил странный рассказ Арагорна о встрече у Брода.

– Кто ты такой и почему помог нам? – воскликнул он, держа на всякий случай перед собой посох как клинок.

– Потому что Саурона и его власть я ненавижу еще сильнее. – Тень стояла перед ними, прислонившись к древесному стволу в небрежной, не лишенной, однако, изящества позе. – Свет я не люблю, ибо он мне чужд, а Темного Владыку – потому что он помог мне стать чуждым свету.

– Право, для нас была неожиданной помощь от...

– Раба Кольца.

– Ну... да, это как-то не укладывается... – Арагорн замешкался, подыскивая подходящие слова.

– В ваши представления о таких, как я. Вполне естественно. Вижу, вам хотелось бы знать больше – у вас появятся основания для доверия, и картина мира пребудет в целостности и сохранности. Что же, возможно, моя история развлечет вас. Жаль, г-н Сумникс отсутствует – не мешало бы ему побольше про колечко знать, но, думаю, он образумился, да и не до чужих мемуаров ему сейчас.

– А нам бы действительно хотелось понять хоть что-то, – сказал Гэндальф, присев на камень.

Призрак расправил плащ и чуть откинул капюшон – возникло высохшее, мертвенно-бледное лицо, на котором зеленоватым тусклым огнем светились холодные, неподвижные, как у змеи, глаза.

Все невольно отшатнулись, и узкая щель, служившая прищельцу ртом, искривилась в невеселой усмешке.

– Давно не смотрелся в зеркала – я там не отражаюсь. Но не буду отвлекаться.

Итак, я – один из девяти владельцев колец, данных Сауроном людям.

Мое имя вряд ли что-то скажет вам, да это теперь и не имеет значения. От моего некогда роскошного замка в Нуменоре не осталось – по известным причинам – даже руин. А когда-то мой двор отличался великолепием, и талантливые

посетители съезжались туда отовсюду.

Я не настолько интересовался воинскими искусствами или магией – хотя они и занимали немалое место в моей жизни, как и у всякого представителя моего круга, а среди моих гостей были поклонники как первого, так и второго; скорее прекрасным – поэзия, знаете ли, музыка или что-то иное.

Мои залы были задуманы эльфийскими зодчими и украшены мастерами-гномами, там творили известные менестрели.

Я не выношу уродства до сих пор – может быть, поэтому не свыкся с орками, троллями и прочими обитателями Мордора?

Но уже тогда появились зачатки моей гордыни – я все больше любил созданное мной и для меня и все больше презирал мир вокруг (впрочем, до некоторой степени он этого заслуживал).

Вот тут-то и объявился взятый в заложники Ар-Фаразном Саурон – и был мне представлен. Красавец и блестящий собеседник – неотразимое сочетание. Общение с ним доставляло мне эстетическое и интеллектуальное удовольствие, ибо познаниями он обладал исключительными. Он стал моим частым гостем. Его советы отличались точностью, формулировки – изяществом, а утверждение, что красота выше добра и зла, нашло отклик в моем сердце – тогда оно еще у меня было, знаете ли.

Да... Постепенно моя любовь к прекрасному превраща-

лась в ненависть ко всему, что не соответствовало идеалу и казалось примитивным. Уродство могло восхитить меня – но доведенное до степени исключительности.

Впрочем, это неважно. Достаточно сказать, что мои развращения и творческие изыскания становились подчас жестоки.

В один из вечеров Саурон и преподнес мне кольцо, сопровождая дар комплиментами, составленными достаточно разумно, чтобы не перейти границу, отличающую хороший тон от дурновкусия, в адрес моей блистательной персоны, светоча культуры Средиземья и арбитра изящества, – рассказчик ухмыльнулся, – и я, с подобающими месту и времени выражениями благодарности, принял подарок. В то время уже ходили слухи о страшных черных всадниках, но в чем дело, не знал толком никто.

Когда я впервые надел Кольцо, казалось, мир стал ярче, звуки – четче, все вокруг обрело какой-то дополнительный смысл, в сознании возникли связи времен и явлений, прежде, видимо, неявные и не замеченные.

Я ощущал в себе небывалую силу и вдохновение, казалось, власть моя безгранична и я могу творить блистающие миры мановением руки.

И понеслось: грандиозные замыслы, претворявшиеся в жизнь любыми методами, игнорирование и изгнание всего, что, как мне думалось, стояло между мной и совершенством.

Увеселения становились все более извращенными, в сред-

ствах я был все более неразборчив.

Жажда нового, еще более удивительного и оригинального становилась все непомерней, но вместе с тем появилось и росло ощущение скуки и равнодушия. Мир вокруг выцветал, и приходилось подстегивать себя все более острыми ощущениями и переживаниями.

Как-то возникла мысль снять Кольцо. Я сделал это – и словно вся тяжесть Арды обрушилась на мои плечи. Холод, озноб, все звуки – как сквозь войлочную завесу. Из зеркала на меня глянул смертельно усталый человек с потухшими глазами и порочным лицом. Мне стало страшно, и я решил не касаться больше Сауронова подношения, но тут ужас последнего года открылся мне во всей своей уже отнюдь не эстетичной правде. Возможно, я бы еще смог справиться с этим, но... мне предстоял очень важный прием, а в голове – ни одной мысли, какое-то оцепенение... Последний раз, решил я, только проведу его – и все. Этот раз действительно был последним – еще раз расстаться с Кольцом у меня не хватило ни сил, ни духа.

Я не буду углубляться в подробности, каким образом я проводил следующие годы, – многие из тех, кто был когда-то рядом, ушли: сами или заплатились за попытки привести меня в чувство. – Назгул усмехнулся невесело.

– Все постепенно пришло в запустение, а я прожигал последние средства, угаром бесконечных праздников пытаюсь заполнить растущую пустоту. Все вокруг блекло, распадалось.

лось, отдавало тлением.

В один прекрасный день, задумавшись, я взглянул в зеркало снова – в последний раз, как оказалось – и увидел там мертвеца. Я отшатнулся в ужасе и услышал тихий смех за спиной. Обернувшись, я узрел Саурана, небрежно развалившегося в кресле, а вокруг... Да, так передо мной впервые предстали мои собратья. Эру, как они выглядели! Собственно, вот так и выглядели – как я сейчас. Сознание начало мутироваться, все подернулось дымкой, но мои гости казались еще отчетливей и материальней.

– Ну как чувствует себя светоч культуры Средиземья? – спросил Саурон, и в голосе его мне явственно послышалась насмешка. – Как здоровье, ничто не беспокоит?

– Не знаю, что именно вызывает у вас иронию, любезнейший, – холодно произнес я, – но я и в самом деле не могу дать какое-либо определение моему состоянию, и оно меня не радует.

Саурон расхохотался, и кольценосцы вслед за ним – как будто кто-то громил оружейный склад; их невеселый смех был схож с лязгом железа.

– Не радует!

– Разумеется, милейший, вас уже вряд ли что-то порадует. Вам и жить осталось не так долго.

– Что со мной?! – попытался крикнуть я, но вышел только сдавленный хрип.

– Ничего особенного. Просто колечко понемногу освобо-

дило вас от всякой шелухи, связанной с человечностью, ну и... от плоти – заодно – тоже.

– Будь оно проклято! – прошептал я.

– Ах, вот как! Что ж, тогда верни его мне, а уж я найду ему хозяина – желающих хоть отбавляй. Впрочем, не берусь угадать, что ждет тебя за Кругом Мира – ведь ты там скоро окажешься, а за твои художества...

Я молчал, хотя его наглость бесила меня.

– Но ты можешь жить сколько угодно и веселиться за мой счет – став моим слугой, разумеется. У тебя неплохо получится.

От такого заявления я на секунду онемел, а потом со всего размаху влепил ему пощечину.

Саурон встал, глаза его светились теперь багровым огнем и, казалось, метали искры. Он поднял руку, и я увидел Кольцо – простое на вид, без камня, – но оно как будто горело изнутри.

Кольценосцы схватили было меня, но он остановил их:

– Не надо. Ты наглец, но меня это даже забавляет. Я же знаю тебя, твои тщеславие и жестокость – во имя красоты, разумеется. Так что рабом моим ты будешь все равно. Смотри же!

Кольцо на его пальце засветилось ярче, и я почувствовал, как мое же кольцо тянет меня вниз – я хотел снять его – и не смог. Под страшным давлением я упал на колени, а потом – распластался ниц у ног ухмыляющегося Саурона – ни

одна самая ничтожная часть моего исчезающего тела не слушалась меня...

Рассказчика передернуло, а глаза превратились в горящие щели. Он тряхнул головой, словно отгоняя наваждение.

Саурон наступил на кисть руки – той, что нанесла удар, и под его сапогом она рассыпалась в прах. Я не успел почувствовать боли, так как ее перекрыла мука куда более сильная: кольцо, скатившись со сломанного пальца, покинуло меня и покатилося по полу. Я даже не пытался поймать его: плоть распадалась со страшной болью.

Саурон заглянул мне в глаза, приподняв голову за подбородок:

– Ну? Рабство или: будет еще хуже – ТАМ... Мужество оставило меня – я не смог умереть тогда и проклят теперь – навсегда. Я стал рабом Кольца.

Мое он вытянул из угла, куда оно закатилось, и вложил в уцелевшую руку.

– Развлекайтесь, ваше высочество, пока на службу не призвали.

Потом я получил новую плоть, уподобившись остальным. Каковы были их пути... Разные, насколько мне известно, но это уже не моя тайна.

Итак... Мы выполняли приказы Владыки – самого разного свойства. С падением Нуменора дивный облик он утратил и манеры у него испортились окончательно – и впрямь, зачем и для кого стараться?

Я не пользовался у него особым доверием – ему достаточно было поймать мой взгляд, чтобы оценить степень собственной развоплощенности, а заявления вроде «на себя посмотри» утешением служили слабым. Впрочем, оказалось, что мое нормальное зрение осталось почти неизменным и людей я лучше чувствую и понимаю – со всеми вытекающими отсюда преимуществами. Так что в некоторых деликатных ситуациях я был незаменим.

А потом я стал забывать – и былую жизнь, и оскорбление Саурона, и внешний мир. У нас была общая жизнь и одна судьба. Проклятые должны держаться вместе, не так ли? Подобное к подобному, а, Митрандир? – Призрак повернулся к Гэндальфу.

Я стал находить особую прелесть в насилии и жестокости, получать удовольствие, видя, как ужас сковывает сердца живущих в Средиземье при одном моем появлении. Я уже плохо представлял себе, что можно существовать как-то по-другому.

Так продолжалось немало лет. А потом со мной произошла странная вещь – я полюбил – если вообще на это способны души, лишённые надежды. Вряд ли я даже имею право называть это так...

Мы носились по Средиземью в поисках новых рабов для Мордора – а я должен был подыскать и отобрать наиболее милovidных и кротких, чтобы меньше возни было с приручением, ибо Саурон желал окружить себя наилучшими эк-

земплярами человеческой ли, эльфийской ли породы...

– Так вот как пропадали прекрасные эльфийские девы! – вскричал, не в силах сдержать гнев, Леголас, хватаясь за кинжал.

– Да, именно так, – прищурился назгул. – Что же, ударьте, любезный Леголас, ваш клинок, кажется, эльфийской стали? О, если бы можно было таким образом обрести подлинную свободу, я бы давно уже решил эту проблему с помощью вам подобных. Впрочем, я к вашим услугам.

– Не время сейчас, – дернул эльфа за рукав Гимли. – Лучше пусть дорасскажет, – вот уж не думал, что у Всадников с Сауроном свои счеты.

– Я говорю в данном случае только о себе, почтенный наугрим...

– Нет, правда, чем он вам еще досадил? – не унимался гном.

– Досадил... Да... Ладно. Почему бы и не выговориться? Скрывать, пожалуй, нечего, да и болтать вам ни к чему – похоже, сплетни не относятся к вашим излюбленным развлечениям.

Тогда дальше. На чем я остановился? А, конечно... Я впервые увидел ее среди скал, поросших вереском, в наступающих сумерках – отличный образец человеческой породы, – подумалось мне. Мысленно приказав ей не двигаться, я приблизился – и не увидел страха в ее глазах, только интерес, возможно любопытство. Это, конечно, задело меня,

хотя скорее позабавило: то ли не понимает, с кем дело имеет, то ли дурочка (ну последнее – не беда, для Мордора сойдет). А она продолжала разглядывать меня – словно мумака в цирке. Я почти смутился – когда подобие плоти имеет исключительно функциональное применение, о красе ногтей как-то не заботятся. Когда-то я отнюдь не был обделен женским вниманием, да и впоследствии столь важная персона при дворе Темного Властелина не встречала отказа, но вот так изучать, без боязни и отвращения...

«Ну долго в гляделки играть будем? – спросил я себя. – Бери цыпленка под крылышко – и домой, к папочке».

Тут она сделала шаг вперед и спросила:

– Это вы – посланник Темного Владыки из Мордора?

Я даже опешил: задавать вопросы – мне?

– А как ты думаешь? – довольно ехидно поинтересовался я.

– Я слышала много легенд о вас...

– А теперь видишь наяву – рада? (О Валар, зачем я с ней разговариваю?!) Пойдем со мной – будешь первой придворной дамой Барад-Дура.

– Так просто первыми дамами не становятся, – улыбнулась она, – впрочем, я к этому не стремлюсь.

«Ты ее еще спроси, к чему там она стремится, и можешь украшать свой плащ бубенчиками», – сказал я себе, а вслух... Не мог я уже тащить ее силой в Мордор. Дело было не в ее наивности (она таковой не была, глупой – тоже),

а в ее удивительной открытости миру и живом интересе ко всему в нем. Ее внимание равно привлекали гавани Запада и пещеры Кирит-Унгол, темные силы и светлые создания – она не отделяла в своей любознательности Добро от Зла, но, в отличие от меня (когда-то), она не ставила себя выше этих понятий и выше любви, ничего не порицала и не отрицала – в каждом явлении есть что-то, дающее ему право на существование.

Увы, мы разговорились. Я впервые за долгие годы просто беседовал о чем придется, без злости или настороженности, а ей – ей было безумно интересно. Она и сама знала немало – дочка советника местного князя, выросшая в доме, полном книг. Мы проговорили всю ночь. Потом она наконец вспомнила, что ее дома заждались, мне пора было возвращаться. Но нам показалось, что встретиться еще раз просто необходимо. И еще... она стала для меня тем, чем было когда-то Кольцо: светом, творчеством, но не рабством, а свободой. Тем тайником, где хранились, подобно последним реликвиям, остатки человечности.

Но даже если из всех моих деяний, за которые я заслужил вечное проклятие, оставить только эту любовь – будет достаточно. Как я мог допустить это? Расслабился – эгоист. Любил бы – оградил – от себя же, от того, что во мне и со мной. Но если бы я сразу это понял! А как мог понять, если никогда не любил – романы бесчисленные не в счет?!

Могу лишь сказать, что, когда до меня это дошло, я сра-

зу попытался отвадить ее. О Мордоре я рассказывал немало (как, впрочем, и о Нуменоре), поведал и о себе. Постарался объяснить, почему нам лучше бы не видеться, – о том, что для нее это опасно в первую очередь, я не хотел говорить слишком прямо, боясь пробудить в ней упрямство. Подумать только, как забавно: бояться – за кого-то.

А она подошла поближе и взяла меня за руку:

– Не оставляй меня – я только нашла друга – кто бы ты ни был.

Я готов был провалиться сквозь землю. Зачем все это... Или – за что?..

И я твердо решил скрыться. Ну, может, поплачет, обидится, оскорбится даже – так что с мордорской нечисти возьмишь, впредь не будет с призраками болтать, но хоть жива будет – сколько ей ни отпущено.

Я с головой ушел в «работу»: набег – прекрасно! убийство – сделаем! Пугнуть кого-нибудь – нет проблем! Доходчиво разъяснить ситуацию непокорным еще племенам – разумеется, с моим светским опытом... Если бы у меня еще сохранилась способность потом напиваться до бесчувствия...

Саурон нарадоваться не мог – наконец-то! Хвалил, по плечу похлопывал: молодец, изжил наконец свои интеллигентские замашки; способности и правильное понимание идеи – залог успеха правого дела!

В сторону Запада я и не смотрел – то на Восток, то на Юг, то в Северные пределы: не видеть ни Запада, ни Мордо-

ра. А кому рассказать? Наверное, многие из девятки и поняли бы (остальные обитатели Мордора ненавидят нас и боятся смертельно), но, учитывая, что часть мыслей наших, если очень хорошо их в пустоту не прятать, Саурон легко может прочесть, кого-то из них подставлять... Не со всеми я «на ножах». Не все злорадствовали, когда Саурон пришел за моей душой...

А потом... Такого поворота событий я не мог... Должен был, идиот! – просчитать, предвидеть (разве что в страшном сне, впрочем, если бы был способен спать). Я недооценил ее... Она пришла в Мордор, – назгул сжал руками виски, скомкав капюшон, – за мной, ко мне... Вдруг со мной что-то случилось (со мной, ха!), или она мне надоела, мне стало скучно с ней?

Я узнал, как это произошло, – потом.

Она не была столь наивна, чтобы в открытую расспрашивать обо мне – слышана была о нравах империи, от меня в том числе, поэтому и географию Мордора хорошо представляла – зачем я ей столько рассказывал?! – до Барад-Дура добралась.

Там ее Аргор заметил и очень удивлен был. Даже спросил, что, собственно, ей у нас надобно. Мило было с его стороны. Она его еще больше удивила, сказав, что ее привел в цитадель тьмы интерес к разным странам и культурам. И Аргор почел за лучшее отвести ее к Саурону. А тот, уяснив, что многого тут не узнаешь, решил почитать ее мысли. Усилием

воли она могла бы их скрыть – на поверхности. А в глубине – мало кто туда сам заглянуть способен. Он смог. И понял, зачем она пришла сюда.

До чего любовь несправедлива – я и десятой доли такого не был и не буду достоин.

А Владыка решил поразвлечься (это что же такое – если утонченный эгоист, который при жизни-то никого не любил по-настоящему, будучи призраком, такое выдал, то кто знает, на что остальные окажутся способны? Где, когда и что выплывет в их сознании? Такие вещи надо пресекать: жестко, раз и навсегда, а то своеволие...)

– Значит, хотела бы с обитателями Барад-Дура пообщаться? – спросил он ее.

– Да, а что?

– Ничего. Сейчас, пожалуй, познакомлю...

Я услышал его мысленный приказ явиться, приближаясь к границам царства, и прищпорил коня, не чуя подвоха. Остальным было тоже приказано собраться.

В зал я вошел последним, как ни в чем не бывало, и... тьфу, вот ведь любителем дешевой мелодрамы стал мой бывший гость! Стремился наиболее полно наблюдать произведенное впечатление.

Конечно, я всегда был достаточно лицемерен – и артистичен вдобавок. Но в сотые доли мгновения оцепить ситуацию и выбрать тактику... А Владыке хватило и тысячной доли мгновения моей растерянности, только он сумел уловить ее.

А мысли...

Все же любой сторонний наблюдатель мог бы засвидетельствовать, что я и виду не подал. Глянул на нее безразлично: это, мол, что еще такое?

– Никто из вас не знаком с юной леди? – поинтересовался Саурон.

Все покачали головами, ухмыляясь – право, это выглядело все забавнее. Все же я решил отпираться до конца, хотя и чувствовал, что это бесполезно.

– Что ж, позвольте представить: с Аргором вы уже познакомились... – Он лестно представил всех. – А это – Аллор – последний, тихоня конечно, но поболтать иногда с ним забавно. И манеры хорошие сохранил, до сих пор, наверное, помнит, в какой руке вилку, а в какой нож держать надо.

Кто-то громко расхохотался, а я чувствовал, как от злости туманится зрение и звенит в висках.

– Значит, вы не знакомы ни с кем? А то мне вдруг показалось, что господин Аллор вам кого-то напоминает. Или... знаком?

Она с тем же наивным видом покачала головой: что вы, я могла только представить их по рассказам. И... простите, я правильно сказала: «Аллор?» – так и его я вижу впервые.

Так мы и выгораживали друг друга – Саурону на смех.

– Послушайте, барышня, а вам этот глупец, – он кивнул в мою сторону, – никогда не говорил, что я могу мысли читать?

Она как-то сжалась и молчала.

– Впрочем, вас можно назвать милой, но умной – никак. Неужели вы и впрямь подумали, что он – этот закоренелый себялюбец – полюбил вас? Какая наивность! Вы беспокоитесь, идете сюда разбираться, что и как, стремитесь помочь (смеху-то!), а наш герой-любовник такими делами занимается за пределами Мордора – не иначе, в честь Прекрасной Дамы, – что же вы, господин Аллор, не украсили ваш черный плащ ее шарфом и не поведали друзьям и Учителю имя, во славу которого вы все это натворили?

Хотя, я думаю, все было иначе. – Учитель явно наслаждался собственным красноречием. – Ты, конечно, не первый среди прочих, но выслужиться рад, да и позабавить нас не прочь – да? Вот и разыграл все это – язык-то неплохо подвешен, ничего не скажу, не меч все же. И впрямь оригинально, достойно бывшего арбитра изящества – давно я так не веселился, – чтобы девчонки сами в Барад-Дур бегали! А ведь говорила, наверное, мамочка: не заговаривай с незнакомыми дядями! Правда, я угадал? Ну что ты молчишь, будто с развоплощением и языка лишился? Не скромничай!

Его смеху вторили. Но не все. Точнее – некоторые. А потом – никто. Хохот Владыки повис в тишине – и он резко оборвал его.

– Презираешь? Героя из себя корчить задумал? А в чем дело? Жжешь, убиваешь, в рабство уводишь – и думаешь чистеньким остаться? Не выйдет! Наше общество его не устраивает, наскучило? Развлечься решил? Трус и эгоист! А о ней

ты подумал? Любил бы – не допустил бы, чтобы она сюда пришла, раз уж ты нас подходящей компанией для нее не считаешь. Поздно спохватился-то. А еще по людям у меня специалистом числишься. Лишь на то и годишься, чтобы пыль с книжек стирать! Да и куда ты от Кольца денешься? Ты ведь с ним ни на мгновение расстаться не можешь, ради него на все пойдешь – так ведь?

А может, юная леди с нами останется? Особых услуг не потребуется, так, иногда... Поживете еще лет сколько-нибудь, как голубки. Парочка, а, Аллор? Потом женушку похоронишь – и за дело. А пока она еще очень ничего – свеженькая. Мертвого поднимет. Ты научишь – она, верно, способная...

Я не сдержался и бросился на него. Глупо безумно, но слушать это было невозможно. Было ясно, что уйти ей не дадут, а заставить работать на себя... нет, не смогли бы...

Он, видимо, чуть замешкался, мой клинок почти коснулся его горла, когда я почувствовал, что парализован – как когда-то. Заклятый кинжал выпал из рук, а меня отбросило к стене – ужасное чувство бессилия и неспособности помочь: даже зная, что я лишь Раб Кольца, возможно, она полагала, что я способен сделать хоть что-то? Ведь я был опаснее любого существа в Средиземье.

Видимо, ее нервы тоже не выдержали – она кинулась ко мне...

– Как вам не стыдно! Ничего хорошего даже со своим

сверхкольцом сделать не можете: оно не принесло вам ни доверия, ни покоя, ни радости! А издеваться над теми, кто в твоей власти, – по крайней мере признак дурного вкуса!

В таком бешенстве Владыку не видел никто. Извержение Ородруина показалось бы прохладным ручейком в сравнении с волной озлобленной воли, прокатившейся по залу.

– Выговаривать – мне? – очень тихо проговорил он, и, видимо, повинувшись приказу, не выполнить который ни у кого из присутствующих не достало бы сил, один из кольценосцев скользнул к ней и вонзил в спину заклятую сталь.

Она повернулась к нему:

– Я не виню вас. – И вложила свою ладонь в мою – ту, на пальце которой было кольцо.

– Аллор, ты ведь можешь усыпить – навсегда? – прошептала она еле слышно.

Это было все, что я мог сделать для нее – теперь. Чудовищным напряжением остатков воли я заставил кольцо действовать; Саурон не успел помешать мне – думал, что я получил достаточно. Почувствовав приближение смертного сна, она улыбнулась.

– Говорила же, что ты бессилен, – владыка рабов. Я люблю тебя, Аллор, – прости, что так вышло – я не могла иначе. Но пока существуют твои душа и память – у нас есть надежда. До встречи – когда-нибудь – за Кругом, – и закрыла глаза.

Она лежала, положив голову мне на грудь, как королева-победительница...

Голос призрака пресекся. Повисло тяжелое молчание. Арагорн вздохнул, видимо под впечатлением от рассказа вспомнив что-то свое, а Гимли с преувеличенным вниманием разглядывал свой топор.

– Уж не думаете ли вы, что я это рассказал, чтобы разжалобить? Или, быть может, я просто разыграл вас? Назгулу же соврать ничего не стоит – да и перерезать всех, пока вы тут уши развесили, лишив Гондор – короля, а Средиземье – мага? Неужели и впрямь пожалели? Спасибо, не стоит.

Все как-то подобрались, не зная, как реагировать и что предпринять.

Черный всадник встал.

– Насторожились – и правильно! – Он резко развернулся, мелькнул плащ.

– Аллор! – воскликнул Гэндальф. – Подожди, пожалуйста! Это правда, – повернулся он к спутникам, – а Кольцом он мог уже неоднократно завладеть. Но почему вы раньше не встретились с Хранителем? Еще в Шире?

Назгул обернулся через плечо:

– А не было меня – вообще не было.

Когда моя любовь заснула смертным сном, избегнув развоплощения и вечного рабства в Мордоре, Владыка приблизился ко мне:

– Ах, вот ты как? Ты пожалеешь об этом – не раз – у тебя будет время. Ты некогда, помнится, предпочел рабство – аду? Ну так теперь ты свободен – относительно, конечно, та-

ких, как ты, ни за пределами Арды, ни в Мандосе не держат. Так что ответишь за все.

Я почувствовал, как его взгляд сжигает меня – дотла. Восемь стояли в оцепенении.

– Так поступают с еретиками-отщепенцами, ясно? – обернулся он к ним. – Прощай, герой-любовник!

– Не-на-вижу, – успел прошептать я в ответ и... Горячая боль сжала, как клещами, то, что было моим телом, – оно таяло на глазах. А потом – бесконечное падение в огненно-ледяную бездну. Я не знаю, с чем можно сравнить это – да и надо ли? Жар, холод, боль, страх, раскаяние – без возможности хоть что-то исправить, головокружение – это просто слова, ярлыки – этого не понять тем, кто там не был, – внезапно он взглянул на Гэндальфа – тот сидел, сжавшись, сцепив руки так, что побелели костяшки пальцев.

– Ты знаешь... Барлог в Мории... – и опустил глаза. Гэндальф поднял голову и взглянул на ночного гостя каким-то другим, особенным взглядом:

– Значит...

– Значит, что конец второй и почти всю третью эпоху я провел ТАМ. Платил по счетам – как сказал бы правдолюбец Гортхауэр.

Я не помнил себя от муки, все было выжжено, заморожено, растоптано – как назвать это... Наверное, только ее последние слова удержали мою душу, мое сознание от исчезновения – память. Несмотря на то что она умножала страда-

ния, она заставляла быть, быть собой – я не мог убить ее – еще раз. Но мне грех жаловаться – со мной был еще один дар любви – надежда. Там, где созданы все условия для ее уничтожения, – у истоков отчаяния...

И вот – стоило столько столетий бороться за свою душу против всей преисподней, чтобы ее наконец вызвал – притянул Владыка и Учитель, – назгул саркастически расхохотался.

Он вернул меня и спросил:

– Ну как, подумал? – поистине, как наставник, разрешивший наконец нерадивому ученику покинуть угол.

– Да, – ответил я (это не было ложью ни в одном отношении: времени для раздумий у меня, и правда, было предостаточно, другое дело – к каким выводам я пришел).

– Ну и что надумал? – продолжал он спрашивать, а я вдруг почувствовал, что он не может читать мои мысли, – что-то случилось со мной в тех глубинах – я мог контролировать свое сознание и позволить прочесть столько, сколько сочту нужным. Он, похоже, решил, что память мне хотя бы частично отшибло, и я не стал его разочаровывать, а лишь сказал:

– Приказывай! – не заостряя внимания Господина на теме моих размышлений и сделанных на этой основе умозаключений.

Саурон почему-то удовлетворился столь внешней демонстрацией покорности и поручил мне искать Хранителя.

Вернул-то он меня без особой охоты, увидев, как мои кол-

леги неоднократно дали хоббитам уйти – от Шира до Заветери. Так что встреча у Бруиненского брода была моим дебютом после «освобождения».

Все притихли и как-то совсем по-другому смотрели на кольценосца. Тот оглядел их и сказал:

– Думаю, никому не пришло в голову, что я стал человеческой, благородней или сентиментальней, – во мне не осталось ничего, кроме ненависти и усталости да еще памяти, поддерживающей злость и напоминающей о единственно дорогом – любви и надежде.

Не здесь – здесь ее нет для таких, как я, не являющихся светом по определению, но уставших от тьмы – и от такой «жизни».

Есть, похоже, только один способ разорвать эту цепочку...

Так что цель у нас общая – если мы правильно поняли друг друга.

Вас удивляет, что я не попытался-отобрать Его у Хранителя и поступить с Ним, как сочту нужным? Смешно. Не позволит Оно мне себя уничтожить – я и подобные мне более всех подчинены – и зависим от Кольца Всевластья. Даже не хочу думать о том, во ЧТО я превращусь, владея Им.

Я не собираюсь становиться еще одним Темным Властелином – право, смешно рваться управлять этим миром, пребывая в другом почти полностью. Так что в любом случае я могу лишь использовать кого-то. А если Хранитель не выдержит... Я уже не умею создавать – лишь разрушать, – но

это делаю неплохо. Найти же его для меня не составит труда.

– Но если Кольцо будет уничтожено, вы...

– Да. – В голосе кольценосца прозвучала нечеловеческая тоска. – И так будет лучше для всех.

– Ты много берешь на себя.

– А что можно от такого ожидать? При дворе Владыки меня называют Вольнодумцем, в легендах – Еретиком. Что же, у Саурона будет еще одно основание для нелюбви к моей особе, а восемь – думаю, они поймут. Хотя бы потом – когда обретут утраченную возможность выбора – Дар. Свобода – это почти счастье, а счастливых в Минас-Моргуле нет.

Они были не последними из детей Илуватара – какими бы они ни были сейчас, – цельные, сильные натуры – не то, что я – холодный эстет, для которого не осталось ничего святого, за всю свою блестящую, но никчемную жизнь не испытывавший подлинно глубоких чувств. Изнеженный потомок владык Нуменора и Андуние... Гэндальф чуть подался вперед: – Род нуменорских королей? Тот самый Еретик? Да, кто осмелился бы направить клинок к горлу Саурона, – пробормотал он про себя, – родич Исилдура, потомок Эльвинг, Берена и Лутиэнь, Мелиан... Да-а – кровь Майар, Элдар и Людей.

Арагорн приподнялся в волнении («Ну и родственник!») – подумал он), а назгул горько усмехнулся:

– Я как-то мало думал о столь далеких предках – уже в мое время это казалось легендами. Учителю не откажешь в

своеобразном остроумии – потомка светлой майа превратить в не-свет и сделать ужасом для Арды.

– А... какого цвета были ваши глаза? Простите, – заметив, как дернулось лицо призрака, тихо спросил Гэндальф.

– Синие, синие, – усмехнулся, овладев собой, Аллор. – Похоже, я понимаю, почему вы задали этот вопрос.

– Завеса Мелиан! Мысли не прочесть, волю не подчинить, и зрение... – Гэндальф в волнении встал и ходил взад-вперед. – Удивительно! Попытаться выжечь и вытравить все человеческое и получить третью составляющую – неуничтожимую сущность майа. Тот редкий случай, когда кровь Мелиан проявилась так сильно. Такие данные себе на службу заполучить – умно со стороны Саурана. Но – непредсказуемо ведет себя древняя кровь... Потерять сердце – чтобы научиться любить, потерять душу – чтобы обрести ее...

– Да, это занятно, – прервал разговор Гэндальфа с самим собой кольценосец, – но это уже не имеет значения – я чужд свету и отравлен тьмой, мои руки по локоть в крови. Может, за пределами произойдет что-то? Пусть судят – когда я смогу покинуть этот мир – сам.

А вот и солнце – как тяжело на него смотреть... Прощайте, а может, до встречи. – Назгул чуть отступил и издал резкий жуткий крик, заставивший всех вздрогнуть. Послышалось хлопанье крыльев, и огромный ящер приземлился неподалеку. Аллор стремительно вскочил на спину чудовища, что-то сказал ему – черная тень взмыла в воздух и по-

неслась па восток.

Гэндальф сидел, обхватив руками голову, Арагорн мрачно чертил мечом на песке какие-то знаки.

Пора было трогаться в путь. Вслед за магом они спустились к реке и вышли на опушку.

ПЕЛЕНОРСКАЯ РАВНИНА

Близился вечер. Спустившись со стены, Гэндальф бросил усталый взгляд на поле, где еще утром кипела жестокая схватка.

Внезапно ему показалось, что он слышит негромкое пение. Прислушался и двинулся туда, откуда, как казалось, шел звук. Вскоре он услышал его явственней: глуховатый, впрочем, хорошо поставленный голос напевал заунывную, грустную мелодию. Вслушавшись повнимательней, маг разобрал слова погребальной песни, исполнявшейся на квения.

– Намариэ, кормакаллиндор, намариэ... – прозвучало над полем, и пение стихло.

Присмотревшись, Гэндальф увидел невдалеке темный силуэт. Знакомый страх заполз было в сердце, но, приглядевшись, он узнал кольценосца, бывшего некогда его собеседником, и решил подойти поближе.

Реакция призрака была мгновенной – маг не успел опомниться, как острие меча замерло у горла. В другой руке назгул сжимал заклятый клинок – ничего не оставалось, кроме как поднять руки.

– А, это ты, Митрандир, за твою голову мне бы Господин Учитель даже спасибо сказал, – усмехнулся Аллор, опуская меч. – Впрочем, я не убью тебя, если будешь вести себя подобающе.

– Я не подниму оружие против того, кто хоть однажды помог нам, – ответил Гэндальф. – Но что ты делаешь здесь? По ком поешь погребальную песнь?

– По Ангмарцу, разумеется, сегодня он оставил мир, и где его душа – Эру ведомо. Но воин достоин того, чтобы его отпели и погребли как подобает. Жаль, я неважно помню обряды...

– Ты владеешь высоким наречием?

– Свободно.

– Но в твоё время оно было запрещено...

– Я всегда трепетно относился к запрещенному. К моим услугам были лучшие библиотеки Нуменора и друзья из Перворожденных. Вот и пригодилось – в кои-то веки... Ступай, Митрандир, у тебя, кажется, были какие-то планы?

– Может, помочь чем-то? – смущенно спросил маг.

– Что ж, если погребение призрака-кольценосца не противоречит твоим убеждениям... – Назгул достал меч и принялся рыхлить выжженную землю.

Опустив глаза, Гэндальф увидел разложенный на земле плащ, распоротый посередине, а на нем – кольчугу, палицу, меч и корону. Внутри ее стального обруча тускло поблескивало кольцо.

Гэндальф поднял валявшийся неподалеку шлем и начал выгребать землю на края будущей могилы. Работали молча. Вскоре неглубокая яма была готова. Назгул бережно сложил края плаща и перенес в нее то, что осталось от грозного

Короля-Чародея. Потом, видимо, что-то решив, осторожно взял кольцо и положил в кошелек, висевший па поясе.

– С такими вещами надо обращаться осторожно, еще попадетя кому-нибудь.

Потом черный всадник взял горсть земли – смешанная с кровью и пеплом, она медленно струилась сквозь пальцы – и высыпал в свежую могилу. Помедлив, то же сделал и Гэндальф.

– Прощай, Аргор, – сказал Аллор.

Вскоре яма была засыпана. Недалеко нашелся подходящий камень, и острием небольшого кинжала назгул выцарапал рунами на кертар:

**ЗДЕСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО
РАСПРОЩАЛСЯ С ПЛОТЬЮ
ХЕЛКАР, ОН ЖЕ АРГОР,
ВЕРХОВНЫЙ НАЗГУЛ, КОРОЛЬ-ЧАРОДЕЙ.
ДА УСПОКОИТСЯ ЕГО ДУША -
ГДЕ БЫ ТО НИ БЫЛО...**

Он прочертил в воздухе знак охраны. Затем встал, откинув капюшон, – в свете гаснущего солнца его голова была полупрозрачна, багровый свет проходил сквозь нее, холодный ветер шевелил бесцветные волосы, рассыпавшиеся по плечам.

Минута прошла в молчании.

– Спасибо за помощь, Митрандир, – мне пора.

– Да не за что, прости, если помешал.

Внезапно боковым зрением Гэндальф увидел какую-то тень. Подумал было, что показалось, но его собеседнику, видимо, померещилось схожее, так как он запустил камнем в том же направлении.

Раздался крик, удаляющийся шорох...

Гэндальф огляделся. Назгул лениво оттирал землю с меча краем плаща.

– Уж не за тобой ли это шпионят?

Аллор равнодушно пожал плечами:

– А что с меня возьмешь? Ни для кого не секрет, что у меня бывают более чем своеобразные знакомства.

– Репутация, не иначе, еще с нуменорских времен?

– Пожалуй. При дворе на мои причуды смотрели сквозь пальцы – до времени. Друзья влиятельные были – министр безопасности часто пересылал мне доносы, моей скромной персоне посвященные, вроде «...распевал "Легион" в компании эльфов, верных и пары ханнатцев с особым цинизмом...». У меня ими кабинет был завален.

– Не боялся?

– Трудно сказать. Какая-то беспечность во всем – слишком, наверное, жизнь любил – не верилось, что быстро с ней расстанусь. Немудро, конечно, – думалось, что так и провешусь, наблюдая всю эту комедию со стороны, – уж больно все скучно и банально, чтобы самому всерьез участвовать:

ни тьмы, ни света – серое все.

– Обычно все же приходится выбирать...

– Разумеется, но до души как-то не доходило. Еще Элендил как-то ко мне зашел и говорит: мол, тень над Нуменором сгустилась, Валар гневаются и скоро тут камня на камне не останется, – присоединяйся к нам, Верные тебе доверяют, хоть ты и сам по себе.

– Спасибо, – говорю, – только сбегать никуда не хочется: Нуменор – это состояние ума.

– Но ты же... – начал что-то про светлых объяснять, кстати, про майарскую наследственность упомянул, не говоря уже о Андунии. Потом кольцо увидел: – Как? Зачем?

– Ну, во-первых, – говорю, – в работе помогает, во-вторых – подарок все же. И вообще – среди моего круга и светлые, и темные попадают, убеждения – еще не повод, чтобы я с кем-то общался или воздержался от этого.

Гэндальф тем временем набил трубку и закурил. Потом машинально передал ее назгулу.

– Спасибо, но я не курю, – с непередаваемой иронией покачал головой тот.

– Извини. Просто, общаясь с тобой, я все время забываю, что ты – призрак.

– Ну и зря. Хотя забавно... Так не живешь себе, не живешь, а потом раз – и умер – так или иначе.

– Вы дружили с Ангмарцем?

– Дружба? Это что-то из жизни. Но когда много столетий

никого ближе нет по определению – ведь для всего мира мы призраки-убийцы, черный ужас (и так оно и есть, что характерно). А еще если общая родина и если эта родина – Нуменор – проклятый и благородный, извращенный и прекрасный, презираемый и – навсегда – любимый...

Так что какими бы натянутыми ни бывали порой мои отношения с Первым, – что-то ушло. Он не боялся брать все на себя – трудное, страшное, жестокое, – и вот – рядом не оказалось никого. Привычка держать дистанцию, полагаться только на себя и – бесконечное одиночество...

Ладно, что это я, в самом деле... Мне пора.

– Подожди... А как... Хранитель? Ты видел его?

– Пока жив. Они движутся в сердце Мордора, как кончик заклятого клинка. Правда, в какой-то момент я упустил их из виду – непростительная оплошность, но, кажется, все обошлось. Последний раз я видел их, когда они миновали Стражей. Вот вернусь – и прослежу, чтобы доблестные хоббиты доставили колечко по адресу.

– Все же у меня как-то до сих пор в голове не укладывается такое стремление к самоуничтожению...

– Тебя послушать, так можно подумать, что твоя цель – отговорить меня. Не стоит. Наверное, впервые я слишком хорошо знаю, чего хочу.

К тому же поистине в Средиземье наступает иная, новая Эпоха – серости, как мне кажется. Эльфы уходят в Валинор, вы, маги, уйдете следом. А нам здесь делать нечего уже

давно. Розы выращивать прикажете или баллады сочинять? Смешно и поздно. Прощай, Митрандир, приятно было пообщаться.

– Взаимно. Прощай, Аллор! Или, может, до свидания?

– Неисповедимы пути Эру.

Ящер со свистом взмыл в воздух и понесся навстречу тьме.

«До чего же все сложно и грустно», – подумал маг.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Воинство Запада стояло у ворот Мораннона, и назгулы созерцали его с высоты ящериного полета. После гибели предводителя настроение было прескверное. Внезапно Девятый почувствовал приказ явиться – не первый уже, но пару раз удалось проигнорировать. Кажется, обошлось – мало ли. Ясно было, что он доиграется, но время следовало потянуть. Как знать, не удастся ли все же Владыке пробить охраняющую сознание пресловутую завесу, и тогда... Так что Светлые у границ Мордора были весьма кстати. Последний раз он видел Хранителей на подступах к Ородруину – добраться до цели было делом пары часов.

– Что же, не будем больше заставлять Господина ждать, да и невежливо так вот уйти, не попрощавшись...

Он повернул на восток. Грустно не сказать ни слова товарищам по не-жизни – они ничего не узнают – до последней минуты.

Крылатый ящер стремительно приближался к Барад-Дуру – властный призыв шел, разумеется, оттуда. Вот и башни, вгрызшиеся в вечно темное небо, и площадка у их подножия.

Может, стоило опять попытаться проигнорировать приказ – улететь подальше, лучше к морю, еще раз взглянуть на волны и звезды над ними – что же, видимо, не успеть уже...

Аллор спрыгнул на землю и скользнул к воротам Черной

твердыни – помедлил мгновение у входа – и вошел внутрь.

Лестница, казалось, уходила в бесконечность. Наконец показалась дверь в тронный зал Темного Владыки: высокие своды, поддерживаемые изящными колоннами черного гранита, стрельчатые оконные пролеты, факелы, горящие бледно-зеленым, ничего особо не освещающим светом, – мрачно, но по-своему красиво.

На высоком троне из черного дерева, инкрустированно-го мифрилом, восседал Темный Властелин – темная фигура причудливых изменчивых очертаний, огромная и грозная.

В памяти кольценосца промелькнуло «возвращение» – стремительный подъем из огненной бездны и – толчок, подобный пробуждению ото сна, а над ним – невыразимая сущность, казалось, поглощающая всякий свет, парализующая страхом и непреклонной, недоброй волей.

– Вот ты и появился – долго же пришлось ждать, – раздался леденящий голос.

– Слушаю, Господин.

– Это я хотел бы тебя послушать. Как успехи? Где Хранитель? Ты нашел его наконец?

– Разумеется...

– Ну?! Снова упустили? Ты упустил!

– А кто виноват, что глупые лошади понесли, а убиенный некогда Глорфиндейл опять объявился, и в столь неподходящий момент?

– Это я и без тебя давно знаю. А вот потом? Зачем вам

драконов дали? Для праздных путешествий? Гондорцев пугать?

– Похоже, что так. Разглядеть кого-то сверху, да еще если он не надевает Кольцо...

– Значит, пешком ходите!

– Но ведь вы сами приказали наступать на Гондор – кто я, чтобы нарушать приказ?

– Я тебя не для того возвращал, чтобы в войну играть, – да это, насколько я помню, и не твое амплуа, – а чтоб ты искал этого пресловутого кольценосителя!

– Ангмарец тоже мог мне приказывать...

– Ангмарца больше нет, ты давно расстался с ним!

– Сначала его еще надо было похоронить.

– О Мелькор всемогущий, какая щепетильность у Еретики! Скопище добродетелей! Ты лучше расскажи, о чем вы беседовали с Гэндальфом Белым на Пеленорской равнине?

– Обсуждали последнюю премьеру Гондорского Большого театра.

– Ну и как нашел ее бывший арбитр изящества?

– Несколько эклектичной – все же конец эпохи, декаданс...

– О, конечно, двум интеллектуалам и ценителям было о чем поговорить. Опять издеваешься?! – не выдержал Саурон. – Какой театр?! О чем вы договорились? Что он тебе наобещал? Лучше сразу скажи.

– А что я могу сказать? Вы же можете почитать мои мыс-

ли, Господин...

– Спасибо, подсказал, а то я бы ни за что не догадался. Впрочем, слишком много придется возиться, чтобы из того мусора, которым забито твое сознание, извлечь что-нибудь путное! Ты уж поведай сам, по-хорошему...

– Боюсь наскучить вам, Господин. – В голосе назгула уже явственно проглядывала ирония.

– Ах ты... дошло-таки! Майарский ублюдок! Думал, я тебе за красивые глазки кольцо давал, восхищенный твоими салонными подвигами?! Вот уж действительно, овчинка выделки не стоила! Что ты там еще задумал? Опять бунтовать? Тебе кажется, что я это так оставлю?

– Призраки не способны галлюцинировать. И что еще ты можешь со мной сделать?

– Не беспокойся, на то, чтобы с тобой управиться, сил хватит! Но... – Голос Темного Владыки как-то надломился. – Зачем ты это все? Ведь мы же были друзьями. Сколько ночей провели в беседах, сколько вина вместе выпито... А как насмехались над маразматиком Ар-Фаразоном! Я так устал сейчас... Мне, что ли, легко? Облик вон дивный – и тот утратил. А ты меня еще добиваешь, предаешь... Это не оскорбляет твое чувство прекрасного? Все против меня, и ты заодно? А казалось, ты способен мыслить самостоятельно, чем и гордишься. А о товарищах подумал?

– Это касается лишь нас самих. Но я тронут таким уважением к моей скромной персоне, позволяющим тебе наносить

удары ниже пояса; впрочем, если ты полагаешь, что я ненавижу тебя, то глубоко заблуждаешься, – мне действительно так казалось раньше, но сейчас осталось только сожаление. Зачем тебе кольцо, Гортхауэр? Что ты с ним будешь делать? Средиземье завоюешь? А дальше – что?

– Я смогу все! Я... я смогу вернуть тебе жизнь, отпущу на свободу. – («Дался ты мне, в конце концов», – сказал Саурон про себя) – Ты же помнишь, какой я был – я всегда понимал тебя, уважал твою независимость – я помогу тебе. Ты будешь моим заместителем, моей правой рукой (или левой, как тебе будет угодно).

– Благодарю за оказанную честь. Но жизни мне не надо – я лишился самого дорогого – мне нечего терять.

– Ты не прости мне – этого. Но я постараюсь загладить свою вину – у тебя будет новая жизнь, придет новая любовь. Ты же знаешь, что такое смерть – видел ее. Ты готов на это еще раз? Но на этот раз никто оттуда тебя не вытащит.

– Это уже мое личное дело. Спасибо за заботу, Господин Учитель, – показал, научил. А так... я прекрасно помню, каким ты был, и вижу, каким – стал. И мне жаль тебя.

– Меня – жалеть?! – рассвирепел было Владыка, и вдруг... Они оба почувствовали Единое. Совсем рядом. Страшное озарение пришло к Саурону. – Так вот оно что?!

И полетели мысленные приказы к семи оставшимся:

– Задержать! Перехватить! Отобратить!

– Они далеко, им не успеть.

– А ты куда собрался? Стой, где стоишь!

– Мне показалось, что наша беседа окончена.

– Так ли? – Мощный волевой поток, как черная река, устремился навстречу назгулу – и остановился, словно натолкнувшись на невидимую преграду, разбиваясь на два рукава, огибающих ее.

Две воли столкнулись в тронном зале тьмы: древняя, державшая в трепете Средиземье не одну эпоху, и недавно проснувшаяся, обретенная и закалившаяся в пламени преисподней.

«Какого цвета были ваши глаза? – Синие, синие»...

Черная волна явно теряла силу – и сошла на нет. (Кольцо, сила моя, власть моя... в порошок бы стер наглеца!)

– Вот так... Прощай, Гортхауэр. – Аллор достал моргульский клинок и переломил о колено, бросив обломки под ноги Саурону. – Я прощаю тебя, – и, развернувшись, направился к выходу.

– Будь проклят ты, Еретик! – громом прозвучало под темными сводами, и багровая молния устремилась вслед уходящему.

Увернувшись едва уловимым движением, улайири бросил через плечо:

– Зря вы так. Надо уметь проигрывать. – И вышел, слившись с тьмой дверного проема.

Теперь – к Ородруину. А может, к морю – и пусть разбираются сами. Или просто присесть на широкие ступени Баград-Дурской башни – ждать... Что будет со мной... с нами? Освобожденные Арагорном мертвые... Мы – такие же – почти... Откуда-то пришла неуверенность, затем – страх. Небо нависло над головой, словно крышка гроба, обитая тусклыми, ржавыми гвоздями звезд.

– Пока существуют твои душа и память, у нас есть надежда, – сказала когда-то полюбившая тебя милая девчонка. Могла ли она знать, о чем говорит? Так ли это? Или и впрямь посетило ее пророческое предсмертное озарение?

Что-то коснулось плеча – это ящер ткнулся в него, то ли сочувствуя по-своему, то ли требуя ласки. Назгул провел рукой по чешуйчатой шее летучей твари.

– Время, на посиделки отпущенное, у тебя истекло, – сказал он себе – и полетел к Роковой горе. Это не отняло много времени, и вскоре, спрыгнув со спины ящера, Аллор вступил в освещенный багровыми сполохами проход, именуемый Роковой щелью. Свет становился все ярче, и тут ему показалось, что воздух в тоннеле сгустился, образовав невидимую преграду. С трудом продолжал он двигаться дальше, словно преодолевая бешеный напор встречного ветра.

Еще поворот – и перед его взглядом предстала длинная,

похожая на зал пещера, рассеченная недалеко от входа глубокой трещиной, из недр которой то и дело выстреливали языки пламени.

Сэма назгул разглядел нечетко, скорее угадав в сером комочке слугу Фродо.

А вот Хранителя, в отличие от него, видно было прекрасно, и Кольцо сияло на его пальце.

– Что ты делаешь?! Брось его!

– Ну нет – я слишком долго хранил Его, чтобы ни с того ни с сего расстаться с Ним. Уж не ты ли попытаешься отобрать Его у меня, раб?! – Кольцо блеснуло – его мощь скрутила кольценосца – словно тысячи невидимых веревок опутали, лишив возможности двигаться.

– Ах ты... – прошипел Аллор, утратив свойственную ему иронично-интеллигентную манеру изъясняться, и прибавил пару выражений на темном наречии, смутивших бы матерого орка.

– Так-то. Можешь ругаться, сколько влезет.

– Ты сошел с ума. – Назгул скрипнул зубами в бессильной злости. – Одумайся, во имя Эру! – взмолился он наконец...

В это мгновение мимо него к Фродо метнулась тень – это был Горлум, вступивший теперь в яростную схватку с Хранителем. В безмолвии боролись они, катаясь по полу и рискуя ежесекундно свалиться в пропасть.

Почувствовав, что снова может двигаться, Аллор попытался приблизиться. Тут Горлум подпрыгнул, лязгнув челю-

стями, и Фродо, держась за окровавленную руку, упал на колени на краю пропасти, утратив для зрения улайири четкость очертаний, ибо Кольцо сверкало теперь нестерпимым светом в руке у Горлума, оставаясь надетым на откушенный им палец Фродо.

– Сокровище! Прелес-сть моя! – плясал счастливый обладатель всевластья, освещенный огнем, рвущимся из расщелины.

Внезапно он осекся, заметив назгула, сделавшего движение в его сторону, невольно отступил на шаг и, оступившись, беспомощно взмахнув руками, полетел вниз, в пламя...

– Сокровище! – донесся из глубины жалобный вопль.

На мгновение воцарилась тишина. Аллор склонился над пропастью, вглядываясь в бушующее море огня.

Из жерла Ородруина взвился огромный язык пламени. Раздался ужасный грохот, переходящий в непрерывный рев.

Сэм оттащил Фродо в сторону, пытаясь уберечь от жара.

Назгул пошатнулся и упал на колени. С видимым усилием поднял голову.

– Вот и все, Простите... – прошептал он, обращаясь неизвестно к кому.

Новый взрыв сотряс гору, черный плащ кольценосца, окутывавший его фигуру, внезапно утратив очертания, мягко упал наземь, звякнул о камни меч, а кольцо, блеснув в огненном зареве, скатилось в пропасть.

Не успели хоббиты опомниться, как нечто, подобное бе-

лому туману, поднялось над тем, что осталось от назгула. Мгновение – и из него соткалась изящная фигура в изысканном нуменорском одеянии. Длинные волосы, перехваченные узким обручем, обрамляли лицо с тонкими нервными чертами, на котором светились синим светом глаза. Улыбнувшись, видение начало таять, устремляясь ввысь, к кратеру Роковой горы.

Ородруин содрогнулся вновь, и хоббитам стало не до созерцания. Сэм вынес Фродо наружу – их глазам представила картина крушения Мордора: рушащиеся стены и башни, проваливающиеся в бездну подземелья, навстречу обломкам которых рвались столбы огня и пара. С неба, исполосованного молниями, не умолкая, гремел гром и низвергался жуткий черный ливень.

В гущу этой грозы над головами хоббитов пронеслись назгулы, растворяясь на ходу в беспощадном вихре.

– Ну вот и конец, Сэм, – произнес Фродо.

ЭПИЛОГ

– Гэндальф, что с миром стало? – спросил Сэм.

– Великий мрак исчез, – ответил Гэндальф и засмеялся.

Потом вдруг замолчал, словно что-то вспомнив.

– А... Аллор? Девятый назгул – вы видели его?

Сэм и Фродо рассказали как умели о событиях, свидетелями и участниками которых они оказались. Не умолчал Фродо и о своей слабости, едва не ставшей роковой, и о гибели Горлума, и о светлом видении.

– Я верю, что он обрел то, к чему стремился, – прошептал маг.

– А остальные? – задумчиво спросил Фродо.

– Похоже, эта мысль мучила его постоянно. Но иного выхода быть не могло – ни для кого из них. Неисповедимы пути Эру... Грустно как-то – право, нам было бы о чем побеседовать за чашей доброго вина. Не быть светлым – со светлыми, не стать тьмой – во тьме... Остаться собой под властью Кольца и решиться... Да успокоит Илуватар эту гордую, неприкаянную душу.

Гэндальф склонил голову, хоббиты последовали его примеру.

– А теперь пойдем, король Гондора и Западных стран ждет вас. – Маг вынул трубку и нервно закурил.

– «Ты был ТАМ: ты знаешь...» – многого я не знаю и не

узнаю. Например, путей Странников, загадочных младших детей Илуватара. Прощай, Вольнодумец, впрочем, вдруг приведет Всевышний встретиться где-то... Нам не дано понять все до конца – пока. Пока мы здесь. А корабль уже ждет...

* * *

P.S. Жерло Ородруина было подобно длинному коридору – право же, гора не могла быть столь высока, а конца все не было, хотя, по ощущению, он несся с бешеной скоростью. Монотонный гул, уже смутно напоминавший рев потревоженных горных недр, нарастал, истязая слух, а где-то в невероятной дали, к которой вел бесконечный путь, лучился свет...

ПЕСТРАЯ КНИГА АРДЫ

Глава 1

Взрыв потряс Ородруин, зашатались казавшиеся неизблемыми степы Барад-Дура. Ему казалось, что его разрывает на части – он летел в бездну, пламя охватывало, жгло. И – леденящий холод пустоты – это промелькнуло, оставив ощущение чего-то виденного. Когда? Да... последний раз он соприкоснулся с этим через угасающее от боли чужое сознание, перед тем как отшвырнуть от себя, – соприкоснулся через ту связь, что позволяла ему вести и направлять Девятирх. Что это – он толком не знал, впрочем... знал. Постарался забыть. К чему помнить ТАКОЕ? «Вот и все», – подумал он. Но нет – его вынесло далеко, к усеянному звездами небу. Ветер расшвырял тучи, внизу горел и рушился в потоках огня Мордор... И тот же жестокий ветер подхватил его как пылинку, как клочок ткани; обрывок сознания – он не мог, у него не было сил сопротивляться, хотя он чувствовал, более того, знал, куда несет его воздушный поток, – Запад... Ненавистный Запад, Светлый Валинор, будь он проклят...

Что же, он сделал все, что мог, – но его предали, нанесли удар в спину – и кто!.. Мысли путались, не было ничего, кроме тьмы, но не той, исцеляющей, дающей жизнь, – иной,

злой и беспросветной. И в ней возник свет, и это было еще хуже, ибо это был знакомый, давно ненавидимый свет Блаженных земель. Он ширился, рос, вспарывая тьму, он заполнял собой все, не давая дышать, оглушая, уничтожая...

Вот они, светлые ворота, – прямо к ним вынесла его безжалостная волна, бросила в алмазный песок, придавив напоследок, поставив на колени. Лишенный плоти призрак, ничто...

Перед ним возникла высокая, сияющая фигура в синем плаще, в золотой, украшенной сапфирами и бриллиантами короне на золотом же отливающих волосах. Горели, холодным блеском напоминая камни короны, ярко-синие глаза... Манвэ, Король Мира, Владыка Арды... Еще фигуры, грозно-неумолимые в окружающем их нестерпимом свете.

Гортхауэр был парализован, бессилён сделать хоть что-то – один, призрачный, непривычно слабый и беспомощный перед стихиями...

– Добро пожаловать в Валинор, Артано, – раздался голос, – давно тебя здесь не было...

Гортхауэр молчал.

– Что нового в Средиземье?

– Какое тебе дело до этого?!

– Интересно. Хотелось бы услышать нечто новое...

– Нечего мне рассказывать!

– Вот как? Жаль...

– Расспрашивай своих слуг!

– Спасибо за ценное указание, непременно расспрошу.

«...Издевайся, твой час. Ну, сволочь нуменорская, предатель, сам, поди, по звездным путям гуляешь, а я тут на этих... любуйся!»

– Сожалею, по никого другого в данный момент ты не можешь увидеть. А кто это тебе так насолил? Может, назовешь?

– В мысли лезешь!

– Лезу? Да они на пол-Валинора гремят. Давно вы в свете не были, светское обхождение позабыли, милейший Артано.

– Я не Артано!

– Чем думаете заняться на родине, дражайший Ортхен-нэр?

– Думаешь, назвал как полагается, так я с вами разговаривать буду?!

– Ты уже разговариваешь...

«...Ненавижу! Издевательски-любезное, холодное лицо, насмешливо-равнодушные глаза – не те, звездные... Если бы мы были вместе...»

– А почему вы были – не вместе? Возможно, ты бы что-то полезное добавил...

«...Читай, копайся, плевать я на вас хотел, палачи! Я бы...»

– О-о, ты бы... А где же ты был, позволь узнать? Дело прежде всего, да? Не слишком ты, видно, скучал – две эпохи не объявлялся...

«...Не надо было уходить, слушать Его... О Тьма, он же

мысли видит, гад, насмехается над болью, над мукой, преследующей с того злополучного дня, когда я в последний раз видел Учителя...»

– Хороший ученик должен слушаться Наставника. Он, видимо, не хотел твоего появления здесь – и ты неплохо исполнил его волю. Каждому – свое...

– Негодяи – вы уничтожили, вы...

– Никто не должен мешать выполнению Замысла, хранителем которого назначил меня Единый.

– И это – Замысел?! Так – Его... Пропади он пропадом, этот ваш Замысел!

– На войне как на войне. А Замысел не наш, но Эру.

– Ненавижу – будьте прокляты!

– Много себе позволяешь. Ты не у себя в Мордоре, здесь – Валинор. Позабыл за приятной беседой?

– Забудешь тут, с вами... Давайте, делайте, что воображение подскажет...

– Ну вот и дивно. А что делать, я уж сам как-нибудь разберусь. Но за твоим воображением угнаться... Ты и вправду – Гортхауэр...

– Не боюсь я вас!

– И не надо – зачем? Не будет ничего этого... Больше, можно подумать, у меня дел нет – только с тобой возиться. Ты ведь соскучился хоть немного по Мелькору?

Гортхауэр вздрогнул. Манвэ продолжал:

– Вот к нему ты и отправишься – мы тут не без милости.

Поговорите по душам, ты расскажешь ему о своих подвигах и успехах – может, порадуется... Ну извинишься за опоздание – думаю, простит...

– Наш час еще придет, не беспокойся!

– А зачем мне беспокоиться? Итак, объявляю приговор – возражений нет?

Молчание.

– Есть еще какие-то предложения?

– Прочитать бы его как следует... – это Тулкас.

– Э-э, если я правильно понял, одно другому не мешает?

Не показывался Учителю на глаза две эпохи и еще тысячу лет подождет? Нет, ладно: мы милостивы и никого не наказываем сверх меры – несомненно, имеющейся в Замысле...

– Будьте прокляты вы и ваш Замысел вместе с вами! И ты... Король, будь проклят, вспомнишь еще, что с Мелькором сделал, на своей шкуре почувствуешь!

– Шкура, как ты изволил выразиться, у меня не столь чувствительна, и добаться до нее посложнее. Уж не ты ли попытаешься?

– Легко издеваться над тем, кто в твоей власти! Но тебе отомстят – я отомщу при первой возможности, упрячь куда хочешь!

– Ну вот и поглядим – время терпит, а ТАМ его вообще нет. Так что... Слушай приговор, Артано Аулендил, Ортхеннэр, Аннатар, он же Гортхауэр, он же – Саурон: как пособник Врага, противник воплощения Замысла, мятежник, в дан-

ный момент к раскаянию неспособный, ты отправляешься в Пустоту, за пределы Арды – ибо нет на ней места бунтовщикам. Да будет так!

– Да будет так! – повторили фигуры в круге.

– Да будет так – спасибо за великую милость, Владыка, – будь ты проклят!

– Спасибо, я это уже слышал. Ступай.

– Ненавижу!!!..

Кольцо нестерпимого, жгучего света сомкнулось вокруг Гортхауэра, поток силы исходил от Манвэ и остальных участников судилища, охватывая приговоренного. Он распрямился, сделал шаг – кольцо подталкивало его – туда, к последнему порогу, находящемуся где-то в чертоге Ниэнны, – почему там? Какая разница?! Словно раздвинулась завеса, за клубилась серая, тусклая мгла за умозрительным порогом, дохнуло удушливо не то гарью, не то тленом, впрочем, это, видимо, казалось – уж очень мертво было там, за Гранью... Ни звезд, ни Тьмы – только всепоглощающее, давящее ничто. Опять мелькнуло воспоминание – то, давнее. Он отогнал его... «Сволочь!..» Еще шаг – последний. И Он, Учитель, там – уже две эпохи?! Обманывает подлец Манвэ – где он найдет Его? Им не увидеться... Нет!!! Найду – меня так просто не уничтожите. Я найду. Я приду. Я...

Вокруг была тьма, но не та вольная Тьма, рождающая свет, дающая силы творить, – тяжелая, мертвая завеса, облепляющая, подобно паутине, она сжимала со всех сторон, словно глухие стены, только и ждущие, чтобы задавить, похоронив под собой.

И ему, всегда верившему Тьме, это было несносно, как очередное предательство. Он затравленно огляделся – ничего, лишь мертвая пустота.

– Ортхеннэр?.. – Голос, такой знакомый, только очень тихий, глухой, словно звук треснувшей флейты...

Неужели? Радость и горечь. Неуместная, впрочем, радость. Чему тут радоваться по большому счету?

– Учитель? Где ты?

– Ортхеннэр... ты тоже здесь... Не уберег я тебя. Прости, если сможешь, – за Память, за одиночество... Если сможешь...

– Учитель, не надо! – Острая боль обожгла, словно иглой пронзив. – Не надо, я же понимаю, я должен был остаться, сохранить, ты никому другому не мог поручить это – только и я не сумел. Я старался, еще немного, и я бы им всем... Если бы не этот предатель! Если бы я мог себе представить! Там бы гнить до конца времен оставил! С лица Арты стер!

– Ученик мой, о чем ты? Что с тобой? – Удивление и тре-

вога в слабом голосе, но – живом, теплом, как раньше. – Успокойся, расскажи...

Тихо звякнула цепь – он резко обернулся на звук, наконец разглядев в мутной мгле того, кого хотел видеть больше всего на свете – и весь свет бы отдал, лишь бы не видеть его здесь. Мелькор, Создатель, Учитель...

Гортхауэр невольно отшатнулся в сторону от внезапно нахлынувшего ужаса – он чувствовал, знал, что случилось с Мелькором, связь была сильнее, чем, видимо, предполагал Учитель, думавший оградить его от этого кошмара, но увиденное все равно потрясло майа.

– Что... что они с тобой сделали?! – В ответ он почувствовал дикую, почти звериную тоску Вала, уловил обрывок мысли: «...И он... разумеется...»

«...Глупец, дрянь – как я мог? Что, ничего страшнее не видел?» – Гортхауэр сжался от стыда и злости на себя, вглядываясь в застывшую перед ним фигуру. Мелькор, казалось, висел в пустоте, словно и впрямь опутанный паутиной, не дающей уйти дальше или вернуться. Сейчас Вала сгорбился, скрестив скованные руки на груди, опустив голову, так что майа не мог больше видеть лица...

– Нет! Неправда, что ты, просто... не могу видеть... Что они сделали, гады... Мелькор, прости...

– Ничего. Ничего... Ну успокойся. Расскажи лучше, что с Артой?

Гортхауэр припал к коленям Учителя – да, Мелькор не

любит этого, но ничего с собой поделаться майа не мог. Поднял лицо, пытаясь заглянуть в глаза – глаз не было, только черные провалы, окруженные трещинами ресниц, и – ощущение пристального взгляда...

– Арта... Куда она денется? А вот Мордора больше нет. Война закончилась полной победой Света, – ядовито прошипел Гортхауэр. – А все этот девятый, тварь, сволочь нуменорская, книжник проклятый... – Призрачный майа разразился, не сдержавшись, площадной бранью, злость и обида душили его, – я ему кольцо дал, с обсидианом...

– Да о ком ты? Кто это, объясни толком! – Мелькор попытался по привычке, как раньше, положить руку на плечо Ученика – она упала, пройдя насквозь, Опять зашелестела цепь.

Гортхауэр еле сдержался, чтобы не содрогнуться от возмущения и ненависти. Нет... Не стоит лишний раз показывать, что замечаешь...

– Кто... Ученичок мой, принц нуменорский! Свободы, видите ли, возжелал – надо же было до такого додуматься за моей спиной – ИМ помочь! Ох, мало он получил, дрянь...

– Кому – им? – «...о Тьма Великая, он же не был настолько озлобленным. Что он успел перенести за это время? Сколько, собственно, того времени – годы, тысячелетия?..»

– Светлым, кому же еще? А я, как всегда, один против всех...

– А ученики, помощники, друзья, наконец? Ведь были же

они у тебя, были? – хотелось успокоить майа и мучительно хотелось понять, что происходило и произошло. «Я же ничего не знаю, ничего...»

Столько времени проведя в одиночестве, Мелькор не мог оставить Ортхеннэра в покое. К тому же не подумает ли ученик, что ему вообще все стало безразлично?.. Вала замолчал, ожидая ответа.

– Были... ученики. И союзники. И подданные.

– Кто они? Где они – сейчас?

– Наверное, на путях Странников, где ж им еще быть. И это наказание Илуватарово – тоже! – со злостью закончил Гортхауэр.

– Так все погибли?

– Погибли, ушли...

Мелькор вздохнул, потом, не утерпев, все же спросил:

– Так что это за «наказание Илуватарово»? Звали-то его как?

– Да Аллор его звали, «мечта», тоже мне, мечта недоумка!

Нуменорец королевского рода, потомок Мелиан...

– Нуменорцы? Это откуда? После меня?

– Еще бы. Это потомки тех самых трех племен, что были на стороне Валар в Войну Гнева, как они это называют, а владыки их ведут род от этих ворюг – Берена и Лютиэнь. «Кровь майар, элдар и людей...», будь они неладны!

– Кровь Мелиан, значит? Она в нем сильно проявилась?

– Еще как! Поздно я понял, что не могу больше читать его

мысли, – «Завеса Мелиан», он смог ее построить...

– Тогда он, пожалуй, не на звездных путях, а в Мандосе...
– задумчиво протянул Мелькор.

– Да, такого сокровища еще в залах не видывали – опляшет Намо, – хмыкнул Гортхауэр. – Он там все вверх дном перевернет...

– Зачем? С чего бы?

– Он же уйти хотел. Вот пусть и сидит там теперь: Кольцо уничтожить помог, Мордор развалил, и все впустую! – На лице майа появилась почти радостная улыбка.

«...Да что это за существо, столь навредившее Ортхеннэру, что он так злорадствует?» – Мелькор всегда был любопытен, и сейчас ему не терпелось разобраться в хитросплетенной истории. Он старался не торопить Гортхауэра и все же, не выдержав, спросил:

– А что за Кольцо? И при чем тут Мордор? Что вообще произошло?

– Я слишком много вложил в это Кольцо – со временем оно стало чуть ли не сильнее меня. А я растратился в этой проклятой борьбе, даже на облик путный сил недоставало. А эти твари и рады! Ничего, они еще свое получают – и этот... Король Мира – тоже. Сполна. Думает, что проклятие майа ничего не стоит? Ошибается, убийца, палач! Оно его настигнет, рано или поздно! С ним то же будет – и больше...

Мелькор пожал плечами. Как знать... Он не проклинал тогда – почему-то. Не счел достойным? Возможно, у Горт-

хауэра больше прав на это. А столь страстные проклятия имеют обыкновение сбываться...

– Ладно, – проговорил Вала вслух, – нам от этого теперь ни холодно, ни жарко. Значит, уничтожение Кольца разрушило Мордор... А с какой радости твой ученик так обошелся со столь дорогой для тебя вещью?

– Говорю же, освободиться надумал. Кольцо держало его и остальных восьмерых в этом мире...

– Держало?!

– Я же хотел, как лучше! У них тоже были кольца – через них шла связь между нами. Ну не только через них – потом. Но кольца дали им силу, власть, бессмертие, наконец...

– Как это – бессмертие? Они же люди? А Дар?

– Ну как сказать... Это – без-смертие, то есть не-смерть... – Гортхауэр замялся, потом решительно продолжил: – Получивший кольцо сливался с ним, постепенно развоплощаясь, но не умирал...

– Так они превращались в живых мертвецов, в призраки? – В голосе Мелькора появился металл. Гортхауэр сделал то, что долго приписывали ему самому. Но он на это никогда бы не пошел – отнять Дар...

– Да. Ну и что? Так они бы умерли, а так остались со мной. Они могли мыслить, действовать, воевать...

– И попали в полную зависимость от тебя, – глухо и тяжело заключил Вала.

Да, весело: и этот грех на нем. Моргот Бауглир, посеяв-

ший ложь, жаждавший господства над миром любой ценой. Его ведь майа. Как же это... Он не учил – этому! Все равно. Курумо он тоже – тому – не учил. Курумо он тогда выгнал... Наверное, зря. А Ортхеннэра – отослал. Оставил одного – ради дела. Чтобы он жил! Жил... Вот так, один, с одним желанием – отомстить?.. «А ты на что надеялся – что не будет? Что проглотит?..» – Мелькор вздохнул.

– Но мне нужен был залог их преданности! Я уже никому, никому не верил! – воскликнул Гортхауэр как бы в ответ.

Мелькор покачал головой:

– Так что с Аллором? Его что, такое положение вещей меньше других устраивало? – Если вообще кого-то из них могло устроить...

– Они приняли это – как плату за бессмертие, – пробормотал майа, – а он... Он вообще никаких правил и рамок никогда не признавал, спеси в нем на весь Нуменор хватить могло!

– Что же ты такое сокровище к себе в ученики взял? Из-за данных? Как это произошло? Когда?

– Да вот так... Когда я был у их короля в заложниках... Нуменор был тогда силен, так что воевать с ними было бесполезно. А от меня не убудет: я же майа. – Гортхауэр скривился, потом продолжил: – Им это тоже боком вышло, я этого зазнайку Ар-Фаразона аж на Валинор натравил, бессмертие у Валар отбирать.

Мелькор хмыкнул:

– Они что, настолько от светлого пути отошли?

– Эти бешеные? Еще бы. Да они всегда только о себе и думали. Хищники. Народ убийц. Были какие-то там «верные», что с эльфами продолжали дружить, так их чуть всех не извели. Я пытался им о Тьме рассказать, объяснить, да все впустую. Скажем так, они все достаточно своеобразно поняли. Но мне уже все равно было, лишь бы оплот Валар в Срединной земле уничтожить.

– А Аллор этот кем был?

– Разгильдяем! Вельможа королевских кровей, эстет и законодатель моды. В его замке кого угодно можно было встретить, от ханатца до «верного» и даже эльфов. Занятное было создание...

– И он стал твоим учеником?

– Какой из него ученик?! Так... Интересовался. Игрок он, вот что. Ну я ему кольцо и дал, думал, соберется как-то, серьезней станет – и сможет хорошо мне послужить. Точнее – моему делу.

– Так он твоим учеником был или слугой?! – Мелькор, не выдержав, прервал майа.

– А разве ученичество не есть служение?

– Служение и служба суть разные понятия, Ортхеннэр, ты прекрасно это знаешь... – Вала нахмурился.

– А куда ему деваться было? Уже и так по углам еретиком обзывали, и Ар-Фаразон косился – а такое костром заканчивалось... Или в жертву бы принесли... – Майа было замол-

чал, но поздно.

– Кому?

– Тебе...

– Что?! – Мелькор резко подался вперед, взмахнув руками. Тяжелая цепь, взлетев от резкого движения, хлестнула его по плечам. Вала поморщился, уронив руки на колени.

– Как – мне?! Какие еще жертвы?!

– Человеческие... Учитель! – Гортхауэр вновь обнял колени Мелькора. – Я не хотел, я пытался объяснить, я не давал, я был против... Они же убийцы. Думали, тебе ЗДЕСЬ это поможет...

– А металл кипящий в глотку? Тоже, может, кому и помогает...

– При чем тут металл?

– А при чем – кровь?! – шипел Мелькор.

– Ну опять же способ с недовольными расправиться.

– Дивно! И этот... Аллор тоже в подобных «служениях» участие принимал?

– Нет. Счел недостойным его утонченного вкуса.

– Неплохой вкус. Ну и как он к развоплощению отнесся? – вернулся Мелькор к основной теме.

– Так... Его взбесило, что он от Кольца зависит. Руку на меня поднял, наглец... Но пришлось ему смириться – в противном случае, поскольку он уже столько натворил, без поддержки оказался бы в БЕЗДНЕ... Так что пришлось ему службу выбирать.

– Бездна... Это еще что?

– Место неуспокоенных, несвободных душ – можно и так сказать. Ничто, пытающееся стать – нечто. Питающееся болью и страхом. Я не знаю, когда она возникла. Может, тогда... после Войны... Всеобщая мука Арты. И вот такие-то душонки она и поджидает. И зачем я его вытащил?!

– Как – вытащил? Так он там оказался? И после этого согласился служить?

– Нет, не совсем. Согласился, потому что представил, что его ТАМ ждет, – воображение у него богатое было. А оказался он там потом...

– Ну-ну... – протянул Мелькор, и в голосе его было нечто отчетливо неприятное. – И как он тебе служил? Воин хоть из него стоящий получился? – почти промурлыкал Вала.

– Да, разумеется, его же учили... – несколько озадаченно проговорил майя: что-то в интонации Учителя обещало подвох. – Как понял, кто он и что он, даже потом во вкус вошел, такое творил – сам... Он всегда был жесток! И равнодушен. – Майя чувствовал, что пустые глазницы внимательно смотрят ему в глаза, и замялся. – Я его только проучить хотел, чтобы знал свое место. Он же понял все! Ему нравилось – лететь над землей черным ветром, приводя в ужас врага, плясать в пламени горящих городов, быть неуязвимым страхом Арты... Да он был хуже всех, потому что ему на все плевать было, кроме развлечений... И Тьма его влекла, я ему столько рассказывал, он часто насмеялся над светлыми преданиями

и вообще был циничен... Если бы не эта девчонка...

Гортхауэр осекся, оборвав рассказ, это было лишнее, как же он вовремя не остановился... Опасливо взглянул на Мелькора, и... тот коснулся его сознания – впервые, наверное – *так*. Жестко, напролом. Немного брезгливо. Хотелось взвыть от ужаса и унижения. Как тогда, когда Крылатый услал майя из Аст Ахэ. Только теперь уже ничего не исправить... Гортхауэр, тихо застонав, сжался в отчаянии у ног Валы. Мелькор, не обращая на это внимания, продолжал просматривать то, что помнил его Ученик, а память бессмертных не знала осечек. Тогда, когда Учитель впервые разгневался на него, Гортхауэр готов был бежать не то что в Валинор, а хоть за Круги Мира... А теперь – какая ирония – за этими самыми Кругами только что обретенный после стольких лет разлуки Учитель гневается... презирует...

Теперь Мелькор не захочет больше его видеть – никогда. Прогонит – навсегда. Отчаяние, убивающее всякую способность мыслить, удушливым смерчем захлестнуло его, заставив скорчиться от невыносимой муки. Теперь – все. Отшвырнет... Он ничего не видел, а затем из кровависто-мутной мглы послышался голос Черного Валы, растерянный, полный тихого, бессильного отчаяния:

– Как я вложил это в тебя? Ты же мой майя... Это все я... Я довел тебя до такого...

– При чем тут... – прошептал Гортхауэр и взвыл, не в состоянии сдержаться: – Ты меня не знаешь, я не тот, нет меня,

нет Ортхеннэра, есть Саурон и все... Нет, не говори ничего, я придумаю... я сделаю так, чтобы меня не было, – все равно меня нет, нет... – Майа давился словами, толчками, как кровь из разорванной аорты, выплескивающимися наружу...

– Не надо, Ортхеннэр... Что уж теперь...

– Я отвратителен тебе...

– Ты мой майа, понял? Я тебя таким сотворил, это мне урок – хотя теперь уже без толку...

«Думал, хуже уже не будет – ха, размечтался...» – подумал Мелькор про себя, а вслух сказал:

– Я оставил тебя одного... За боль прости: в том, что возникла эта Бездна, есть и моя вина. Я не сумел оградить тебя, отгородиться... Ничего не смог. Неудачник, неумеха...

– Не говори о себе так! Ты – лучше их всех, просто... ну почему этот мир такой несуразный? Проклятый мир...

– Я думаю, что наша вина тоже в этом есть...

«...Наша...» – От этого слова перехватило дыхание радостью. Неужели?!..

– Мелькор, ты не гонишь меня?

Вала чуть не прыснул. Интересно, куда он его погонит, даже если бы захотел? Сдержав смех, он проговорил:

– Никуда я тебя не гоню. Да и куда ты отсюда денешься? Будешь теперь вечно на мое дивно прекрасное лицо любоваться...

Гортхауэр попытался схватить его руку, прижаться к ней щекой. Застыл.

– А знаешь, – задумчиво произнес Мелькор, – любопытно было бы с твоим девятым поговорить: занятная личность...

– А где его взять – думаешь, он и впрямь застрял в Мандосе?

– Судя по тому, что с ним стало... А у вас крепкая связь была? Она и без колец, как я понял, тоже работала?..

Гортхауэр насторожился. Что задумал любопытный Вала? Впрочем, ради Мелькора он готов был и с Аллором попробовать связаться. Все-таки две эпохи знакомы... Но как не хочется... Даже если такое возможно, услышать о себе немало если не нового, то нелестного майа не слишком хотелось.

– Может, попробуешь?

– Не будет он со мной разговаривать! Я его проклял...

– Извинишься, – тихо, но твердо сказал Вала. – Постарайся, пожалуйста.

– Да зачем он тебе? Какой в этом прок?

– Думаю, никакого. Просто любопытно, и все. Нам это ничем не грозит – дальше некуда. А ему... Это же только разговор – если вообще что-то из этого выйдет и он тебя сразу куда подальше не пошлет... А ведь может и весьма далеко послать – фантазия у него, говоришь, богатая была?

– Хорошо, я попробую, – вздохнул Гортхауэр. – Но это то еще сокровище, предупреждаю.

– Ничего, поглядим, – усмехнулся Вала. Гортхауэр собрал остатки воли, настраиваясь на связь со своим бывшим учеником-слугой...

Свет в конце тоннеля, в который как-то незаметно перешло жерло Ородруина, становился все ярче – каким-то даже беспощадным. Это – смерть? Что же там, за Гранью? Говорят – вспоминаешь, говорили – узнаёшь... Воспоминаний не осталось – когда все, все помнишь с предельной ясностью, – это уже просто память. Хорошая память. Говорили, ТАМ все забывает. Где – там? Свет взорвался ослепительно-яркой вспышкой, распавшись осколками всех цветов радуги – мелькнули сияющие зелень и лазурь, блеснул жемчужно-белый, смешавшись с золотым. Что это? Валинор – он знал. Откуда-то. А все краски закрыл собой темный силуэт, он рос, и в нем обозначился вход. Мандос. А, конечно, его проходят все, когда-либо жившие на Арде. Обступила мгла, скорее – полумрак. Он несся сквозь бесконечные арки и коридоры, сквозь сумрачные залы, чьи своды терялись в темной дымке.

Скорость уменьшилась – казалось, его несет течением туда, где была «дверь» – так хотелось это назвать, дать хоть какое-то имя ощущению грани, отделяющей от чего-то иного, прекрасно-неизбежного. Завеса белесой мглы, за которую он уйдет, чтобы никогда не вернуться. Никогда... Навсегда – но терять нечего, некуда возвращаться, даже если бы захотел – таков путь Младших. Может быть, даже – обдало жаром, безумной надеждой, как будто все посветлело во-

круг – вдруг? – она ждет его... «До встречи... За Кругом...»
Немыслимо, но... пожалуйста! Впрочем, в любом случае...
По крайней мере, он отомстил – и свободен. И они – свободны.
Но... не проклинают ли его побратимы за эту свободу?
Такую свободу... Такой ценой... Что же, он – эгоист, пусть
так и будет. Пусть судят – все.

Вот и они – восемь столбов черного дыма, восемь осколков
ночи. Уходят. Не замечают, что ли? Не сказать им уже
ничего, не попрощаться. Впереди высокая фигура в стальной
короне – Аргор. За ним – остальные. Аргор... А почему
он здесь – сейчас? Ждал? И такое – возможно? Догнать.
Прибавить шаг – какой еще шаг – здесь? Или – быстрее?
Нет здесь времени, нет движений. Залы...

Скорее за ними, успеть попрощаться, успеть попросить
прощения... Аргор обернулся, увидел его, махнул рукой –
«...да, конечно, я иду...». – Он скользнул за ними в клубящийся
«не-свет» – там не было ничего – ни звука, ни цвета –
пустота. Но ведь ее можно пройти – не вечна же она, не
бесконечна...

Но тусклая мгла не спешит расступаться, она обволакивает,
ослепляет, облепляет, словно паутина, – толкнуло, пелена
оборвалась, явив перед взглядом... чертоги Мандоса – тот
же зал!

Он... вернулся? С какой стати? Кому и зачем его задерживать?
Поднялась мутноватой волной злость – терпение никогда
не было его основной добродетелью. Надо попытаться

– он не может оставаться здесь, не хочет, даже если она не ждет – все равно, то есть не все равно, это просто невыносимо – ведь это все, что оставалось у него все эти тошнотворные годы, – раскаяние и надежда... Удивительная вещь, болезнь, раз заболев которой уже не представляешь, как можно жить без нее... Странно – существовать от встречи до встречи, беспричинно радоваться чему попало (а радоваться, как правило, было нечему), сплетаться мыслями... Горьковатая, безнадежная нежность – и страх. Осознание, резкое и холодное, как удар зачатого клинка: это не может продолжаться долго. Оно пришло сразу – стоило ему хоть чуть-чуть задуматься, подумать: «завтра», и, вспышкой молнии, озноб – призрак бездны – он любит, и это – гибель. Для нее. Ему-то что сделается? Призраки-обольстители... Она казалась другом, хорошим собеседником, он даже – инстинктивно, что ли? – не замечал, что она красива, и своеобразно красива, – а ведь был ценителем, и именно так взглянул на нее впервые, а потом – потом это потеряло всякое значение. Для него, превыше всего ценившего красоту и всех и вся мерявшего этой мерой... Как он не понял сразу? Или – не хотел? Развлечение нашел? Он всегда был эгоистом... Но она – с ней ничего не должно случиться, она должна жить, и что принесет ей призрак? Как защитить – от кого и от чего угодно, и в первую очередь от себя... Тревожно-недоумевающие зеленые глаза, еще недавно – смеющиеся, с льдистыми искорками... «Я только нашла друга...» – Он почувствовал, как

запнулась она на этом слове – как будто горло стянуло удавкой... Бежать, теперь – точно, он же был так искушен когда-то в делах любви, – когда было это развлечением, частью светско-житейского карнавала... Он ненавидел себя – люто и презирал – за глупость и слепоту, за нежелание задуматься – вовремя.

Вот и получил – и поделом ему, этого еще мало, и все же... она обещала. Может, просто бросила фразу, лишь бы сказать, но глаза у нее были видящие – неожиданно.

Ничего, надо пройти, и все выяснится. Может, он сам боится этой встречи? А даже если так, то что с того? В конце концов, будь что будет. Надо сосредоточиться – и вперед, туда. Могу и должен.

Аллор сосредоточился, пытаюсь собрать все силы в одном желании – преодолеть эту проклятую стену. Удар был силен – видимо, встречная сила возрастала соответственно, – его оглушило, сдавило, словно тисками, удушающим ничто и отшвырнуло, как будто опять Господин Учитель Кольцом ударил. Дверь скрылась из глаз. Ладно.

Пришла в голову идея, возможно не самая удачная, но попытаться стоило. Иногда самое идиотское на первый взгляд решение оказывается выходом. Вот и нечто подходящее: призрачный воин двигался в нужном направлении – а другого, собственно, и быть не могло. Аллор, подобно шкодливому мальчишке, пристроился следом.

Вот и Дверь – проскользнуть вместе, пока пропускает, а

там... Распознающая сущности сила сработала безотказно – выкинуло еще дальше, сбило с ног – он распластался на каменных плитах пола, не в силах подняться («Странно, я же призрак, что мне может сделаться?»). Ничего, пусть хоть уничтожат, уже все равно. Попытался встать – чья-то сильная рука легла на плечо и – тихий, низкий голос:

– Ничего нельзя сделать: ты не можешь уйти.

– То есть? – Аллор вскинул голову, отбросив упавшие на глаза призрачные волосы.

– Пути, уводящие из этого мира, – для людей, ты знаешь это. Только... ты не человек, Аллор.

– Ты знаешь мое имя? Ты – Намо?

– Да, это я. И говорю еще раз: ничем помочь не могу.

– Но почему? Почему мне вообще требуется помощь? Ты знаешь обо мне больше, чем имя, знаешь, кто мы, – девятка состояла из смертных.

– Думаю, ты сам знаешь почему или догадываешься. И мне не все известно, но могу сказать, что сущность твоя не человеческая. Память – пожалуй, да и характер... И это все, что осталось в тебе от Младших. Не знаю, где ты все это приобрел, точнее – где лишился людской природы, так или иначе, ты – майа. Ты даже на обыкновенную тень не похож – хотя бы по силе...

– Ну какой из меня майа?! Я знаю и знал всегда, что Мелиан была в числе моих предков, но это же было так давно...

– Иногда кровь сильнее проявляется в дальних потомках.

Ты пользовался этими способностями? Или хотя бы понял, что в тебе слишком много нечеловеческого?!

– У меня была такая возможность, – мрачно усмехнулся Аллор, – но я не думал...

– Ты не похож на человека, не имеющего подобной привычки. Впрочем, сейчас у тебя есть время все осмыслить.

– Но я должен уйти! Неужели ничего нельзя сделать? Ну, Господин Учитель, спасибо, проклинать умеешь славно, мастерски, можно сказать... – В глазах призрака полыхнула такая злоба, что Намо стало не по себе.

– Тебя проклял Гортхауэр? За что?

– Да уж было за что – хоть это радует. Наверное, если он узнает, что я тут застрял, будет весьма обрадован. Надеюсь, это хотя бы в малой степени послужит ему возмещением за причиненное беспокойство.

– А как ты думаешь, что с ним?

– Я еще как-то не успел задуматься об этом. Вот сейчас и начну – благо, времени достаточно, как вы изволили выразиться... – Злая ирония проскользнула в голосе Аллора.

– Да... язык у тебя... майа... Если он поймет, что с тобой, – не знаю, получит ли он, как ты изволил выразиться, возмещение. Да и возможно ли оно – ТАМ...

– Где?

– За Гранью – в Пустоте...

– А-а, вот оно что... Там же, где его Учитель. Что же, мечта Гортхауэра сбылась. И ежели он был достойным Учеником

и верным последователем...

– То?

– Полагаю, порадует. Истинный Ученик всегда понимает, что угодно Учителю и что придется ему по вкусу.

– Не знаю, придется ли Мелькору это по вкусу... – задумчиво и как-то грустно проговорил Намо.

– Если Гортхауэр – такой – был его любимым учеником и именно это стремился вырастить и воспитать Черный Вала...

– Судя по тому, что я знаю о Сауроне, – не стремился.

– Ну и откуда такое? Впрочем, какое мне дело до этого? Какое мне дело до Учителя моего Господина. – При слове «господин» презрительная гримаса исказила лицо говорившего.

– То, что ты говоришь, вполне резонно, но... все несколько сложнее. Хотя как знать, каков он – ныне...

– Мне очень неловко, но сейчас меня это не слишком интересует. Злорадство на самом деле мою скромную персону не развлекает. И – мне надо уйти. Я не могу так...

Намо почувствовал невыразимое отчаяние, исходившее от собеседника, – но что он мог сделать? Предоставить новому обитателю Залов метаться по ним неприкаянно-безысходно? Почему-то поступать так Намо не хотелось. Ведь смотреть тошно. Или как-нибудь отвлечь? Ведь явно не каприз – столь сильное желание покинуть матушку-Арду. А злость вполне объяснима, но... Знает ли это создание об

ином, о том, чего как бы не было, то, что известно ему, Намо? Видно же, что Аллор не только из разрешенных книг сведения черпал, но что ему теперь иные знания? Может, рассказывал ему Гортхауэр в свое время нечто, да ведь теперь для него все это ложь, наваждение вражеское... А если все же? Ведь прямолинейность этому потомку Мелиан тоже явно несвойственна. Но стоит ли нагружать его лишним знанием – ведь, по всему, ему здесь жить. В Валиноре. Может, и лучше ему продолжать думать как прежде – целей будет. Но в чем-то – обделенным, что ли? Слепым? А порода явно не та. Может, пусть все же прочтет?

Словно в ответ на его мысли, Аллор поднял голову:

– Что ты имеешь в виду под «несколько сложнее»? Сложнее, чем в «Квента Сильмариллион»? В «Валаквенте»? Несомненно, это так. Но есть ли – другое? Расскажи, если знаешь, ты же Владыка Судеб. Не хотелось бы уходить (а когда-нибудь я добьюсь своего), ненавидя кого-то напрасно. В конце концов, того же Гортхауэра я простил – наверное, не совсем искренне, но – как получилось...

– Есть и другая сторона. Ты прав, я знаю и ту, и другую, вечно балансируя на грани: в этом, как я до сих пор полагаю, мое служение... Я мог бы тебе дать одну вещь – думаю, тебе стоит знать, раз уж так все вышло. И вообще, ты должен собраться с мыслями, прийти в себя. Поверь, я искренне сочувствую, хотя и не понимаю еще, почему ты так рвешься ТУДА.

В руках у Намо возникла книга в черном переплете.

– Что это?

– Это Книга Памяти. Я давно начал ее писать – еще в Первую Эпоху.

– Это – другая сторона?

– Да, можно сказать и так. Я не мог не писать, хотя было приказано – забыть. А Валар на это не способны, и я – не исключение.

– А не боишься, что донесу? Я же предал Тьму, встав на сторону светлых.

– Знаешь, мне это почему-то в голову не пришло. Интересная мысль. Впрочем, я редко ошибаюсь, по крайней мере в тех, кто не Валар.

– Прости, если тебе показалось, что я недооценил тебя. А вот с Книгой я действительно обязан ознакомиться – если ты и в самом деле готов позволить мне.

– Мне кажется, что да. Возьми.

Аллор протянул руки, и книга мягко легла в подставленные ладони.

– Я скоро верну ее – я быстро читаю.

– Не торопись. Время у тебя и впрямь есть. Возможно.

– Возможно. Спасибо за доверие, Намо. И за сочувствие. – Призрачный майа встал, прижимая книгу к груди. – А где я мог бы...

– Пойдем, я провожу тебя, – сказал Намо, что-то решив.

Они прошли через анфиладу залов, спускаясь по лестни-

цам, освещенным тусклыми факелами, и подошли к массивной двери. Намо коснулся ее – она бесшумно отворилась. На столе в прозрачном сосуде светилась... звезда. Рядом стояло кресло с высокой спинкой. Сводчатый потолок терялся во мраке.

– Здесь тебя никто не потревожит. Ничего, что мрачновато?

– Я привык, так даже лучше. Спасибо.

– Я навещу тебя попозже, – сказал Намо, выходя. Обернувшись на пороге, он увидел, что Аллор уже погрузился в чтение. «Посмотрим, – подумал Вала, – думаю, ему все же стоит знать».

Глава 2

– Аллор! – проник в его сознание безмолвный зов, голос показался знакомым. Неужели? Откуда? Впрочем, ясно. *Оттуда*. Намо же сказал, что мятежный майа осужден Кругом Судеб на вечное изгнание-заклчение вместе со своим Господином и Учителем. Изящно: наслушается Черный Вала об успехах, полюбуется, во что превратился любимый ученик. Полюбуется... Ох уж эти ходячие выражения... Черная Книга, дочитанная, лежала рядом. Конечно, истина была, как всегда, посередине, но отрицать многое из написанного там было невозможно. И то, как прячет ее Намо, говорило о многом. Похоже, Валинор не слишком отличался от знакомого ему Нуменора или даже от Мордора. Что же, значит, въевшиеся в сознание, ставшие частью личности привычки и поведение, усвоенное чуть ли не с пеленок, забывать не время...

– Аллор! – Голос вновь звал, отвлекая от воспоминаний. «Зачем я ему понадобился? Еще раз услышать, что он обо мне думает? Что встал на сторону Света? Так, похоже, подумают и в Валмаре». И правильно, кому какое дело до того, что наплевать ему было на Свет и Тьму, что сломан, что ничего уже не хотел, только уйти – хоть в небытие. И слабая надежда была – вдруг ждет еще? Теперь уже все. Не вырваться. Попал из не-жизни в не-смерть...

– Аллор, ты слышишь? – Зов был почти отчаянным. Ну что еще ему надо? – Сомнений в том, кому принадлежал голос, уже не осталось.

– Да, слышу.

– Это я, Гортхауэр...

– Слышу.

– Где ты?

– Песни в хоре ваниар распеваю, разумеется. А как ты думаешь?

– Я не думаю, я догадываюсь – в Мандосе?

– Проницательно. Сам догадался?

– Почти. Но я не думал...

– Не думал... Что же, ты добился цели – уничтожил во мне человека настолько, что я все еще здесь. Можешь радоваться – свободы я не достиг. Доволен?

– Да я не за тем тебя звал, чтобы злорадствовать.

– Ах, не за тем? А зачем, позволь поинтересоваться? Тебя разве не тошнит от бесед с предателем?

– Развоплощенных не тошнит.

– А-а-а... Ну тогда продолжим.

– Аллор, я, на самом деле... Я во многом был не прав, но я изменился...

– О, конечно...

– Ты же не знаешь, каким я был когда-то, в Предначальную эпоху...

– Добрым и наивным.

– Тебе бы только издеваться...

– А что еще делать? Я же ничтожество.

– ...Неженка, сволочь нуменорская, майарский ублюдок и так далее – да, я так говорил и думал...

– Почему в прошедшем времени? Все правильно, так и есть.

– Ну я много чего сказал и сделал, кое-что зря, наверное...

– Так ты дотянулся до меня, чтобы порассуждать о ходе истории?

– Нет, просто... коль скоро это удалось...

– То?

– Ну вкратце – прости за это...

– За что?

– За нее... И за всю эту историю...

– Я же сказал, что прощаю. Поделом мне – при чем тут ты? Разве можно ненавидеть погоду или дерево, придавившее тебя насмерть? Не стой под грузом...

– Спасибо, снизошел...

– Чего ты хочешь наконец?!

– Уже ничего. Учитель хотел поговорить с тобой...

– Учитель... Тебя мне мало...

– Ты его не знаешь! Он... Я тебе еще тогда о нем рассказывал.

– Не только мне. Может, Ар-Фаразон тебя лучше понял?

– Ох...

– Что? Что-то не так было?

– Ты ничего не знаешь – ведь кроме моих рассказов, ныне для тебя ценности не представляющих, ты только с Книгой Судеб да с «Сильмариллионом» знаком....

– Я знаю несколько больше, чем ты думаешь.

– То есть?

– Неважно. Что же могло вызвать интерес Властелина Тьмы к моей скромной личности? Чем обязан? Ты ему не все рассказал?

– Он рассказал немало, и еще больше я узнал... м-м... непосредственно... – Это был другой голос, низковатый, глубокий, хотя и слабый.

– Ну и что еще хотел бы услышать Учитель моего Господина?

– Не надо так... Меня зовут Мелькор.

– Очень приятно. Аллор.

– Знаю.

– Еще бы. Чем обязан вниманием?

– Интересно стало поговорить с тем, кто умудрился так насолить Ортхеннэру.

– Я только помог тем, кто мог сделать это. А я просто хотел свободы – неважно, какого рода и какой ценой...

– И теперь ты здесь?

– А как же? Я же теперь майа – во всяком случае, не настолько человек, чтобы покинуть это осиное гнездо.

– Да, это тяжело – утратить Дар... В свое время моим ученикам удалось получить его. Не всем, правда...

– Эльфам Тьмы – Эллери Ахэ?

– Откуда ты знаешь?

– Что-то в лучшие времена Гортхауэр рассказывал, и не

только...

– Неужели ты видел Книгу Памяти?

– Прочитал.

– Прочитал?!

– Да, Намо дал. Не знаю зачем – может, чтобы не скучал.

– А ты... почему ты все еще у него?

– А куда я денусь? Я не стремлюсь жить.

– Вот как... Но ты же, как я понял, майа – и не можешь умереть и уйти.

– Знаю, Намо говорил. Пусть что хотят, то и делают, вдруг когда-нибудь да удастся.

– Ты так хочешь уйти с Арды – тебе нечего терять здесь?

– Думаю, что нечего. Впрочем, все, наверное, в любом случае бессмысленно – сколько можно ждать?

– Чего?

– Не чего, а кого. Меня...

– Подожди... Я что-то узнал от Ортхеннэра, но, возможно, не все. Эта девушка – она ушла?

– Разумеется – хоть это я мог для нее сделать. И видел, что она свободна. На это сил хватило.

– Ты убил ее?

– Убил. А лучше было бы вечно видеть ее призраком, да еще подчиненным кому-то безраздельно?.. Будь я проклят!

Я погубил ее. Что я мог принести ей? Ни радости, ни защиты, ни покоя... Только на болтовню и годился, – не смог защитить, не смог даже помешать ей прийти в Мордор.

– Думаешь, это было бы возможно? Она же любила тебя. Историю Берена и Лютиэнь помнишь?

– Ох уж эти предки... Да, я виноват. Недооценил ее. Не предполагал.

– А если бы представил?

– Не знаю. Я впервые испугался так – не за себя... Но что делать – не знал. Все было так безнадежно.

– А посоветоваться с кем-то из побратимов?

– А чем бы они помогли? Только втягивать...

– А с Ортхеннэром? Может, он понял бы, помог чем-то...

– Понял?! – Аллор на мгновение вышел из себя: издевается, что ли, мятежный Вала?! – О да, он бы понял... После всего, что он мне наговорил, с ним – советоваться? Он бы посоветовал... Конечно, я предоставил ему в конце концов возможность повеселиться от души, но, видит Эру, я к этому не стремился. И вообще, Мордор явно не был подходящим местом для порядочной девушки.

– Ты хорошо разбирался в этом? Насчет порядочности?

– Неплохо. Со стороны виднее: себя к таковым я никак не мог отнести.

– Да-а, нашел же Ортхеннэр себе на голову ученика...

– ...слугу.

– Ты никогда не считал его учителем?

– Вот еще. Этот тип отношений не для меня. Учиться – люблю, но учеником быть – не получается.

– Слугой, похоже, тоже не очень-то...

– Рабство – не то состояние, когда интересуются, получается у тебя или нет. Я утратил свободу – пришлось служить. Мне объяснили, где мое место и чего я стою. Доказательства были весомые.

– Рабство... – Аллору показалось, что Мелькор вздохнул. – У вас в Нуменоре, похоже, этого хватало...

– Еще бы. У меня хорошая школа – не привыкать.

– Ты же, насколько мне известно, принадлежал к высшему обществу.

– Ну и что? Все мы были слугами Золотоликого короля... И за любым могли прийти ночью.

– Тебя минуло.

– Да. Помог милейший Аннатар – по дружбе, видимо. Это я, дрянь такая, не оценил...

– Да, ехидства тебе не занимать...

– Ну и что с того? Как был ничем, так и остался.

– Да уж, мелочи какие. Всего только с твоей помощью от Мордора камня на камне не осталось. Ну еще сохранил память там, где нельзя не забыть себя, полюбил, будучи призраком, отказался от любви ради той, которую любил, – чепуха...

– Когда на хвост наступают, даже умирающая собака укусит...

– Ну тебе-то порядком хвост прищемили.

– Тут уже цепочка прослеживается – и тянется, похоже, от твоей Ангайнор...

– Что?

– Гортхауэр озлобился. Я тоже не понял его. Такой, какой я был (да и есть), холодный эстет, ищущий только развлечений, – да ни в жисть! И ему из меня что-то человеческое вытягивать – некогда было и уже незачем. Ему же совершенное орудие нужно было – зачем какие-то чувства?

– Ты понял это?

– Теперь. Я же сказал, что простил его. Понять – это ведь наполовину простить, так говорили.

– Наполовину...

– Я не уверен, простила ли она...

– Не теряй надежду. Может, вы еще встретитесь...

– Встретимся – в конце Времен...

– А ты будешь дожидаться, сложа руки, в развоплощенном состоянии?

– Так ближе...

– Короткий путь не всегда самый краткий. Не теряй веру.

С твоей родословной – что Лютиэнь, что Эльвинг...

– С чего ты вообще взялся меня утешать?! Кто я тебе?

– Не знаю. С тобой интересно побеседовать.

– О чем со мной беседовать...

– О многом. Ты видел гибель и разложение оплота Светлых в Средиземье, ты видел, как кончается эпоха магии...

И, как это ни странно тебе покажется, у нас много общего...

– У недомайа с Валой?

– Меня тоже называли рабом...

– Но я им – был...

– Прости... Но, право же, различие несущественное.

– Ничего. Не стоило обращать внимания. Видишь ли, мне нечего особенно рассказать. Да и грядущая эпоха людей не внушает оптимизма. Так что... Невелика радость от бесед со мной – а тебе и так несладко.

– Я привык.

– Если вас дракон задавит, вы тихонько вскрикнете. Раз задавит...

– Два задавит, а потом – привыкнете... – Аллор явственно расслышал усмешку в голосе Мелькора.

– Именно. Откуда?

– Не помню, еще в Аст Ахэ кто-то сказал... Вот что я тебе скажу: воплощайся. Не дожидайся, пока заставят – а они заставят. Зачем тебе нарываться?

– Это я слышу от Валы-мятежника?

– Ты умеешь быть гибким – называй это как хочешь. Не всегда проще идти напролом. У тебя есть цель, а добиваться цели ты умеешь.

– Ну и куда я сунусь? Мне надоело служить...

– В крайнем случае, назовись учеником Намо или Ниэнны. Или Ирмо. Они не будут дергать тебя. Ирмо мечтателен, Ниэнна не злая, а Намо, похоже, уже проникся к тебе прия-

ню. А там...

Раздались шаги. Аллор обернулся. На пороге стоял Намо.

– Приветствую тебя, Намо, – сказал он вслух.

– Удачи тебе, Вольнодумец, – послышался в сознании голос, которому почему-то хотелось доверять.

– О чем задумался? – спросил Намо.

«...В мысли лезть не пытается», – отметил Аллор про себя.

– Так... Осмысливал прочитанное – грустно. Не смог я в свое время понять Гортхауэра... Может, он был бы хоть немного другим...

– Ты тоже был другим. Да и вряд ли тебе это могло быть по силам...

– Учитывая, насколько мне было на всех наплевать, кроме собственной персоны...

– Не верится. Может, ты наговариваешь на себя?

– Хочешь, поройся в памяти – той, нуменорских времен?

– Не боишься, что лишнее вычитаю?

– Мне показалось, что доносы – не твоя стихия...

– Спасибо. Что же, прикрой глаза...

Намо положил руку на голову призрачного майя и углубился в тайники памяти. За секунду до этого Аллор попытался облечь недавний мысленный диалог в форму размышлений – мало ли что пригрезиться может...

Перед Намо проходили картины Нуменора. Роскошные замки, море, сверкающие мрамором пристани... Рабский

труд за блестящими фасадами, утонченный разврат, почти невинная – по степени невосприятости ее как чего-то из ряда вон выходящего – жестокость. Странные не то игрища, не то действия – вызывающие, бесшабашные. Стражники, разгоняющие дерзких, – и они же, униженно извиняющиеся: «... Простите, ваша светлость, не признали». Картины, полные странных тварей, линии – в них какая-то болезненная жесткость... Менельтарма, усеянная причудливо одетой публикой, пьяной и одурманенной, пытающейся изобразить нечто, напоминающее поклонение Валар. Горы фруктов, пьяные голоса, исполняйте хвалебные гимны вперемешку с чуть ли не уличными куплетами. Красивые, но какие-то безумные танцы. Среди бешеной пляски мелькает лицо со знакомой насмешливо-надменной улыбкой. Холодные, опустевшие от дурмана глаза... Помпезный храм – толпы жертв, кровь, льющаяся в золотые чаши, изящный серп, перерезающий горло. Палец, на котором простое, но элегантное кольцо с обсидианом, окунается в кровь и скользит к узким, чувственно изогнутым губам. Высокомерно-отстраненно взлетевшие брови. Брезгливая гримаса. Мрачный взгляд Золотоликого... Причудливые оргии. Фигуры, летящие с башен... И наконец усталый, потрепанный жизнью человек, распростершийся у ног нечеловечески красивого создания в окружении темных силуэтов...

Намо прекратил чтение: в конце концов, сколько можно копать – захочет, сам еще что-то расскажет.

Взглянул на Аллора – тот сидел, опустив голову. Почувствовав взгляд Валы, поднял глаза:

– Располагающая личность, не правда ли?

– Сейчас ты иной. И нечего тебе сидеть тут как в заточении: из тоски это тебя не вытащит, к цели – не приблизит. С плотью ты обретишь новые силы, и может, кто-то еще в Валиноре постарается тебе помочь. А жить можешь у меня, если захочешь, – хоть здесь. Правда, это было некогда местом заключения Мелькора – но тебя это, похоже, не смущает? Впрочем, ты чем-то напоминаешь его... Так или иначе, я буду рад помочь.

– Отчего же?

– Не знаю пока. Какое-то предчувствие...

– Наверное, ты прав. Хватит отсиживаться – будь что будет. Я смогу сделать это сам?

– Я подскажу. Сосредоточься, вспомни себя. Готов? Произнеси заклятие образа – повторяй за мной.

Аллор повторял странные слова, казалось, рождавшиеся в глубине сознания, кажущиеся удивительно знакомыми. Что-то менялось, возвращались ощущения. Хорошая зрительная память услужливо вызывала к жизни многочисленные отражения в зеркалах – все отчетливей.

– Ну вот, теперь – закрепление... – донесся голос Намо.

Произнеся заклинание, Аллор открыл глаза. Вокруг все неуловимо изменилось: он давно уже не видел – так. И волна забытого навалилась, закрутила его, как обрывок пергамен-

та. Резанул легкие воздух, холодным дуновением сквозняка обожгло кожу, тело словно вырезали из окружающего пространства... Даже тусклые цвета и приглушенные звуки старой темницы обрушились на голову градом пестрых осколков.

Майа снова зажмурился и сжался в комок на полу, стиснув руками виски.

Впрочем, спустя мгновение он уже вполне овладел собой и встал. Комната качнулась перед глазами, и майа оперся о край стола. Намо хотел поддержать его.

– Спасибо, я справлюсь... – Аллор стоял перед ним, непринужденно облокотившись на спинку стула, – нагота, похоже, нуменорца не смущала. Намо усмехнулся:

– Как себя чувствуешь?

– Чувствую... вот именно: чувствую. А... зеркала здесь нет?

– Отчего же. – Вала указал на стоящий в углу овал. Это и впрямь было зеркало, только пыльное. Да и будь оно чистым, новоиспеченный майа до этого момента не углядел бы там ничего – по известным причинам. Аллор придирчиво осмотрел себя, словно примерял обновку. Удовлетворенно кивнул:

– Похож...

– Ты не польстил себе, – улыбнулся Намо. – Впрочем, это было бы нелегко.

Бывший человек действительно был красив необычной, несколько болезненной красотой – изящно-хрупкая, строй-

ная фигура, узкое лицо с заостренными аристократическими чертами, несущими печать утонченного вырождения, хищно и в то же время иронично изогнутые губы, причудливо изломанные брови, временами придающие лицу выражение высокомерного удивления, и – приподнятые к вискам глаза, похожие на редкий камень, меняющий цвет от светло-голубого до почти фиолетового, кажущиеся холодными и насмешливыми, чуть прикрытые веками и длинными густыми ресницами. Пышные, волнистые черные волосы облаком окутывали голову, падая на плечи. Кровь Перворожденных ясно читалась в облике последнего нуменорца.

– Честно говоря, всю эту новообретенную роскошь не мешало бы прикрыть... – все же чуть смущенно проговорил Аллор.

– Ой, да, я как-то задумался... – Намо тряхнул головой. – Ты же в первый раз это сделал... И в последний, я надеюсь. – Как будто тень пробежала по лицу Валы.

– Тирзэ! – позвал он. На зов в проеме двери возник майя. Острыми линиями лица он походил на Намо, только волосы были вьющиеся, с золотистым отливом.

– Он? – вопросительно глянул Тирзэ на Намо. Тот утвердительно кивнул.

– Проводи к себе и подбери, пожалуйста, что-нибудь из твоего гардероба. Заходи потом ко мне, – кивнул Вала Аллору.

– Непременно, – улыбнулся тот в ответ.

Тирзэ махнул рукой, приглашая следовать за собой. Они прошли рядом длинных коридоров, углубляясь в чертоги Мандоса, и наконец приблизились к небольшой двери. Тирзэ открыл ее, и они оказались в просторном помещении.

– Добро пожаловать! – обвел он шутливо-хозяйским жестом покой, обставленный скромно, но со вкусом. Стол был завален бумагами и рисунками, на стенах висело несколько ковров, сюжет некоторых изображений показался Аллору знакомым – прочитанным навеяно, что ли?

Тирзэ тем временем принес ворох одежды – цвета были вариациями пурпурно-фиолетового – гамма Намо. Неторопливо порывшись, Аллор выбрал свободную рубашку с прямым вырезом, узкие штаны и мягкие остроносые сапоги чуть ниже колена. Наборный пояс с серебряной пряжкой завершил наряд майа. Одевание элегантно сидело на нем, делая сходство с эльфом еще более разительным. Непривычным было отсутствие оружия, – словно поймав его мысль, Тирзэ виновато улыбнулся:

– У меня ничего нет.

– И не надо. Такие вещи как деталь костюма не подбирают. Понадобится – найду. – Улыбка смягчила нечто надменное, почти хищное, скользнувшее по лицу Аллора, и Тирзэ не мог не улыбнуться в ответ.

– Может, какие-нибудь украшения? Колечки, цепочки, браслеты...

– Ну нет, хватит с меня колечек, – рассмеялся бывший

кольценосец.

– Слушай, ты и вправду был назгулом? – поинтересовался Тирзэ.

– Что ты, разумеется, дивным эльфом, разве не видно? – Аллор усмехнулся. – Да, был.

– Вас действительно все Средиземье боялось?

– Ага, детей пугали: прилетит, мол, назгул и унесет. И недалеко от истины, между прочим.

– Наслышан я о черных всадниках-призраках...

– Да уж. Пятно тьмы под черным плащом... Любимые герои баллад и анекдотов.

– И чем вы в основном занимались?

– Убивали, например, – лениво проговорил Аллор.

– Неужели Гортхауэр стал таким? – грустно спросил Тирзэ, помолчав. – Впрочем, его и Мелькор часто укорял за... жестокость...

– Всегда получается, что кто-то берет это на себя. В Средиземье бывает не до сантиментов. Аргор это хорошо понимал...

– Аргор? Ваш предводитель? Кем он был?

– Воином. Полководцем. Нуменорцем... Тирзэ помолчал, потом вдруг спросил:

– Все же удивительно: твои побратимы смогли уйти, когда их души перестало держать кольцо. А как тебя оно могло удерживать – еще раньше? Ты же...

– Я не был майа. Я был человеком. Просто у них душа со-

хранилась – людская, а у меня ее, видимо, вовсе не было...
Нечему уходить – осталась некая сущность. – Глаза говорившего нехорошо сузились.

– Извини. Тебе тяжело вспоминать?

– Глупости. Просто неприятно.

– Неприятно... – Тирзэ с сомнением покачал головой. – Ума не приложу, что можно с человеком сделать, чтобы осталось только то, что в пределах Арды неуничтожимо...

– В Средиземье это называют преисподней. Туда попадают несвободные души, отягощенные злом, – если они не могут уйти за Круги... Меня держало Кольцо – почти эпоху, – тускло проговорил Аллор. Глаза его на мгновение стали неподвижными, чуть дрогнули тонкие длинные пальцы. Тирзэ показалось, что отблеск огня мелькнул на лице собеседника; впрочем, все быстро исчезло, как наваждение, тем более что новый майя успел найти на столе гребень и теперь невозмутимо расчесывал густые пряди волос.

– Это Гортхауэр так с тобой поступил? За что?

– За все хорошее. Личные дела.

Тирзэ понимающе кивнул, прекращая расспросы.

– Послушай, – вдруг спросил Аллор, – а у тебя нет... чего-нибудь черного – из одежды? Я очень уважаю Намо, да и Тьма успела надоесть – как мне казалось, но... Я, наверное, слишком долго был там: неуютно как-то, непривычно, что ли.

Тирзэ задумался. Потом потрянул головой, видимо, приняв

какое-то решение.

– Подожди, я сейчас, – и нырнул в соседнюю комнату, откуда вскоре вернулся, бережно неся темный сверток. Встряхнул черную ткань – это был плащ, длинный и широкий, с пурпурно-фиолетовой подкладкой. Черная, как ночное небо, материя на ощупь напоминала одновременно и бархат, и шелк, была легкой и в то же время плотной, складки мягко струились. Майа накинул плащ на плечи Аллору – ткань почти касалась земли, хотя он был высок, – и застегнул изящную серебряную застёжку в виде ящерицы с небольшими крылышками, с глазами из золотистого, с искрой, камня.

Аллор осторожно закутался в плащ, вопросительно взглянул на Тирзэ:

– Откуда это? Твое?

– Теперь – твое. Носи – тебе, наверное, нужнее. Это его плащ.

– Его? – Аллор понял, о ком речь. – Но... мне?

– А кому? Мне, что ли? Где? Здесь? – Тирзэ стоял, опустив голову.

Аллор положил ему руку на плечо:

– А собственно, откуда он – у тебя?

– Мелькор подарил когда-то.

– Ты был у него? Так этому плащу...

– Тебя еще на свете не было. Люди только пробудились.

– А что ты там делал?

– Я с ним познакомился, еще когда он в первый раз в пле-

ну был. Здесь, в Залах Мандоса. Намо к нему заходил, ну и я... подслушивал... – Тирзэ вздохнул. – А потом я отпросился к нему, в Средиземье. Там было так интересно... Красиво. И народ славный. И я все думал – может, Валар просто не видели этого, просто какое-то непонимание...

– И если всем все объяснить, то настанет мир и всеобщее ликование...

– А почему – нет?! – взвился Тирзэ. – Теперь-то я понимаю, что если на самом деле каждый только и думает, как власть удержать или чтобы по голове не получить, то эти мир и взаимопонимание никому даром не нужны! Некоторым вообще скучно, когда никого не режут... – Майа расхаживал по комнате, размахивая руками от волнения.

– И ты все же попытался?

– Попытался... С Таникветиль открывается прекрасный вид... вот только падать неприятно – даже для майа... – Тирзэ поморщился.

Глаза Аллора стали ледяными. Майа продолжал – как будто выговаривался за многие годы:

– Сказали: врагу проданся, сволочь!.. А ведь я действительно Свет тоже любил...

– А Намо...

– А что – Намо? Что он против всех сделать мог?

– Но ты ведь был посланником... Впрочем, о чем это я? С вражескими пособниками ни к чему церемониться...

– Вот именно. Меня судили как отступника. А Намо...

сидел как окаменелый... До сих пор себе простить не может – я-то простил...

– И с тех пор ты здесь?

– Да. А куда я отсюда? Как очнулся, плащом этим накрытый, думал – убегу. Туда. А потом представил виноватую физиономию Мелькора... А у Намо такие глаза были... Он мне, конечно, сказал, что я его могу своим Валой не считать, что он трус и ничтожество, раз не смог меня защитить, и что поможет мне бежать из Валинора... А я остался. Не смог его бросить. Вот и «живу» потихоньку. – Тирзэ усмехнулся. – Чертоги Мандоса велики, кто меня среди призраков искать будет? Так что... общаюсь, новости разные узнаю, с Намо и Вайрэ сидим, беседуем – иногда. Пишу вот, рисовать порой берусь... Ты ко мне заглядывай – даже если выйдешь отсюда...

Аллор взял со стола один из рисунков:

– У тебя хорошая рука.

– Спасибо. А ты в этом смыслишь, я вижу...

– Почему ты так думаешь?

– Ну ты смотришь как-то правильно...

– При жизни меня называли арбитром изящества. И вообще я люблю... любил рисовать... Может, у тебя литок найдется? И для письма что-то...

Тирзэ протянул ему лист бумаги, кисть и баночку с тушью.

В первом наброске майя узнал себя, потом возникли драконы, странные деревья, сплетающиеся в танце фигуры...

Еще один быстрый росчерк, явно в задумчивости – на бумаге появилось девичье лицо с большими приподнятыми к вискам глазами, слегка вздернутым носом и насмешливой улыбкой. Пышные кудрявые волосы обрамляли его.

– Слушай, это лицо мне знакомо. Кто это?

– Так... некто...

Тирзэ наморщил лоб, что-то вспоминая.

– Но я видел ее. Здесь. В Залах Людей.

Аллор резко повернулся к нему, оторвавшись от листа. Капля туши сорвалась с кисти, одея плечи нарисованной девушки черным плащом.

Тирзэ вздрогнул от неожиданной реакции.

– Где? – прошептал Аллор.

– В Залах Людей. Давно... около трех тысяч лет назад. Да, это она.

– Три тысячи... И? Рассказывай все, подробно! – Майа стиснул кисть Тирзэ с неожиданной для хрупких на вид пальцев силой.

– Отпусти, больно, ты что?! – Пальцы разжались, Тирзэ высвободил руку. – Что с тобой?

– Рассказывай, – повторил Аллор.

– Она появилась в Залах Людей. Я сначала подумал, что это мальчишка, подросток. Одежда пыльная, рваная. Окликнул – обернулся, вижу – девчонка. Хмурая. – Это, говорит, чертоги Мандоса? – Да, отвечаю. – Можно гут присесть? – Отчего же нет?

Она села, прислонившись к стене, и прикрыла глаза. Станным мне это показалось. Я вышел: она явно была не в духе. Ладно. Захожу через день-два – люди обычно уходят дальше, а она сидит. Только в дальний от выхода угол перебралась. Тут я не выдержал. Почему ты еще здесь? – спрашиваю.

– А что, нельзя?

– Тебе придется уйти. Люди здесь не задерживаются.

– Обычно. Но... может быть, все-таки можно?

– Не сможешь, – говорю. – Ты и так долго удерживаешься.

Людей как бы уносит течением – туда, на Пути.

– Я не могу сейчас уйти на Пути.

– Невозможно.

– А как же Берен?

– Он бы вынужден был уйти. Приди Лютиэнь днем позже – и все.

– Днем... – И голову опустила. – Нет, мне долго придется ждать... Может, до конца Времен...

– Что у тебя стряслось? – спрашиваю. Хотел по голове погладить – вздрогнула, отодвинулась.

– Ничего, – говорит, – особенного. Просто ждать мне долго придется – оттуда быстро не возвращаются...

– Откуда? Ты хоть Расскажи.

– Из преисподней, – отвечает, а глаза застывшие.

Тирзэ взглянул на Аллора. При последних словах его пальцы сжали подлокотник так, что тот хрустнул.

– Так она знает... знала...

– Послушай, Аллор, объясни, кто она?

– Девушка, которую я полюбил и которая полюбила меня, – вот кто.

– Она продолжала любить тебя, даже когда ты стал призраком?

– Когда мы познакомились, я им был уже давно. Брови Тирзэ поползли вверх.

– Это не из-за нее ты с Гортхауэром разругался? Аллор неопределенно кивнул:

– Значит, она видела. Конечно, душа ведь не сразу покидает тело. А дальше – что?

– Она не могла оставаться дольше – ее сносило все дальше к выходу. У нее уже не было сил задерживаться в этих залах. Я ничем не мог ей помочь. Намо... тоже... Как можно удержать в руках воздух или свет?..

Она спросила:

– Как ты думаешь, на Путях есть обочина?

– Обочина? – удивился я.

– Ну да – сидя на обочине, видишь всех проходящих. И я никому не помешаю. Когда он вырвется, – а когда-нибудь это произойдет, – мы уйдем вместе...

Она встала и решительно пошла к проходу. Перед тем как шагнуть за порог, – я мельком видел клубящуюся серо-белесую пустоту, а за ней, не знаю, что-то, – она обернулась:

– Прощай, Тирзэ, спасибо за компанию.

Я вдруг понял, что даже не спросил, как ее зовут.

– Меня зовут Эльдин, – сказала она, словно прочитав мои мысли, – передай ему, что я жду – ТАМ, – и сделала шаг...

Наверное, ей казалось, что она называла имя, и неоднократно. Значит, это ты...

Тирзэ замолчал. Аллор встал, обнял его за плечи:

– Спасибо тебе.

– За что? Я же ничего не сделал...

– Ты запомнил. Теперь я уверен, что эти тысячелетия она не провела... в иных местах. А что касается ожидания... Говорят, на Путиях забывают... Хорошо бы.

– Ты до сих пор ее любишь...

– Да, как это ни странно. Наверное, развоплощение и преисподняя – идеальные средства от склероза.

– Может, все же сумеешь уйти... Хотя жалко будет – только познакомились...

– Не горюй, скоро это у меня не выйдет.

– Возможно, у тебя впереди – вечность...

– Вечность – это очень долго.

– Знаешь, я почему-то верю, что у вас получится. Не у тебя, так у нее – она девчонка с характером.

– Да уж, – улыбнулся Аллор.

* * *

Эльдин... странное имя. В Арноре, построенном потом-

ками Верных, квенозвучащие имена были в моде. Проблема заключалась в том, что языком этим никто давно уже не пользовался и имена часто подбирались по звуку. Вот и получилось: красиво, как звон капели, льдинкой на языке: эль-дин... Когда, проболтав с ним всю ночь, она, вспомнив, представилась, он долго смеялся: «Не обижайся, но тебя называть «звездным молчанием»... Впрочем, наверное, все же «звездная искра»». И улыбнулся.

Она вообще была немного странной. Так говорили. Читать выучилась рано, и после этого хлопот с ней не было – только в библиотеку пустить. Проблемы начались позже – даже не тогда, когда, вместо того чтобы играть с девчонками в дочки-матери, она убегала с приятелями в лес и возвращалась поцарапанная, в пропахшем костром платье, или когда на день рождения попросила в подарок меч. Просто через несколько лет товарищи по играм стали иначе смотреть на нее, а подружки начали шептаться по углам о взрослом – ей неинтересном. Отношения мужчин и женщин не были для нее тайной и, может быть, поэтому не вызывали у нее горячего интереса, да и объект приложения теории как-то не вырисовывался. Парни оставались для нее приятелями, интересными – по возможности – собеседниками; к их немалому огорчению, ибо она «пользовалась спросом», как это иногда называли: маленького роста, но стройная, с пышной шапкой кудрявых темно-рыжих волос, не признающих благопристойных причесок, что подобают девушке из хоро-

шей семьи. На тонком лице блестели большие светло-зеленые глаза, и его не портило ни то, что рот был чуть великоват, ни россыпь почти незаметных веснушек – наоборот, это сообщало некое дополнительное очарование: таков был приговор общественного вкуса. Отчет в этом она себе вполне отдавала, но практических выводов не делала: в книжках все было интересней. К тому же хоть и понятно было, что многое там – вымысел, но неужели – все? Она не видела иных существ, хотя никто в Арноре не отрицал существования тех же эльфов, например. И ходили слухи, множились легенды об ужасных черных всадниках, призраках Тьмы, сгустках ночи, не ведавших жалости похитителях и убийцах, бывших некогда великими воинами. Грозно вырастал Мордор, Тьма была вполне реальной – слухи сплетались с рассказами очевидцев. Но разве это могло помешать своевольной девчонке бродить в окрестных рощах и вересковых пустошах?

– Кому я нужна? – риторически вопрошала она испуганную ее очередным возвращением за полночь мать.

Что может быть красивей сумерек, когда все кажется смутным и таинственным? Казалось, взглядишься внимательней, успеешь поймать тень, мелькнувшую на краю взгляда, – и иной, странный, придуманный или угаданный мир оживет, обретет реальность, откроются его призрачные ворота, а там... Что – там, можно было фантазировать сколько угодно, она была уверена в одном: скучно не будет. Смеяться над ее фантазиями не решались – язычок Эльдин, длинный и

острый, ничего хорошего не сулил насмешникам. Последнее слово она умудрялась оставить за собой, а смельчаки, надеявшиеся, что для них насмешливый блеск ее глаз сменится на томное влюбленное мерцание, скоро понимали безнадежность затеи. Особо непонятливым окончательно разъясняли положение вещей острые кулаки, умудрявшиеся метко попадать в чувствительные места. А среди замшелых валунов, причудливо искривленных северных деревьев было несравнимо интересней – размышления никто не прерывал, сказки и легенды оживали в воображении без помех.

И когда повеяло странным холодом и в сумерках перед ней возникла высокая фигура, казавшаяся вырезанным из ночи сгустком тьмы, она забыла испугаться: уж очень это было занятно – ожившая легенда. То, что представитель сказочного мира был явной нежитью, причем недоброй, ее не смущало...

* * *

Только когда небо стало еле заметно светлеть, до нее внезапно дошло, что они проболтали всю ночь – и было о чем. То есть о чем придется – перескакивая с темы на тему, с невольными паузами – исключительно чтобы отсмеяться. Он оказался ироничен и ехиден – до цинизма, священных тем для него не существовало. Впрочем, знал он немало – хорошо, что ее знаний хватало, чтобы отслеживать ссылки на

источники. Говорить с ним оказалось исключительно легко, и как-то очень быстро она перестала обращать внимание на мертвый, глухой голос и неживое свечение глаз из-под черного капюшона, откуда оный голос доносился.

Посему спросить о месте и времени следующей встречи показалось ей вполне естественным. Впрочем, ее собеседник поинтересовался тем же самым...

– ...Чтобы назвать тебя звездным молчанием, нужен был парадоксальный ум... извини, впрочем.

– А тебя-то как звать?

– Аллор.

– Хм... тоже мне, мечта, – продемонстрировала она познания в высоком наречии.

– Один-один, – ухмыльнулся он.

Ей было интересно. Ей было весело. У нее появилась тайна – вполне реальная. Видимо, утром ее взгляд был загадочен, ибо подружка Лаура, девушка в делах любви искушенная, спросила: кто он? – и сделала понимающее лицо.

Эльдин расхохоталась – ее ночное времяпрепровождение со вздохами при луне не имело ничего общего. Это просто интересный собеседник – и все.

* * *

Ей было интересно. Картины истории, незнакомые места вставали перед глазами, как живые, – рассказывал он мастер-

ски.

Помог перевести на квения сочиненную ею песенку – высоким наречием призрак владел свободно.

Попросила показать известные ей по книгам приемы владения мечом – изящно продемонстрировал, поставил кисть... Могильным холодом повеяло сквозь перчатку – но... ее почему-то бросило в жар...

* * *

...В тот вечер он как будто разучился облекать мысли в отточенную, изысканную форму – какие-то обрывки фраз, сбивчиво – про свои жестокость, равнодушие и трусость, про пустоту, про... Прощай. Зачем? Только нашла хорошего собеседника, друга... Друга? – Зря, не стоило – плащ слился с ночью, только топот копыт его коня звучал еще какое-то время – и все. Почему? Чем-то обидела? Что-то не так? За что? День за днем ее тянуло к тому же месту – вдруг? Нет. Разве бывает так – исчезать, как в воду канул. Что-то не то...

– Ты с кем-то поссорилась? – заглянула в глаза мать.

– Да нет – просто не в духе...

Как ползут дни. А в голове – сумерки и приближающаяся тень в развевающемся плаще. Крутятся в памяти разговоры – где было что-то не так? Перерыла все материалы о Тьме, какие только можно было достать – легально и нелегально...

Как-то, проснувшись утром, поняла – надо идти. Придет,

отыщет и спросит: в чем дело? Страшно – вдруг высмеет, отвернется, отречется... А вдруг... Только ее там не хватало... А что? Просто увидеть – и все. Она поймет. И сразу уйдет. Или не уйдет. Знала почему-то, что – нет.

Выйдя за ворота и оглянувшись, поняла – не вернется. Тяжело уходить. Но не усидеть уже дома – никак. А Мордор найти несложно...

* * *

Эльдин вздохнула, глядя в бесконечную даль, усеянную светильниками звезд и миров. Уже не первое тысячелетие за спиной клубилась пустота, а перед глазами переливалась светом и обволакивала тьмой бесконечность – и смотреть не надоедало. Звезды пели, разговаривали, их хор лечил и утешал – но слабо. Одиноко как... Как было бы замечательно идти вместе по блестящей тропе, слушая музыку Эа.

– Ведь те, чьи судьбы сплелись на Арде, не разлучатся?! Она ждала. Боялась оторваться от призрачного порога: на Путих забывали. Она – не хотела, она должна была помнить. Она знала, что Кольцо утрачено – прошла хмурая, мрачная тень Исилдура, поминавшая нелестно вражью поделку, виру – предательскую добычу...

По крупичам восстанавливала она картину событий в Средиземье – обрывки разговоров и мыслей, иногда удавалось побеседовать – не все торопились навстречу сияющей

неизвестности...

* * *

Такое уж состояние было: будь что будет – наплевать, только какая-то непривычная волна жаром прошла по телу, когда в тронный зал Властелина вошел неуловимо скользящей походкой он...

«...Он же отрекается, чтобы – выгородить...» Запретным это было, или – ненормальным, или – дерзостью? Как знать... Подвела... Почему-то не удалось испугаться восьми черных теней вокруг трона – и темной фигуры на нем. А за того, девятого, как-то сразу боязно стало. И почувствовала в какое-то мгновение его страх – за нее. Он даже не глянул в ее сторону, но – она поняла. Ощутила: сейчас он упадет на колени – ради нее... будет молить о помиловании. «Не надо унижаться!» – эта мысль была яркой, отчаянной. И мелькнул заклятый клинок у горла Владыки...

Последнее слово все же осталось за ней – как всегда. Точнее – за ними. Она верила: что-то он все же сможет сделать... Если ничего другого уже не осталось. Как холодно и больно было ощутить в теле светящуюся злую сталь... И наслаждением было покинуть бесполезную уже оболочку.

Она знала, что произошло с ним. Душа не сразу устремилась в чертоги, ждущие всех живших когда-либо на Арде. Опалило огнем. Последнее слово: ненавижу! Последняя

мысль – на краю безвременной бездны: люблю! – дотянулась до нее...

Она подождет – оттуда скоро не возвращаются. Но ничто не вечно. Звезды баюкали ее бессонницу – безрезультатно. Она ждет...

Глава 3

Аллор остался один. Мило посидели они у Намо: было о чем побеседовать, – глаза Намо загорались, когда майа рассказывал о средиземских событиях. Не обо всем он мог поведать – не было его там, но уж что видел... Намо рассказывал про Валинор, и надо было ловить каждое слово, а еще внимательней – намеки.

– Я не заставляю тебя служить мне, просто никто тут «самого по себе майа» не потерпит: сам по себе – это равный, а равны между собой лишь Валар, да и то... С другой стороны – раз ничей, то никому не нужный, никем не защищенный. Тебе здесь жить – неизвестно сколько... – Намо задумался.

Аллор кивнул: такие вещи ему не требовалось долго объяснять, но он был благодарен Намо за неравнодушие. Что-то менялось в нем, исподволь, постепенно – он стал ценить это: внимание, попытку понять... Ему казалось – не осталось чувств, сам стал подобен лезвию заклётого клинка, только злость осталась, может, раскаяние – в глупости, слабости. А арбитру изящества, коим его безоговорочно признавали при дворе Золотоликого короля, не пристали слабости – если только не подать их с изящным радикализмом и тонко выверенным надрывом... И сейчас весь этот прекрасно работавший в Нуменоре арсенал по-прежнему при нем, светская жизнь осталась его родной стихией, он свободно владел

правилами этой игры, вплоть до права творить новые – для остальных... Он привык улавливать намеки – что же, надо быть внимательней. Облачиться в броню наблюдателя со стороны, способного меняться... Дважды броня была пробита, дважды он проиграл. Впрочем, нет, второй раз он победил – и неважно, что не в состоянии вспоминать это без дрожи. Он может многое сказать и сделать – если понадобится. Даже врать и интриговать – пожалуйста, хоть и без особого удовольствия. Считал же дурным вкусом – доносить на своих гостей, бывших в списке неблагонадежных... А так все просто: вовремя промолчать, вовремя показаться на глаза, главное – соблудности внешние приличия, а там развлекайся как хочешь... «Ты умеешь добиваться цели...»

Майа зябко закутался в плащ, зажег свечу – пламя высветило сводчатый потолок, зеркало в углу, стол, который он уже успел завалить бумагами, кистями и книгами вперемешку, и низкое ложе в углу. Он сидел в кресле с высокой спинкой, подобрав под себя ноги, подперев голову рукой. Взгляд упал на прикрытую бумагами Черную Книгу – надо вернуть Намо, прочитал уже, запомнил... Разве еще глазами пробежаться – зачем, неважно, хотелось перечесть некоторые места...

Его позвали. Властно. Впрочем, это была власть, стоящая за вестником, – и нешуточная. Он поднял голову: в проеме двери стояла светлая, казалось, излучающая легкое сияние фигура. Золотые прямые волосы, небесно-синие большие

глаза, правильные, словно застывшие черты лица. Вошедший был облачен в синее одеяние, серебристый плащ, сколотый на плече золотой застежкой, спадал ровными складками.

Аллор отложил книгу, расчетливо-небрежно засунув подальше, в гущу бумаг и пергамента.

– Я слушаю. – «Нагло как-то вышло, ну да ладно, с ровней надо ставить себя сразу...»

«Какое надменное и в то же время отрешенное лицо», – почему-то подумал Эонвэ – это был он, герольд Манвэ, его правая рука.

– Я – Эонвэ, голос Его Величества, Повелителя Арды, Манвэ Сулимо, призываю тебя, Аллор... майа, явиться на Круг Судеб для выяснения твоей дальнейшей судьбы, дабы определилось твое место в Благословенной земле Валинора. – Посол возвышался над новым майа, чеканя слова.

– Прямо сейчас? Хорошо, только приведу себя в порядок. – Аллор неторопливо-грациозным движением встал с кресла, поискал на столе гребень и, найдя, направился к зеркалу. – Присаживайся, Эонвэ, я скоро.

Эонвэ, расположившись в кресле, с интересом наблюдал за ним – странный он, этот новый майа. Взгляд упал на листы, ковром покрывшие стол: причудливые фигуры, странные композиции, где живое сплеталось с неживым, чьи-то лица...

– Это ты рисовал?

– Я. Досуг позволяет – пока...

– А что ты читал? – Эонвэ покосился в ту сторону, куда скрылась Черная Книга.

– Так, рассказы.

– О чем?

– О былом, разумеется, разве кто-то пишет о будущем?

– Будущее не ведомо никому, кроме Творца.

– А пророки, видящие?

– Возможно, это наваждения...

– Все?

– Не знаю – это не мое дело. Я – майя Короля Арды и делаю, и мыслю то, что приличествует моему званию и положению.

– А что тебе нравится, что ты любишь?

– То, что достойно любви.

– Что, например?

– Свет. Свет должно любить, а Тьму – ненавидеть.

– Хорошо тебе, если так все ясно.

– Иначе не может, не должно быть – или это наваждения.

– Разумеется. Впрочем, почему ты все время говоришь о наваждениях? Ты знаешь, что это такое?

Глаза Эонвэ на мгновение скользнули куда-то в сторону, и, хотя взгляд вновь обрел отточенную отчетливость, Аллор, глядевший в зеркало, успел заметить это.

– Наваждения – это происки врагов. Нельзя позволять себе расслабляться и погружаться в их сети.

– Ты нервничаешь? Что с тобой?

– Ничего. Со мной ничего из ряда вон выходящего не может происходить.

– Ладно, извини.

– Ничего. Ты готов?

– Вполне. – Аллор застегнул плащ и расправил складки.

– Откуда он у тебя?

– Подарили.

– Но он же... черный?!

– Да, а что?

– Но это – цвет Врага.

– Я долго служил Тьме – и неважно, как я к этому относился.

– Знаешь, может быть, лучше все-таки без... – Эонвэ смущенно опустил глаза. – Это все-таки Валинор...

– Нет смысла пытаться скрыть прошлое, тем более что оно известно не только тебе. Не стоит пытаться похоронить его в себе: это ничего, кроме гниения, не даст. Впрочем, иногда помогает – до поры до времени.

Лицо Эонвэ словно окаменело, он нахмурился.

– Не все стоит помнить. Надо уметь забывать. Возможно, ты и прав, но... нельзя это. Впрочем, может быть, твое объяснение и подойдет. Только хорошо объясни. И если помыслы твои отвратились от дел Тьмы... с тобой все будет в порядке. Ведь ты враг Тьмы?

Это походило скорее на утверждение, не требующее отве-

та. Аллор утвердительно прикрыл глаза.

– Тогда следуй за мной. И... – Эонвэ поглядел прямо в глаза собеседника, – помни: наваждения – это опасно, нельзя поддаваться им. Нельзя сомневаться. И выбирать надо правильно.

Слова звучали как заклинание, но в них было что-то неуловимое, может быть, болезненное, какой-то глубоко запрятанный надрыв. Аллору показалось, что он дотронулся до чего-то запретного, тщательно спрятанного в отдаленный угол сознания, видимо, после неудачных попыток изгнать... что? Наваждение...

– Пойдем, нехорошо заставляя Владык ждать.

– Да, конечно, немедленно... – Эонвэ как-то скованно развернулся, проследовал к двери, чуть помедлил. – И мысли тоже должны быть – правильные. Тогда все будет хорошо. А иначе и быть не может в светлом Валиноре...

И широко зашагал к выходу из залов. Аллор следовал за ним, отстав на полшага. Намеки, неумелые, но, видимо, от чистого сердца сделанные, были ясны. Отчего бы это ему вдруг так разволноваться? Впрочем, не стоит копаться: пытаются тебе что-то объяснить – слушай и делай выводы.

Они вышли из чертогов, и Аллор невольно прикрыл глаза. Сколько времени он не видел в полной мере солнечный свет? Получалось, что долго – несколько тысяч лет. «Все же хорошо, что воплотился в Залах Мандоса, где вечный полумрак, а не где-нибудь посреди Валмара...» – подумал он. Свет был

езде, он исходил отовсюду, скорее подавляя, чем радуя. Казалось, что теней здесь нет вовсе. Что же, придется привыкать – ничего страшного, просто очень ярко.

Вскоре глаза привыкли, и он огляделся по сторонам. Блаженные земли были хороши – и синее небо, и удивительные деревья, многих из которых в Средиземье не видывали; каналы с прозрачной, словно светящейся водой, радуги цветов, причудливые сооружения, как будто парящие в переливающемся оттенками радужного и жемчужного мареве. Вдали возвышались горы, словно воины, собравшиеся под предводительством самой высокой, с белоснежной вершиной – Ойлоссэ или Таник-ветиль. Майар приближались к гаваням Аваллоизэ, где играло и переливалось под серебряным сплетением пены прибоя глубоко-синее море; в его равномерном шуме угадывалась спокойная в сознании своей силы мелодия.

Перед ними расстилался Валмар, уже можно было разглядеть Маханаксар – Круг Судеб, площадку, окруженную тронами.

Манило к себе море: он так давно не видел его, и для него, родившегося в Нуменоре, это было особенно тяжело. Какое наслаждение – стоя на палубе, слышать над головой хлопанье паруса и наблюдать, как изящный нос корабля режет зеленоватые волны, несясь навстречу зыбкому простору. Вдыхать соленый морской воздух... А еще лучше – спрыгнуть с высокого каменистого обрыва, пронзив упругую пенную

поверхность воды, и там, в прозрачных глубинах, пронизанных, словно прядями волос морских дев, лучами солнца, заплывать в гроты, разглядывать удивительные раковины и нарядных рыб, а потом, вынырнув, устроиться в каменной расщелине у кромки прибоя, предоставив прохладным волнам ласкать приятно утомленное плаванием тело...

Воспоминания захватили майа, заставив на какое-то время забыть, где он находится, но ненадолго. Эонвэ покосился на него, подивившись про себя, как сменилось на этом лице выражение высокомерия на мечтательную отрешенность, но Аллор снова уже был весь – внимание, и легкая улыбка, которую при желании можно было счесть любезной, чуть кривила его губы.

Встречные майар и ваниар косились в недоумении на черный плащ, но не похоже было, чтобы Аллора это хоть как-то смущало. Странное ощущение возникло у Эонвэ, смесь какой-то даже зависти и в то же время безотчетного беспокойства: вот идет рядом с ним легкой, словно скользящей походкой, как будто на званый обед, а не на Круг Судеб, с беззаботным выражением лица, а ведь могут ему устроить веселую жизнь... За что? – Эонвэ трудно было сформулировать. За отстраненность, за некую скрытую дерзость – или за это отсутствие если не страха, то хотя бы почтительного преклонения? Глашатай Манвэ не понимал, почему ему вдруг стало небезразлично, что ожидает это странное создание.

Они приблизились к Кругу. Валар присутствовали далеко

не все – не судьбы мира решаются. Так что Аллор предстал перед Манвэ, Вардой и прочими Аратар.

– Я привел его, Повелитель, – почтительно склонился Эонвэ пред своим Валой и встал за его правым плечом.

«Валар – враги Мелькора и Гортхауэра, а не твои, – настройся соответственно», – сказал себе Аллор и поклонился, прижав руку к груди. Выпрямившись, взглянул на Валар. Намо попытался ободряюще улыбнуться. Во внимательном взгляде Ниэнны была грустная сосредоточенность. Остальных он, знакомый с «Валаквентой», тоже узнал: яркая красавица Йаванна, Великий Охотник Оромэ в зеленоватых одеждах, Повелитель Вод Ульмо и Повелитель Ветров Манвэ со своей царственной супругой Вардой. Ауле отрешенно смотрел в одну точку, по-видимому мало интересуясь происходящим.

– Здравствуй, Аллор.

– Приветствую вас, Могущества Арды.

– Знаешь ли ты, зачем вызван на Круг Судеб?

– В общих чертах да.

– Очень хорошо. Насколько я понимаю, ты живешь у Намо?

– Да.

– Значит ли это, что ты являешься его майа? Аллор вдруг поймал взгляд Эонвэ – «соглашайся!».

– Не знаю. Я даже не уверен, майа ли я вообще.

– Вот как? Может, ты даже не уверен, на чьей ты стороне?

Судя по твоему плащу... Где ты его взял, кстати?

– Нашел.

– В чертогах Мандоса? – Манвэ покосился на Намо, тот развел руками:

– В моих залах много разного, от различных времен и народов...

– Но почему ты носишь его?

– Я долго служил Тьме; плащ – лишь напоминание.

– Мы знаем, кем ты был; но это – в прошлом. Сила Врага уничтожена, он изгнан за пределы Арды. И ведь ты – потомок тех, кто более прочих были верны Свету и сильнее всего пострадали от Врага, за что получили в дар землю...

– А потом одного дара лишились. – Аллор криво усмехнулся.

– Ибо деяния твоего народа переполнили чашу нашего терпения и терпения Творца.

– Да, разумеется...

– Впрочем, полагаю, познав Тьму, скажем так, изнутри и выступив против нее, ты принял решение и избрал одну из сторон?

– Я хотел освободиться... Эонвэ из-за плеча Манвэ скорчил отчаянное лицо – «я же говорил!». Король Мира покосился на него и продолжил:

– Разве ты не свободен? Ты ведь сбросил власть Темного Властелина?

– Не знаю. Наверное.

– Разве жить в Блаженном краю – не свобода и счастье для смертного, коим ты был?

– Я не смог умереть.

– И не сможешь: так или иначе, ты – майа и, значит, бессмертный. И уйти – не сможешь... – Голос Манвэ, казалось, был мягок и сочувствен, но в глубине таился металл.

– Я понимаю.

– И тебе здесь жить.

– Я не стремился к этому, но – попытаюсь.

– Попытайся, будь любезен. Народ майар, нами созданный и почти во всем нам подобный, – наши помощники...

– И слуги, – склонил голову бывший кольценосец.

– Да, и слуги, и это почет и радость – служить исполнению Замысла, помогая в этом нам, слугам Всевышнего. И ты, майа Аллор, сподобился этой чести, ибо даже исключения, которым ты, несомненно, являешься, лишь подтверждают правила. Кстати, может, объяснишь, как ты сюда попал – ведь девять слуг Саурона были смертны?

– Так вышло – это не моя заслуга. Это – то, что от меня осталось...

– Чем же ты был, если это – то, что осталось?

– Человеком...

«Да-а, люди...» – подумал Манвэ. А вслух сказал:

– Немало осталось. Таким образом, даже и злодеяния Врага служат Замыслу, хоть он этого и не желает. Так предсказал Эру в Его величии и мудрости. Саурон просчитался, попы-

тавшись заставить служить себе потомка Мелиан, ибо Свет сильнее Тьмы. Ты был прельщен наваждением, но отрекся от деяний Врага...

– Тому были личные причины. Впрочем, это не имеет теперь никакого значения.

– Разумеется, – голос Манвэ стал тверже, – прошлое не имеет существенного значения, хотя в Валиноре помнят ВСЁ... Твое служение только начинается, и твои заслуги в борьбе с Врагом, равно как и твои заблуждения, будут учтены и взвешены. От тебя зависит, какой будет твоя жизнь в Благословенных землях.

– Дозволь мне осмотреться, Владыка, дабы я осознал, где смогу принести большую пользу и меньшие сложности.

– Да будет так. Мы даем тебе некий срок, по милости нашей, и по истечении его ты сообщишь о своем решении. Но не медли: наше терпение безгранично.

– Я постараюсь, насколько это в моих силах, не вызывать гнев Владык Арды...

– Постарайся, – сказал Манвэ с легким нажимом, давая понять, что разговор окончен.

Аллор изящно поклонился. В это время к Намо подошел один из его майар и что-то прошептал ему на ухо. Намо быстро поднялся, и Ниэнна вместе с ним. Аллор уже вышел за пределы Круга, когда Владыка Судеб тронул его за плечо:

– Пойдем со мной, похоже, это для тебя интересно – по меньшей мере.

– В чем дело?

– Сам еще толком не знаю. Что касается «выхода в свет» – вроде сошло, хотя... посмотрим... А сейчас – ко мне. – Намо прибавил шаг, Аллор и Ниэнна последовали за ним.

Манвэ посмотрел им вслед. «Интересно, что это там в Мандосе происходит, чтобы Намо покинул Круг с такой поспешностью? И зачем ему этот новый майя понадобился?»

Странное ощущение осталось от разговора. Сочетание почитительности и явного отсутствия преклонения забавляло, но в то же время почему-то даже располагало. Не похож он был на майя – слишком разный, что ли? И что-то недостижимое, что-то скрытое внутри – сильное, даже жесткое. А вот что странно, он не сразу понял – мысли бывшего человека не читались, и это не была стена – ее бы Король Мира с легкостью пробил, читать мысли большинства жителей Валинора для него не составляло труда, – а скорее какая-то зыбкая завеса, туман, населенный смутными образами, – прямо грезы Ирмо. Вроде видишь насквозь – а что видишь, непонятно. Да он же потомок Мелиан! – вспыхнула мысль. За ее завесу – по слухам – не мог (или не стремился? – нет, это кощунственный вопрос) проникнуть даже Мелькор-Моргот. Да-а, семейка Феантури – он, видимо, того же поля ягода. Вот пусть Намо и отвечает, если что. Хорошо бы расспросить в менее официальной обстановке о событиях в Средиземье... И вообще, нельзя упускать его из виду: Манвэ чувствовал странную, скрытую силу пришельца, она даже пуга-

ла – тем важнее было удостовериться, что он сделает правильный выбор. А если нет – что ж, он всего только майя...

* * *

Эльдин сидела в каком-то полузабытьи, когда внезапное появление группы темных фигур на Пороге вывело ее из транса. Она узнала их – черные плащи с мерцающими под ними кольчугами, длинные мечи. Лица привычно были закрыты капюшонами. Не веря уже своим глазам, она подалась вперед: один, два... пять... восемь?! Их было только восемь, направлявшихся к звездной дороге, – еще шаг, и... тонкая, невысокая девичья фигурка выросла у них на пути. Мгновение, и они узнали ее: призраки не способны забывать. Аргор – он шел первым, как это всегда и бывало, – остановился в смущении и недоумении:

– Ты?

Аллора не было среди них – она чувствовала, что узнает его среди тысячи закутанных в черные плащи фигур. Как же так?.. Неужели... Она сдержалась, чтобы не закричать, – это все-таки не Арда, невозможным, неприличным казалось нарушить звездную песнь, она спросила тихо, но голос ее был страшен:

– Где он?!

Аргор оглянулся в удивлении:

– Как это?

– Неужели он... его... уничтожили? Совсем... – Призраки не плачут, да она и не могла уже плакать.

Второй назгул недоуменно пожал плечами:

– Он же был с нами, мы шли вместе... значит...

– Значит, так все и есть... – задумчиво произнес Аргор – Он не человек больше, и нет ему выхода за пределы Арды.

– То есть? – Эльдин схватила его за руки. – Как это – не человек? А... кто же?

– Не знаю. Хотя... он же потомок Мелиан – и кровь майар и элдар очень сильно чувствовалась в нем еще при жизни... Но неужели – настолько?!

– Ну и что? Что с ним сделали?

– Сделали? Сделалось... Понимаешь, ТАМ все человеческое очень быстро перегорает – в огненном сердце Арды. Эльфийское – тоже. Я провел там десять дней, – лицо призрака исказила мучительная гримаса, – и больше, наверное, не выдержал бы – ничего бы не осталось. Если бы он не помог уничтожить Кольцо...

– Но ведь душа неуничтожима!

– Еще как уничтожима – может, какая-то сущность и остается, но душой это вряд ли можно назвать... А он...

– А что – он? Расскажите хотя бы!

– Он выглядел сломленным и покорным – это было настолько правдоподобно, что не только мы поверили в это – даже и Владыка. И в то же время в нем чувствовалась некая особая сила – в какой-то момент мне показалось, что они

равны... Подумал тогда, что это наваждение, хотя призраки не способны грезить...

– Но если он стал так силен, почему он не смог уйти? Или... не захотел... – Эльдин опустила голову.

– Нет... Он очень хотел, он же шел с нами, он... надеялся, что ты его ждешь, но он... как объяснить... Мне кажется, – а я видел, что это такое, – это как с клинком особой закалки: он невероятно гибкий и прочный, но куют его долго – сталь очищается от всего, от всех шлаков... А он, вероятно, лишился всего смертного, осталась неуничтожимая в пределах Арды сущность майа – и сохранила в себе память...

Аргора передернуло: полторы эпохи – ТАМ... Он вздохнул, продолжая:

– Но бессмертный народ Айнур привязал себя к Арде с начала творения – и не может покинуть пределы. Ее жизнь – их жизнь, они неразрывно связаны. Теперь, видимо, он принадлежит Арде...

– Но Лютиэнь могла выбирать. То есть смогла сделать выбор и уйти...

– Она была эльфийкой – они тоже по-своему смертны. Ее душу никто не выжигал...

– Эру всемогущий... Но... я бы могла отречься от Дара – и вернуться?

– Думаешь, обратный путь возможен?

– Неужели нет? Только бы дойти, мыслью дотянуться. Невозможного мало – я уже не первую тысячу лет здесь сижу

– многое видела.

– И кто-то возвращался?

– Не знаю. Может, не отсюда. Попытаюсь. Ступайте, счастливого вам пути.

– Ты прости нас, ладно? За все это... – Аргор смущенно опустил глаза.

– Я же сказала, что не виню никого. Из вас. А что с вашим Властелином стало, кстати?

– Развоплощен. А где? Может, где-то в Средиземье, а может... Не знаю. Плохо ему пришлось...

– Ну что же. У меня нет на него зла – за себя. А вот за Аллора... Ладно. Хорошее напутствие на дорогу, нечего сказать. Правда, счастливо вам, да будет светел ваш темный путь!

Она прошла мимо них обратно, к выходу – впрочем, выходом это можно было назвать лишь условно, только в буро-белесой мгле мелькали какие-то просветы. Обернувшись, приветственно подняла руку. Вскинула брови недоуменно: ну что же вы? Впрочем, в следующее мгновение ее брови еще более удивленно полезли вверх:

– А вы куда?

Темные фигуры в развевающихся от неощутимого ветра плащах поравнялись с ней.

– Как же мы тебя одну отпустим?

– То есть? – Эльдин приоткрыла рот в изумлении. – Почему – нет?

– Ну... ты же все-таки девушка, мало ли. Эльдии расхоталась, несмотря на серьезность момента:

– Ой, неужели в последнее время призраки разбоем занялись или в Пустоте маньяк-насильник завелся?

– Насчет эротического спиритизма я, по правде говоря, тоже не очень уверен, – усмехнулся Кхаммул-маг, – но тварей разных в Пустоте может быть немало, и вряд ли их рацион ограничен живностью, если вообще ее включает, а вот энергии любого рода, предполагаю, в нем присутствуют...

На ехидной физиономии Эльдин появилось умиленное выражение: ну, право, зачем!..

– В конце концов, сударыня, нам и самим небезынтересно узнать поточнее, что произошло с Аллором.

– Ладно, раз так, давайте попытаемся вернуться.

– Интересно, а здесь время по-другому течет? – задумчиво протянул один из кольценосцев. – А то доберемся, а там – вообще ничего.

– Оптимизма у тебя на десять хоббитов хватит, – улыбнулся Аргор. – Добраться бы до Мандоса – а там увидим.

– А между прочим, смертным возвращаться нельзя по определению.

– На Арду, – отметила Эльдин. – А я готова и в Мандосе сидеть, если он там.

– А Верен и Лютиэнь даже в Средиземье ушли – и дожили себе. По слухам, неплохо.

– Знаете, даже если у нас и не будет другого места и време-

ни для рассуждений о сути мироздания, то все равно сейчас – тоже не самый подходящий момент: надо идти, – заявила Эльдин и решительно скользнула в клубящийся сумрак не-света.

– За нами, только все вместе, держитесь друг за друга, – скомандовал Аргор, беря Эльдин за руку. Остальные последовали за ними.

Эльдин не могла определить, сколько длился их путь. Интересно, равное ли время берет дорога ТУДА? Впрочем, проверять ей не хотелось. Казалось, они шли бесконечно. Шли? Трудно сказать! Летели, падали, ползли – всего понемногу, и даже этими словами трудно описать это скольжение или планирование, подобное планированию птиц в воздушных потоках. Некоторые отбрасывали от цели, иные – приближали. Иногда казалось, что Пустота смотрит тысячами голодных цепких глаз, стремясь поглотить, – может, и прав был Кхаммул насчет тварей-душеедов. В конце концов, про Унголиант все слышали. Пожалуй, идти вместе с кольценодцами действительно было как-то спокойнее. Кхаммул даже умудрился заклисть по дороге какое-то серо-зеленое невесть откуда высунувшееся щупальце, и оно, застыв, раскололось с глухим звуком, подобным звону треснувшего колокольчика. Через какое-то время стало возможным ориентироваться по потоку встречных призраков – сначала отдельные персонажи, потом – целые группы. Вскоре уже можно было проследить, откуда берет начало их движение. Оставалось еще раз

сосредоточить помыслы и волю – и они у цели: слепящая не-светом туманность не то чтобы рассеялась, но возникло ощущение чего-то более плотного, и можно было проследить, из какой точки появляются новые кандидаты в звездные странники.

Соппротивление становилось все сильнее, но отступить никто не собирался. Встречные с удивлением косились на странную компанию, упорно продвигавшуюся против течения, а многие откровенно шарахались – назгулов помнили.

Вот и вход, если так можно было назвать некую грань, за которой вещество уплотнялось, напоминая стену, а в ней – нечто вроде коридора, в конце которого была тьма. Они попытались продвинуться внутрь – не вышло. Упругая масса отталкивала.

– Ну вот и пришли – по-моему, нас не ждут.

– Может, попытаться как-то пробить это? – нахмурился

Аргор.

– Это тебе не Гондор.

– А попытаться?

– Попытка – не пытка, э?

– Может, как-то дозваться попробовать? – неуверенно проговорила Эльдин.

– Как же, дозовешься тут...

* * *

Совместный магический силовой удар особого успеха не принес – что-то заколебалось, будто кинули камень в омут, – легкая рябь – и все. Разве что тени испуганно посторонились.

– Между прочим, я слышал, что чертоги Мандоса расширяются по мере надобности, – задумчиво проговорил Аргор.

– Ну и что? Стены отодвигаются, вот и все.

– Да, но если...

– Если не пускать – попытаться хотя бы не выпустить выходящую из чертогов публику, то, может быть, возникнет критическая масса, ощутимая с той стороны... – Кхаммул замолчал, что-то прикидывая.

– А у нас получится? – Эльдин скользнула по спутникам оценивающим взглядом.

* * *

Покидающие залы Мандоса натыкались на цепь зловещих черных фигур, и присутствие среди них изящной миловидной девушки картины не меняло, ибо вид у нее был весьма решительный и ничего хорошего пытающемуся прорвать заслон не сулящий. Так и скапливались на выходе намеревав-

шиеся было покинуть пределы Арды младшие дети Илуватара – кто-то пытался возмущаться, но безрезультатно: никто из вновь прибывших, в отличие от нарушителей порядка, магией не владел. А прибывало много – увы, война еще не кончилась.

– Вот набьются до самого чертога, и придется кому-то в Валиноре отреагировать, – заухмылялись кольценосцы.

– Очень на это надеюсь, – усмехнулась девушка.

* * *

Тирзэ почувствовал странное напряжение, исходящее от выхода из Залов: что-то сгущалось, уплотнялось; казалось, воздух начинает вибрировать, какой-то ропот повис в окружающем начало Пути пространстве. Ему стало любопытно и даже как-то боязно. Позвать бы Намо, но Намо был на Круге, где решался в это время вопрос о дальнейшем существовании Аллора в Валиноре. «Проверить, что ли, самому, может, зря это я? Может, ничего из ряда вон выходящего не происходит?»

Чем ближе он был к выходу, тем сильнее становилось ощущение чего-то чуждого, по крайней мере необычного. Множество теней столпилось у Грани, как будто что-то мешало им двигаться дальше. Сам он переходил ее тогда – лишь до Порога. Дальше – не вышло, не смог. Вытолкнуло, развернуло, только почудилось за мгливой дымкой что-то

темно-прозрачное, как торфяное озеро, блеснули россыпи далеких огней – и все, и – назад, в Залы...

Тирзэ подошел ближе: что-то творилось там, снаружи, вне чертогов. Сосредоточившись, постарался разглядеть сквозь туман – увиденное превосходило самые абсурдные фантазии: восемь черных фигур, словно сотканных из тьмы, загродили выход, и в этом ряду – девятая, еле достающая им до плеча, такая знакомая – он ее видел и давно, и совсем недавно. Где? А, конечно... легкий росчерк пера и – огромная клякса... Неожиданно жесткая хватка хрупких на вид пальцев: «Рассказывай!»

Она... Совсем юная, а выглядит – еще младше, похожая на мальчишку-подростка, правда, между бровей – тонкая вертикальная морщинка и чуть заметные невеселые складки в углах губ.

«Ну и явление, – подумал Тирзэ. – Как же быть? Все-таки надо послать за Намо: это нечто из ряда вон выходящее. И кто – Аллорovy побратимы и... – Он вспомнил имя: – Эльдин – как и откуда она умудрилась вернуться сюда?»

Окликнул, выходя из Зала Людей, идущего мимо призрачного эльфа:

– Маглор, скажи, пожалуйста, Тиррину, чтобы позвал Намо, если тот уже освободился, – необходима его помощь.

Эльф кивнул и скрылся, скользнув сквозь анфиладу комнат.

Тирзэ знал о другом помощнике Намо, хотя они не виде-

лись – зачем отягощать кого-то лишним знанием, могущим повредить и ему, и окружающим. Зачисленный в отступники майа с момента «пробуждения» находился на нелегальном положении, и чем меньше о нем знали, тем лучше.

Тиррин застал Намо в Маханаксар, когда совет, по существу, закончился и Манвэ подал знак расходиться. Намо внимательно глянул на помощника – от кого шло сообщение, ясно. Взглянул еще раз – похоже, его майа о многом догадывался, но молчал. Что он вложил в него, создавая после суда над Тирзэ? Наверное, очень много своего страха и горя, вылившихся в том числе в осторожность и «нелюбопытство»: меньше знаешь – дольше живешь. Впрочем, Тиррин явно не был трусом – просто не хотел лишних неприятностей ни для себя, ни для других.

Владыка Судеб спешил в свои чертоги. Ниэнна шагала рядом, еле поспевая за ним. Намо чувствовал, как насторожился Манвэ, и это усилило подозрения: происходило что-то не то, противное всем законам, – на эти вещи у Короля был нюх, он редко ошибался.

Аллор шел чуть позади, уважая принцип субординации; на его лице трудно было что-либо прочесть. Намо почему-то был уверен, что происходящее сейчас каким-то образом касается нуменорца, – еще в первый раз, когда он обнаружил бывшего назгула у себя в Залах, кольнуло какое-то предчувствие. Вот и начинается – в том, что нечто только начинается, Намо был уверен.

Очутившись в прохладном полумраке Залов, Намо отпустил Тиррина, и они двинулись к Залам Людей – Повелитель Мертвых чувствовал малейшие изменения или сбои в любой точке своих чертогов.

Сейчас, впрочем, напряжение у выхода было особого рода. Намо вспомнил упорные попытки Аллора прорваться, тряхнувшие стены Мандоса, – сейчас было не так. Казалось, воздух дрожал и вибрировал, и что-то творилось снаружи. Глянув на толпящиеся тени, Намо пошел вперед – к двери в Пустоту, знаком попросив Ниэгшу и Аллора подождать. Рядом бесшумно возник Тирзэ.

– Что там происходит? Почему они все столпились? Ты что-то выяснил?

– Их просто не пускают.

– Что? Как это – не пускают? Кто? Тирзэ смущенно опустил глаза:

– Насколько я понял и увидел, это коллеги Аллора, а с ними – помнишь ее? – Эльдин, ну та девушка, которая около трех тысяч лет назад все пыталась остаться? Ты еще утешал ее.

– Да ты что? Она умудрилась там где-то зацепиться? И что она делает в компании назгулов?

– Сам и расспроси – думаю, это лишь тебе под силу.

– Посмотрим.

Намо, сосредоточившись, попробовал выглянуть наружу – в окружающую Пустоту. Собственно, со дня сотворения

Арды он не пытался высовываться – как-то не тянуло. Потом, увлеченный рассказами Мелькора о Тьме, находящейся за Пустотой, собрался выйти – Пустота оглушила и ослепила, все это сопровождалось неизвестно откуда взявшейся головной болью, – Намо решил не испытывать судьбу и... терпение Творца. А что делать теперь? – он разглядел черных призраков, наглухо загородивших путь всем уходящим, и девчонку с ними – действительно, ту самую.

Намо шагнул за черту. Призраки сторонились его пути, и только нарушители спокойствия остались неподвижны.

– Что вам здесь нужно? Молчание в ответ.

– Вы знаете, кто я?

– Да. Ты – Намо, Владыка Судеб.

– В таком случае потрудитесь объяснить, что вы тут делаете и почему не даете людям спокойно уйти?

– Мы бы зашли внутрь и никому не мешали, но вот что-то не получается. Прикажешь ждать под дверью?

– Как вы вообще умудрились сюда попасть?

– Как-то вот вышло – наверное, очень захотели.

– А сейчас чего хотите? – Намо начал забавлять этот разговор.

– Владыке угодно продолжать разговор, стоя на пороге? – поинтересовалась девушка.

– Я бы пригласил войти, да вот получится ли?

– Мы тихонько, никто и не заметит. – Девчонка скроила жалобную физиономию, вызвавшую у Намо невольную

улыбку.

– И сразу же уйдем, – добавил призрак в стальной короне.

Намо задумался. Поди отдели, кто – за дверью, кто – до, а кто стоит на Пороге. Вполне можно впустить. Впрочем, за это по головке не погладят... «Опять боюсь, как бы чего не вышло». А что делать со смутным предвидением, не отпускаящим его с тех пор? Может быть, судьба Арды зависит от его решения: оставить все как есть или отважиться на что-то новое, неизведанное, что-то поменять? Дважды он уже проголосовал за стабильность и внешний покой – так или иначе, побоялся высказаться – ну и что, легче стало? Или Равновесие в том, что кому-то не удалось уйти, а теперь кому-то удастся вернуться?

Надо попробовать. Он подошел к ним вплотную, протянул руку девушке:

– Пойдем. Я попробую вас впустить.

Он буквально втянул их внутрь – словно какая-то струна натянулась в Пустоте и лопнула – или это ему показалось? «Исключения подтверждают правило», – успокоил себя Владыка Судеб.

Поток теней беспрепятственно наконец устремился к выходу, вереницей пронесшись перед глазами, и вскоре поредел. Намо и незваные посетители были в чертогах, и он еще раз с интересом оглядел гостей:

– Ну что, побеседуем? Вы – улайар, а вы... в свое время не представились – вы были здесь очень давно. Что бы вы

хотели узнать? Так просто с Путей вернуться не пытаются.

– Ты прав, Владыка Судеб, мы здесь не просто так, – заговорил призрак в стальной короне, – хотя мы в большей степени провожаем эту юную даму, – но заодно хотелось бы и впрямь выяснить некоторые вещи, а точнее: что стало с нашим побратимом – Аллором.

– Я позвал всех сюда – верно, наставник? – сказал подошедший бесшумно Тирзэ.

«Да... верно. Лихо это ты», – сказал Намо про себя.

Тирзэ вскоре вернулся с Ниэнной и Аллором.

Эльдин невольно отступила на шаг, спрятавшись за спины попутчиков, – внезапно она почувствовала какую-то робость, даже слабость – как будто все силы ушли на то, чтобы дойти, досуществовать до этого момента, – что делать дальше, она вдруг перестала представлять. Он мог измениться. Неуловимо, даже незначительно – и это было бы естественно, но вдруг пропадет та непостижимая связь, возникшая некогда между ними... Эльдин могла сколько угодно ждать, могла представлять себе их встречу, но реальность никогда в точности не соответствует ожиданиям – девушка растерялась.

Зато не растерялись бывшие кольценосцы: они столпились вокруг Аллора, с каким-то даже веселым интересом рассматривая бывшего коллегу.

– Ну прямо дивный эльф!

– Неплохо вышло, тебе идет.

– Теперь, не иначе, совсем «высшие из высших», а?

– А в фиолетовом ты неплохо смотришься.

Впрочем, насмешники были вполне доброжелательны – видно было, что по большому счету они рады видеть собрата-отступника. Несмотря ни на что, Аллору бывало не по себе при мысли, что побратимы, с которыми было немало пройдено вместе, имеют совершенно иное мнение по поводу того, как следовало поступить с Кольцом.

Словно почувствовав это, Аргор сгреб его за плечи, глядя прямо в глаза. Аллор выдержал взгляд: «Ну говори все, что думаешь!»

– Знаешь, я не успел тебе сказать тогда – когда уходили: спасибо – за то, что похоронил достойно.

Остальные назгулы притихли, прислушиваясь. Намо и Ниэнна подошли поближе.

– А насчет Кольца – не знаю, как это тебе в голову пришло, но... все было правильно – для нас, по крайней мере, хотя ни один из нас о таком и не помыслил бы. Я первый попытался бы остановить тебя, но если бы оно не было уничтожено через десять дней после Пеленнор-ской битвы... я бы остался ТАМ – и меня бы не было... Это страшно, Аллор, а меня никто никогда не мог упрекнуть ни в трусости, ни в слабости. Как ты выдержал там столько – ума не приложу, может, и впрямь – кровь майар? Во всяком случае, хорошо, что ты помог им это сделать – так или иначе. Ведь ты не мог его выбросить сам?

– Куда мне...

– Кто тебя теперь знает – с тебя бы случилось.

– Так вот оно в чем дело, а я-то думал, ты на коне скакать совсем разучился, когда мы стременами у Бруинена сцепились! – воскликнул один из назгулов. – Ловко ты это, только вот коней жаль – сволочь ты все-таки нуменорская, как Властелин говорил.

– Конечно, у тебя были основания мстить, а тут уж мало о чем думаешь, – задумчиво проговорил Кхаммул.

– Я не мстил: просто рассчитал, что нужно сделать, чтобы уйти, – остальное не суть важно. Вот только одна ошибка в расчеты вкралась... Так что я теперь здесь – чуть ли не светлый майа... – Аллор нахмурился, тонкая вертикальная складка обозначилась между бровями. – А вы-то почему вернулись? Как вам это удалось – и зачем?

– Ну... допустим, на тебя, дивного, взглянуть, что и как – все-таки сколько лет в одной команде были, да еще вот одну милую девушку проводить – очень интересовалась...

Лицо Аллора словно застыло; казалось, на нем жили одни глаза: надежда и страх мешались в них, сжавшись в точках зрачков.

Аргор обернулся, пытаясь отыскать недавнюю попутчицу, майа посмотрел в направлении его взгляда – в какой-то момент все вокруг исчезло для зрения, превратилось в клубящуюся мглу, – и только в образованной ею воронке был явно виден образ, запомнившийся на многие столетия.

Она сделала шаг навстречу. Аргор отступил в сторону. Еще шаг. Глаза без радости – только надежда и страх...

Провела рукой по волосам.

– Ты?!.. – Ломким, беспомощным жестом приподняла согнутые в локтях руки.

Он, словно вновь был призраком, неуловимо скользнул к ней, замер в полушаге напротив:

– Эльди...

Она протянула ему руку, и он бережно взял ее в свои ладони – словно чашу с дорогим вином. Поднес к губам тонкие, полупрозрачные пальцы.

Со стороны это выглядело странно: болезненно красивый майа и призрачная, легкая тень, еле достающая ему до плеча...

«...Три тысячи лет без сна...»

«...Три тысячи лет без забвения...»

«...Звезды и ветер...»

«...Огонь и лед...»

«...Я ждала...»

«...Я помнил...»

«...Я таким тебя и видела – но все же – как ты красив...»

«...Я такой тебя и запомнил – но ты еще прекраснее...»

«...Я знаю, где ты был – это из-за меня, прости...»

«...Я не сумел защитить тебя, прости...»

Аллор медленно опустился на колени, не выпуская ее руки, не отрывая взгляда, – Эльдин робко коснулась его лица

– как дуновение ветра.

– Вот я и вернулась, говорила же, что встретимся. Правда, наверное, ненадолго – мне не удержаться – как тогда...

Аллор вздрогнул, полыхнули ледяным огнем глаза:

– Нет! Я не дам тебе уйти еще раз – я что-нибудь придумаю... только, если ты сама этого хочешь... теперь... звездные Пути... – Он впервые за это время отвел взгляд.

– Да как ты мог?!.. – Эльдин осеклась, ее пальцы выскользнули из рук майа, она прижала их к вискам, вцепившись в волосы. Глаза светились, подобно светлячкам. – Зачем я вообще возвращалась? Я... готова хоть навсегда призраком здесь остаться, лишь бы с тобой быть... Или тебе это не нужно уже? Ты же – майа... – горько-иронично протянула она.

Лицо Аллора дернулось, как будто от удара.

– Ты что... – прошептал он.

Эльдин резко наклонилась к нему, коснулась плеча:

– Прости, я не хотела, я... просто нервничаю, ты не думал меня обидеть...

– Обидеть... Быть живым, когда ты – привидение?

– Хотя бы так – ты ведь не бросишь меня – здесь? Если только удастся остаться... Но ведь тебе-то жить надо...

– Если бы я мог вырваться... А жить... подумаешь...

– Неважно. Я уже здесь. И отрекаюсь от Дара – если у тебя его отобрали, то и мне он не нужен. Но, боюсь, моего отречения недостаточно...

– Я не отпущу тебя. – Аллор явно что-то задумал. – В конце концов, майар могут восстанавливать свою собственную плоть – неужели я не смогу создать нечто, могущее послужить домом для твоей души?

– Надеюсь, ты справишься с этим лучше Гортхауэра – а то весь Мандос распугаю, – улыбнулась наконец Эльдин.

Аллор невольно рассмеялся, представив Багровое Око, вещающее нежным девичьим голоском.

Они глядели друг на друга и смеялись, как когда-то, – будто и не было тысяч лет боли и ожидания.

Отсмеявшись, Аллор нахмурился:

– Я постараюсь. Мы должны соприкоснуться, слиться сознанием, я попробую сплести цепь заклятий. А ты смотри, все ли так. – И добавил: – Для меня, конечно, одежда не помеха, фигуру я все равно вижу, но...

Эльдин улыбнулась:

– Если ноги будут подлиннее, а талия – потоньше, я не обижусь. – Она нервно засмеялась.

Рядом с ними возник Кхаммул:

– Аллор, тебе помочь? Я знаю заклятия образа, я помогал Владыке восстанавливать наши тела. Если к этому прибавить твою жизненную силу и способность к восстановлению... Ты не можешь творить душу – но она-то как раз имеется...

Остальные побратимы сомкнули круг. Аллор взял Эльдин за руки и погрузился в транс.

«Бери, сколько сможешь – хоть всё; в крайнем случае, воз-

рожусь по новой, а ее надо закрепить, иначе все напрасно», – мысленно обратился он к магу.

Намо, Ниэнна и Тирзэ стояли в каком-то странном оценении: события разворачивались с непостижимой быстротой. Обрывки слов и мыслей долетали до них, хотя они и не стремились их ловить, а вмешиваться... Как-то не хотелось – боязно было коснуться не вовремя чего-то неизмеримо хрупкого, иного – из иного мира, другого рода. Расы. Они были людьми – призраки и бессмертный по своей физической сути майа. Помочь? А не оскорбит это? Вдруг стало неясно: когда вмешаться и как? «Вдруг я опять просто трушу, боясь нарушить правила или боясь, что поступаю пристрастно? – подумал Намо. – Сделаю исключение для них, потому что Аллор мне симпатичен? А Верен и Лютиэнь? Я же позволил ей забрать его... Правда, они потом жили уединенно в Средиземье. Но эти, похоже, готовы даже из моих Залов носа не казать, лишь бы быть вместе... Нет, ничего, противного Замыслу в большей степени, чем та история, нет – а тогда сошло. И вообще – Верен унес Сильмарилл, этот – помог разнести Мордор, Лютиэнь добралась до моих чертогов из Белерианда, Эльдин – вернулась из-за Грани... История – как система зеркал: кто знает, что, когда и как отразившись, преломится в их темно-ртутных гранях...»

Ниэнна взглянула на брата:

– Ты ведь поможешь им?

– Если попросят...

– Не попросят.

– А как же...

– Следи.

Намо увидел умоляющий взгляд Тирзэ. Они с Аллором уже успели подружиться. А он сам – Намо? Вала поймал себя на том, что если бы Аллор изъявил желание быть его майа, он был бы рад. Но это создание не может быть даже учеником и подмастерьем, не то что слугой. Подход путника, гостя в этом мире? Очень странное создание...

Намо присмотрелся к группе теней – они творили. Вала чувствовал огромное совместное усилие. Он приблизился, Ниэнна и Тирзэ – за ним.

Внезапно Намо ощутил отчаяние и напряжение. Уловил мысль Кхаммула: «Не хватает на воплощение». – «Разве у меня – не хватает?» – «У Владыки не хватило сил на нормальное воплощение, а ты не сильнее его». – «Бери все!» – «Погибнешь!» – «Воскресну, никуда не денусь!» – «А кто ее держать будет?» – «Что же делать?!...»

Такого отчаяния в мыслях Аллора Намо не ощущал даже тогда, когда майа понял безнадежность попыток уйти... Вала сделал шаг, положил руки ему на плечи: «Я здесь. Довершайте». Мощный прилив силы ощутили все. Еще одно усилие – образ закрепился, и худенькая девушка, выглядящая совсем подростком, оказалась в объятиях Аллора, укрывшего ее в складках плаща.

Девять черных силуэтов стояли в чертогах Мандоса, и ру-

ки Владыки Судеб все еще лежали на плечах майа. Аллор подхватил на руки валяющуюся с ног Эльдин – он хорошо помнил, что произошло с ним при воплощении, к тому же их сознание было сейчас все еще слитым. Он ощутил ураган ощущений, смявший его возлюбленную. Попытался смягчить удар – накрыло и его – все силы ушли на борьбу с Пустотой, и здесь пытающейся разлучить их, – хорошо, что стоящий за спиной Владыка Судеб поддержал, не дал рухнуть вместе с драгоценной ношей. Аллор повернулся к Намо, поблагодарил – глазами, не было сил даже открыть рот...

Восемь стояли неподвижно. Впрочем, стало заметно, каких усилий стоит им удержаться здесь – их начинало сносить обратно.

Аллор осторожно передал полубесчувственную Эльдин на руки подошедшему Тирзэ, тот бережно поправил на ней черный плащ – лицо и клякса – они врезались в память. Ему показалось даже, что воплощение не состоялось, – таким легким было ее тело...

Майа подошел к побратимам:

– Спасибо. А... вы?

– Мы уходим – больше нам здесь делать нечего.

– Наконец-то спокойно посмотрим, что там происходит.

Это тебе тут оставаться.

– И ты – останешься жить за всех нас – последний – девятый, – молвил Аргор.

– Я не забуду вас... друзья. Я не забуду ничего. Память

уничтожат только вместе со мной – а это теперь не так просто сделать.

– Знаешь, мы хотели бы передать тебе наши дары – так мы хоть немного останемся с тобой – и с Ардой... если ты согласен нести это. Если хочешь. Может, и пригодится когда-то.

– Мне? Да кто я, чтобы... – Аллор неожиданно смутился, он был сейчас не похож ни на надменного потомка майар, элдар и людей, ни на много повидавшего и пережившего человека.

– Ты – это ты. Последний назгул, нуменорец Аллор. – Аргор положил руку ему на плечо. – Ты один из нас – из Братства Кольца; что бы ни было, это неизменно. И мы хотим, чтобы дары не пропали, но были с тобой.

– Спасибо, конечно, – растерянно пробормотал Аллор. – Но... что я мог бы сделать для вас...

– Ты уже сделал – ты вернул нам тот самый Дар, и никто больше над нами не властен. Удивительно: в свое время Крылатый смог дать его эльфам, теперь ты – вернул людям...

Они подходили к нему по очереди, соприкасаясь мыслями. Девятый чувствовал, как иные знания и сущности наполняют его, и боялся лишь не выдержать этого потока...

Но вот и все. Вновь подошли они к выходу, за которым перекачивалась спящая мгла. Аллор стоял, чуть ссутулившись: знания, приобретенные и усвоенные столь внезапно, легли нелегкой ношей.

Аргор обернулся – в последний раз:

– И еще: ты – не только последний из девятки. Ты – последний нуменорец. Больше никто из живущих ныне на Арде его не видел. Помни о нем. И пусть никто не посмеет сказать дурное о нашей родине без причины – ты единственный, кто может защитить хотя бы память. Прощай... земляк...

Они подняли руки, приветствуя остающихся, и скользнули в неведомое, в неожиданность и непредсказуемость Вечного Пути... Странники.

Глава 4

Намо обернулся, почувствовав за спиной чье-то присутствие, и остолбенел. Схожая реакция была у остальных – на пороге последнего зала стоял Эонвэ.

«Что ему здесь понадобилось? Манвэ почувял, наверное, что происходит нечто из ряда вой выходящее. Прямо как паук: чуть паутинка качнется – сразу туда», – с неприязнью подумал Владыка Судеб. После событий, которыми закончилась Первая эпоха, отношения Манвэ и Намо были весьма прохладными и не выходили за рамки подчеркнутой вежливости.

Вот и сейчас Намо приветствовал глашатая Короля Арды в соответствии с этикетом. Ниэнна, Эльдин и Аллор последовали его примеру, а Тирзэ ускользнул в неизвестном направлении.

«Вот и умница, – подумал Намо. – Авось пронесет. Может, Тирзэ раньше заметил Эонвэ, чем тот успел увидеть его...»

Эонвэ успел заметить Тирзэ, но разбирательства с мятежными майар в данный момент не входили в сферу его задания... – Приветствую вас, – сказал Эонвэ. – А вы, простите, кто? – повернулся к вновь прибывшей.

– Эльдин, – сказала девушка, изящно поклонившись.

– Очень приятно. А откуда вы – здесь?

– Оттуда – из-за Порога. Я вернулась к Аллору. – Из-за Порога? Вы – смертная? – Была...

Намо и Ниэнна выжидательно уставились на Эонвэ. Впрочем, лицо герольда было непроницаемо. Он светски улыбнулся:

– Ну что же, добро пожаловать в Валинор. Вне сомнения, вам должна понравиться жизнь в Благословенной земле. Владыка Амана послал меня передать Аллору (и, видимо, вам, Эльдин), что рад будет видеть вас у себя в чертогах на Таникветиль. И Намо. И Ниэнну.

Ниэнна покачала головой:

– Да простит меня Владыка, сегодня не могу: уже приглашена к Ирмо. Благодарю за честь.

– Так и передам, – слегка поклонился Эонвэ и направился прочь.

– Такие приглашения не отклоняют, – сказал Намо. – Надо же, аж герольда в Залы прислал – он так это не оставит.

– Естественно, – Аллор чуть прикрыл глаза и усмехнулся.

– Почему такая честь? – с легким оттенком настороженности в голосе спросила Эльдин, кутаясь в плащ Аллора.

Владыка Судеб нахмурился:

– Похоже, дело в тебе, Эльдин. Из-за Порога не возвращался еще никто. По крайней мере, мне ничего об этом не известно. А все, что не соответствует обычному, подозрительно. Ты многое видела там? Помнишь что-то?

– Разве это можно забыть? Звезды... – Эльдин мечтатель-

но улыбнулась.

Аллор посмотрел на нее с нежностью и скрытой тревогой.

Намо с удивлением поймал его взгляд – трудно было представить такое выражение на надменно-насмешливом лице нуменорца.

– Если я правильно понял, то, что происходит за Порогом, за Пустотой, окружающей Арду, видел – или говорил, что видел, – майа улыбнулся углом рта, – только Мелькор... Может, еще кто-то, но это не доказано. Следовательно...

– Следовательно, надо говорить очень осторожно. И не лезть на рожон. – Намо выразительно посмотрел на них.

– Похоже, людям не дано возвращаться, чтобы они не рассказывали о Пути? – Эльдин прищурилась. – В таком случае я явно нежелательная персона здесь... Ну вот, еще опять какие-нибудь неприятности тебе устрою. – Она глянула на Аллора, зябко поправив спадающий плащ.

– Даже с твоим богатым воображением ты не сможешь представить себе, насколько мало меня это волнует. Впрочем, полагаю, твое замечание носит чисто риторический характер...

– Учтите, мысли Манвэ читает с легкостью, даже специально не сосредотачиваясь на этом. Правда, в твои мысли залезть, Аллор, все равно что в Садах Лориэна заблудиться – если говорить возвышенно. А вот ты, Эльдин...

– Мы можем слиться мыслями, и трудно будет отличить реальность от фантазий. По-моему, для нас это не составит

труда, правда, Аллор?

– Умница, – усмехнулся он в ответ. – Такой вариант возможен, правда, Намо?

Вала неопределенно пожал плечами:

– У вас интересный стиль – не закрываясь, путать мысли настолько, что даже если и впрямь что-то скрываете – все равно не поймешь. Возможно, это поможет. Блок Манвэ вскрыет легче, чем опытный взломщик – замок роханской работы. А если скрывать вроде нечего... В крайнем случае я ведь буду рядом.

– Хорошо, стратегическая часть плана разработана с надеждой на успех; может, перейдем к материальному обеспечению? – ухмыльнулась Эльдин.

– Я полагаю, речь идет о вечернем туалете? – томно протянул Аллор.

– Ты не перестаешь восхищать меня своей сообразительностью, – раскланялась Эльдин. – Итак, следующий пункт – визит к портнихе?

– К ювелиру и сапожнику, – добавил Аллор, – преромантически, прямо словно добропорядочные обыватели. Впрочем, дорогая (это слово прозвучало весьма ехидно), – я еще не успел разузнать, где находится самый модный в Валмаре салон: недостаточно повращался в Свете...

– Думаю, что могу вам помочь. Точнее, даже не я, а Вайрэ. Она задумывает костюмы для большинства в Валиноре. Пойдем к ней – она что-нибудь придумает.

– Смею предполагать, что это «что-нибудь» будет достойно самого роскошного выхода, – с ироничной галантностью поклонился тот, кого называли «арбитром изящества».

* * *

Добравшись до покоев Вайрэ, они застали ее за работой – очередной ковер-запечатление. Вайрэ могла видеть только то, что уже произошло, но это видела замечательно.

На станке висел наполовину сотканный гобелен – уже можно было угадать залы Мандоса и черные фигуры в правой части.

Вайрэ подняла на вошедших кажущиеся близорукими глаза.

– Здравствуй, милый, приветствую вас, Аллор и... Эльдин, если не ошибаюсь? Присаживайтесь, я сейчас сделаю перерыв. Кстати, потом можете остаться, поправите меня заодно, если что-то нечетко разглядела, или дополните. Могу вам вообще его подарить, когда закончу, – вы где жить-то будете? – Вайрэ заговорила об их совместной жизни как о чем-то решенном и само собой разумеющемся, как-то по-человечески деловито. Аллор и Эльдин со смущенной ухмылкой переглянулись.

– Еще как-то не задумывались.

– Но прежде им предстоит высокий прием – во всех отношениях – как по расположению, так и по составу: их при-

гласил на вечер Манвэ. И меня. – Намо посмотрел на Вайрэ. – Так что давай подумаем, во что нарядится юная леди для первого выхода в свет.

– Юная, – совсем как девчонка насупилась Эльдин. – Мне уже восемнадцать исполнилось.

– Я попробую что-нибудь подобрать, – улыбнулась Вайрэ. – Аллор, присоединишься – как ценитель прекрасного?

– Эльди, ты не возражаешь?

– Конечно нет – без твоих замечаний я помру от скуки во время примерки.

– Думаю, скучно тебе не будет, – заулыбались супруги-Валлар.

Они прошли в соседнюю комнату, и Вайрэ открыла шкаф с множеством нарядов:

– Это мой гардероб. Тебе, конечно, все будет великовато – Ткачиха Судеб была высока ростом, – но это более чем поправимо.

Эльдин перебрала с десятков нарядов и остановилась наконец на почти прямом, чуть приталенном пурпурно-фиолетовом бархатистом платье, с мягко спадающими расширяющимися книзу рукавами и прямым вырезом. По вороту и краям рукавов вилась изысканная вышивка.

– Надень, – сказала Вайрэ – выбор девушки ей явно пришелся по вкусу.

Платье было велико, но видно было, что Эльдин выбрала хорошо – пурпурный оттенок великолепно сочетался с брон-

зовым отливом волос и зеленью глаз, а свободно лежащие складки подчеркивали воздушную хрупкость фигуры. Вайрэ коснулась наряда, и одеяние уменьшилось. Девушка покосилась на Аллора, тот изящно заслонил ладонью глаза от якобы нестерпимого света, излучаемого красотой его возлюбленной.

Эльдин взглянула на свое отражение в зеркале – увиденное, судя по всему, ей понравилось.

Подобрать аксессуары было делом нескольких минут, и на волосы Эльдин легла диадема с аметистами, на шею – аметистовое же кольцо. Наряд дополнил тонкий пояс, скрепленный пряжкой с камнем, меняющим цвет от фиолетового до бирюзового.

Кольца новая обительница Валинора надевать не стала:

– Потом – может быть.

– У вас теперь прямо кольцобоязнь! – рассмеялся было Намо.

– Просто некоторые вещи действительно неприятно вспоминать, – проговорил Аллор.

– Начнете с обручальных, а там привыкнете, – улыбнулась Вайрэ.

– У-у! – протянули потомки праведных дунаданов, возведя глаза к потолку. – Это очень уж солидно. Где нам...

Примерка подошла к концу, Эльдин еще раз внимательно оглядела себя с ног до головы в большом зеркале. Повернулась на каблуках к Аллору: ну как?

– Как обычно, – нарочито безразлично процедил тот, – ослепительно. Пояс чуть свободней сделай – на мой взгляд. Она попробовала, оценивающе глянула на себя еще раз: – Прав ты, светоч культуры...

* * *

Дорога на Таникветиль была длинна, но подъем преодолен был легко – широкая мраморная лестница, казалось, уходящая в небо, словно приглашала пройти по ней.

Музыка ветра мешалась с доносившимся откуда-то из чертогов пением ваниар...

* * *

Манвэ прошествовал в свой кабинет, знаком велел Эонвэ следовать за собой. Мановением руки закрыв дверь, Владыка Арды расположился в удобном кресле, напоминающем трон, и пристально посмотрел на своего герольда холодными, немигающими глазами. Его красивое тонкое лицо не выражало никаких чувств, но Эонвэ, за долгие годы службы привыкший улавливать малейшие оттенки настроения своего Валы, чувствовал, что тот гневается. Нехорошие предчувствия зашевелились в душе майя, но виду он не подал: непозволительно давать волю эмоциям в присутствии высо-

чайших особ. Манвэ почти никогда не выходил в общении за рамки официальной вежливости, и его подчиненному это тем более не подобало.

– Итак, рассказывай. – Манвэ откинулся на спинку кресла.

– Что рассказать, Владыка? – Лицо Эонвэ было почти-тительно-непроницаемым.

– Тебе подсказать? Хорошо. Меня интересует, что взволновало тебя на сегодняшнем заседании Круга. – Голос Короля Мира был спокоен и ровен, и личина – ему под стать.

– Меня ничего не волновало. Почему ты думаешь так, о Владыка? – почтительно склонился майа, глядя в глаза повелителю.

– Вопросы сейчас задаю я. Итак, что подвигло тебя на то, чтобы подавать вызванному на Круг существу знаки из-за моей спины?

«Ну вот... я же не хотел ничего дурного...» – подумал Эонвэ.

– Если бы ты пожелал дурного, я бы с тобой вообще не разговаривал, – ответил Манвэ на мысль. Как правило, он не считал нужным контролировать и проверять сознание своего глашатая, известного преданностью делу Света вообще и ему, Манвэ Сулимо, в частности. Но что-то происходило с его майа, нечто непривычное, чуждое словно проснулось в нем – это настораживало.

– Так я слушаю: о чем ты хотел предупредить или от чего предостеречь Аллора?

– Я... мне показалось, что он дерзок, но... он, наверное, не нарочно, просто не знает, как подобает вести себя перед лицом Валар...

– Он, похоже, прекрасно знает, как подобает вести себя в присутствии высших, в отличие от тебя, – ты что, считаешь, что жестикулировать и подсказывать глазами за спиной у своего Валы – это подобающее поведение?

– Но я... – «это же было незаметно...»

– Незаметно? Не наивно ли с твоей стороны полагать, во-первых, что я не замечу – и оборачиваться для этого мне во-все не обязательно, а во-вторых – что этого не видели присутствующие достославные Валар. Нетрудно догадаться, что они подумают и уже подумали.

Эонвэ опустил голову. Манвэ продолжал почти вкрадчиво:

– Ну? Поясни, мне интересно. Значит, ты счел, что ему угрожает опасность? Почему? Он мог сказать что-то лишнее? Любопытно – тем более что от меня практически невозможно ничего скрыть. Вы успели побеседовать?

– Нет, как можно? Я просто передал приказ явиться – и все...

В голосе Эонвэ было смущение и – в глубине – страх, но раскаяния не было...

– Сдается мне, что это не так. Значит, было что-то, что могло, как ты предположил, вызвать мой гнев. Ты попытался защитить его – от меня?! – Манвэ чуть повысил голос. – То

есть я – взбалмошный тиран, способный вспылить ни с того ни с сего?

– Ты всегда справедлив, Владыка. – Эонвэ еще ниже опустил голову.

– Это известно всем. Мне введома воля Эру, а она является высшей истиной. Если бы я заметил крамолу в помыслах и словах, майа заслужил бы наказание, – и чем раньше было бы это выяснено, тем лучше – ибо бунт надо подавлять в зародыше. Ты хотел помешать правосудию?

«...Попросить прощения? Бухнуться в ноги, умолять о помиловании – может, отпустит? Нет...» – тоскливо подумал Эонвэ.

«Он определенно что-то скрывает, а то, что он и другим советует таиться, говорит о многом. И своим уже доверять нельзя», – раздраженно размышлял Владыка Арды.

– Хорошо же. Ты чуть не сделал меня посмешищем перед половиной Валмара (впрочем, смеяться вслух никто не решится, а по углам пусть шепчутся сколько влезет), к тому же, как выясняется по твоим наблюдениям, я – подозрительный деспот, кидающийся наказывать за малейшие жесты, слова и мысли. Ладно. Я не буду тебя разочаровывать – это вредно сказывается на душевном здоровье.

Манвэ изобразил на лице некое подобие сочувствия. Щелкнул пальцами. На звук прибежал один из майар, рангом пониже. Владыка что-то мысленно приказал, и тот вышел. Эонвэ грустно посмотрел на Валу – Манвэ мечтатель-

но вглядывался в безбрежный облачный простор, открывающийся с Таникветиль.

– Вытяни вперед руки, – ровным голосом сказал он.

– Да, Повелитель, – глухо отозвался глашатай: майа действительно ожидал от Короля чего угодно и даже не удивился. Он покорно протянул руки.

Владыка взял у вошедшего слуги пару наручников и надел на руки Эонвэ – магические браслеты замкнулись сами с глухим щелчком, неприятной дрожью отозвавшимся в теле.

– Итак, ступай в Восточное крыло – тебя проводят. И поразмысли о своем поведении и представлениях.

– Как пожелаешь, Повелитель. – Эонвэ, выпрямившись, прошел к двери. Обернувшись на пороге, взглянул на Манвэ обреченно, с какой-то почти детской обидой и растерянностью, и быстро вышел.

Его взгляд отозвался тупой иглой где-то под ключицей, и Манвэ показалось, что трудно стало дышать. Если б хоть покаялся, попытался объяснить, что так его тревожит, – он же был создан верным, преданным, послушным королевской воле... Подобие сотворившего. А вдруг проявилось в нем то, что тщательно скрывал и уничтожал в себе Повелитель Ветров на протяжении долгих эпох? Отказ от себя – до той степени, что уже неважно и неясно стало, где его желание, а где – Воля Всевышнего. Не осталось у него иной воли, иной радости... И что с того, что давно не вслушивался он в песни ветра, не радовался стихии полета – все силы ушли на про-

тивостояние. Ведь ему было открыто: нельзя терять бдительность. И вот, пожалуйста, – Эонвэ. Может, и можно было бы это спустить, но – ведь все видели. Потом вопросы возникнут: то ли не заметил – а такое мнение допускать нельзя, да и быть того не могло, это же всем понятно, но все же... то ли существует двойной стандарт и его майя позволено вести себя крамольно. А другим? Он, конечно, Король, но Валар – ровня ему (или почти ровня), и в таких мелочах выделяться не следует. Мелочь... Ощущение потери: отшвырнул. Близкое, по сути, существо. Самого себя?.. Теперешнего?..

Вдруг возникло желание броситься за майя, вернуть, сорвать кандалы, поговорить, попытаться понять... Усилием воли Манвэ подавил внезапный порыв. «Нет, пусть посидит, подумает – может, поймет, что к чему...» – «А если – нет?» – всплыла нахальная, неизвестно откуда взявшаяся мысль. Король Мира отогнал ее, как назойливую муху. «Ладно, что сделано, то сделано. Так надо».

Достал из коробки скрученный лист, набитый табаком, и закурил – это помогало расслабиться, и он давно пристрастился к зелью, не афишируя, впрочем, подобной слабости.

«А впереди еще этот прием, – мрачно подумал он. – Как все надоело... Да что это со мной, в самом деле?» – разозлился Манвэ окончательно и ожесточенно раздавил окурочок в золотой пепельнице. Пальцы чуть дрожали. Непорядок! Он быстро сосредоточился, и все пришло в норму – для любого, кто увидел бы в данный момент Повелителя Арды.

Приглашенные прошли широкими коридорами с высокими окнами, за которыми виднелось уже темнеющее небо. Колыхались прозрачные занавеси – все казалось воздушным, легким – смесь золота и лазури. Может быть, серебро подошло бы больше, но золото – металл королей...

Тронная зала была залита светом, подобным солнечному, хотя он не согревал.

Золотой престол Манвэ и серебряный с позолотой – Варды, богато инкрустированные драгоценными камнями, отбрасывали слепящие блики.

Справа от входа был накрыт стол. Манвэ с Вардой удобно расположились за ним спиной к стене и потягивали вино из чеканных кубков тонкой работы. Варда смотрела рассеянно на сверкающие троны, постукивая по столу тонкими пальцами с длинными ногтями. Ее беспокоило настроение царственного супруга – тот сидел, глядя в одну точку, положив локти на стол, что плохо вязалось с его изысканными манерами, и мелкими, но частыми глотками допивал уже третий кубок.

Впрочем, Варда-Элберет умела ждать. Когда-нибудь она все узнает – это вопрос времени, так что в ее взгляде, обращенном к супругу, ничего нельзя было прочесть, кроме привычной, чуть равнодушной любезности.

«Интересно, зачем он пригласил эту странную парочку? – размышляла Королева Валинора. – Манвэ ничего просто так не делает, видимо, что-то из них вытянуть хочет. Может, они чем-то потенциально опасны?» – Чутью Короля Мира она доверяла, зная, что по пустякам тот беспокоиться не станет.

В залу тихо вошла Вардонэль, майэ Варды: – Прибыли Намо, Эльдин и Аллор.

– Пригласи, пусть войдут, – улыбнулась ей Королева.

Манвэ с некоторым сожалением отставил в сторону кубок. Хотелось закурить, но не сейчас же... Он был взвинчен после разговора с Эонвэ, и то, как этот разговор закончился, ему не нравилось: всего, чего хотел, он явно не узнал, а кара была – он отдавал себе в этом отчет – слабостью, срывом; такого Манвэ себе не прощал. Видимо, есть нечто, что недостаточно просто отгородить – приходится вырывать, вырезать... «Ну и определения, – невольно поморщился Манвэ, – не выходит уже по-другому...» Усилием воли заставил себя сосредоточиться на гостях – «завтра с ним разберусь, ничего...».

Король Мира поднял голову, услышав шорох шагов, и увидел входящих в залу Намо и новых майар – природа девушки сомнений не вызывала.

– Рады видеть вас в наших чертогах, – улыбнулась Варда с видом радушной хозяйки. – Присаживайтесь, располагайтесь поудобнее.

– Приветствую вас, – ослепительно улыбнулся и Манвэ.

На какое-то мгновение Намо показалось, что это – болезненный оскал. Показалось... Владыка Судеб церемонно наклонил голову. Аллор и Эльдин последовали его примеру – и грациозно устроились в креслах напротив царственной четы. Намо оказался как бы во главе стола.

Манвэ внимательно наблюдал за приглашенными. Парочка держалась непринужденно, особенно Аллор – было заметно, что на званых обедах у коронованных особ он чувствует себя свободно. Девушка его тоже явно не была смущена – любопытно, она-то кто такая?

Это и спросила Варда, выбрав одну из самых располагающих улыбок:

– Прошу прощения, мы не представлены – вас, милая, я еще ни разу не видела.

– Меня зовут Эльдин, дочь Эльдана, из дун-эдайн Арнора, потомков трех племен.

– Арнор?

– Государство, основанное «верными» после падения Нуменора. Еще был основан Гондор – он и по сей день стоит.

– А Арнор? – А Арнор был уничтожен Ангмаром. Впрочем, меня уже тогда не было, я об этом потом узнала. – Она говорила о событиях так, словно они произошли позавчера. – Значит, ты ведешь свой род от «верных»? – милостиво улыбнулся Манвэ.

– Именно. Мой отец был советником Элендила и его приятелем. – Эльдин погладила ножку кубка кончиками паль-

цев.

– Ее отец даже пару раз у меня в гостях был – в Нуменоре, – усмехнулся Аллор. – Разумеется, ее тогда еще на свете не было...

Намо, сидя во главе стола, дивился, как легко эти двое превращают воспоминания в светскую болтовню. Словно сидят в гостях у приятелей. А вообще-то... Рассказать о себе вроде многое, но при этом – ничего существенного....

Манвэ вскинул бровь – Намо передернуло: видеть подобие мимики Мелькора на этом лице, зная причем, что подобное выходит у Короля бессознательно... «Они же братья», – подумал с глухой тоской Владыка Судеб.

– Значит, ты была человеком, – проговорил Манвэ. – Но как же ты очутилась здесь? В Залах?

– К Аллору вернулась.

Эльдин смотрела на Короля и Королеву ясными льди-сто-зелеными глазами, всем своим видом показывая, что речь идет о само собой разумеющемся. Намо подумал, что тактика наиболее подходящая: не чувствуешь крамолу сам – кто же обвинит? Молчать все равно не удастся. И опасно. Впрочем, Манвэ уцепился за последнее слово:

– Вернулась? Откуда, если не секрет?

– Оттуда – из-за Порога. Мы там в общем-то договорились встретиться, но раз у него не вышло... – Девушка развела руками – такая, дескать, незадача.

Тень пробежала по лицу Королевы – почти незаметная,

но Манвэ успел разглядеть ее боковым зрением. «Любопытно...» – подумал он.

– Мы же были людьми, – очаровательно-виновато улыбнулся Аллор. Намо незаметно усмехнулся: «Были...»

– Это очень интересно, – блеснула глазами Варда, – и страшно. Никто не знает, кроме Творца, что происходит за Кругом Мира – там ведь Тьма и Пустота... – В ее голосе слышался легкий нажим.

– Трудно сказать, – раздумчиво произнесла Эльдин, глядя прямо в глаза Варде, – я ведь не уходила на Пути – боялась, что не вернусь, а надо было ждать...

– И долго ты ждала?

– Три тысячи лет.

– Три тысячи лет – в Пустоте?

– Ну... там. Да. Мне было действительно пусто и одиноко. Хотя встречались интересные собеседники.

– Кто, например?

– Долго вспоминать. Много их было – за целую эпоху.

– Значит, говоришь, Пути? – Взгляд Манвэ стал внимательным. – И что там, на Путях? Каковы они?

– Не знаю, интересно, наверное...

– Интересно? – вскинул брови Манвэ.

– Ну да, я же их не видела толком. – Майэ наивно взидала на Владыку.

– Странно, – пожалала плечами Варда – Эльдин показалось, что Королева таким образом маскирует дрожь. – Там, вне

Арды и окружающей ее Пустоты, нет ничего, кроме Тьмы. Так открыл нам Единый. Возможно, это наваждение – ты ведь устала – там... – Голос Варды был неестественно спокоен.

– Да, возможно. – Эльдин внимательно посмотрела на нее. – Видения – это со многими бывает, правда?

– Бывает, – задумчиво произнесла Варда. – Стоит ли говорить о подобном – ведь это только обман чувств... – Еще один пристальный взгляд из-под полуопущенных век, сквозь длинные ресницы.

– Несомненно, – светски улыбнулась девушка, – видения, сны – это очень интимно, к чему говорить об этом – мало ли какие бредовые фантазии посещают порой изумленное сознание... – Она чуть пригубила из кубка. – Какое у вас замечательное вино, правда, Аллор?

Майа чуть покачал кубок в руке, вдохнул:

– Да, тонкий букет.

Он отхлебнул небольшой глоток.

Манвэ с каким-то веселым интересом взглянул на своих гостей, продолжая беседу ни о чем. Судя по всему, они многое недоговаривали, но мысли закрыть не пытались, а там творилась забавная неразбериха и некоторая изящная смутность, напоминавшая сады Лориэна. Но что показалось особо занятным – пришельцы явно очень хорошо понимали его и Варду – они говорили на одном языке, языке недомолвок и иносказаний, причем владели этой словесной игрой непо-

хо, даже артистично. Собственно, оба они выросли при дворе... Похоже, не придется слишком многое разъяснять, тем более с помощью карательных мер: они прекрасно понимают, что и где уместно.

По правде говоря, Владыке Арды было даже приятно беседовать с ними. Глядя на надменное, равнодушно-любезное лицо Аллора, Король Мира чувствовал нечто родственное, какое-то... понимание? Манвэ, впрочем, тут же одернул себя: «Осторожней: публика с такими бурными биографиями таит в себе сюрпризы – и не всегда приятные...»

Пока же все шло гладко: беседа текла плавно, все присутствующие изящно жонглировали словами, Аллор и Эльдин расспрашивали о Благословенных землях, в свою очередь рассказывая о Средиземье, искусно мешая описание судьбоносных событий с ироничными замечаниями по поводу различных казусов.

Впрочем, подозрительность не оставляла Манвэ никогда. Почему так напряглась Варда, когда расспрашивала о Пороге? Было в этой паре что-то неуловимое, даже чуждое. Память? О чем? Наваждения? Пожалуй, пусть Ирмо займется. Им же легче будет, если что-то уйдет из их памяти. Пути... Он никогда не задумывался над этой темой, точнее, гнал от себя подобные мысли. Творец открыл, что вне Арды и окружающей ее Пустоты ничего нет, точнее, только бесплодная Тьма, значит – нет ничего. Единому виднее. И какая разница – они ведь привязали себя к Арде. И все же...

Застольная беседа, незаметно для участников затянувшаяся до глубокой ночи, подошла к концу. Пора было расходиться. Гости церемонно откланялись, удостоившись благоклонной улыбки королевской четы.

– Полагаю, это не последний ваш визит, – сказал Манвэ. – Мы будем рады видеть вас в наших чертогах – правда, дорогая? – повернулся он к Варде. Та утвердительно наклонила голову. Колыхнулись золотые волосы, уложенные в прихотливую прическу. Блеснули украшавшие ее алмазы.

– Почтем за честь, – поклонился Аллор.

– Всего хорошего, – присела в реверансе Эльдин.

– И ты заходи, Намо. – Владыка Судеб кивнул. «Похоже, обошлось, – подумал он, – но расслабляться им не стоит...»

Расслабляться? Возвращаясь с Таникветиль, Намо косился на Аллора и Эльдин, безмятежно болтающих о чем попало – с ним в том числе. «А они пришли к двору...» – с легким, непонятно откуда взявшимся раздражением подумал Вала, вспомнив неожиданно схожее выражение лиц Короля Мира и бывшего царедворца. В Залах майа был задумчиво-меланхоличен, а ныне... Впрочем, ему теперь есть что (точнее, кого) терять. Ну да, разумеется, – целенаправленные действия, сосредоточенные на упрочении положения при дворе. Что Ар-Фаразон, что Манвэ – какая разница? Это мечтательное создание, внешне совершенно не интересующееся политикой и интригами, прятало, несомненно, за маской творческой отрешенности железную хватку.

Вторая сторона многогранной «художественной» природы... «Люди», – поморщился Намо. «Вам здесь жить», – сам им сказал. Вспомнился почему-то Курумо с его верноподданическими манерами. Аллору тоже есть от чего отрещиваться и отречься. И Эльдин... Какую цену за место под солнцем сочтет приемлемой расчетливый майа с затянутыми льдом озерами глаз? «Но ведь я ему... Книга... Но воплощение... Может, зря?» То есть волнуется он, Владыка Судеб, зря? Вала бросил еще один взгляд в сторону спутников – и встретился глазами с Аллором. Тот смотрел на него прямо, не отводя глаз, в глубине которых смутно таилась усмешка.

– Жалеешь, что Книгу читать давал, Владыка Судеб? Вдруг донесу все же, раз мне теперь есть за кого бояться и, следовательно, необходимо упрочить свое положение в Благословенных землях?

«Он... может проникнуть в *мои* мысли? Это же и Манвэ, пожалуй, не по зубам!» – с каким-то даже страхом подумал Намо.

– Почему ты так думаешь? – спросил он вслух, видимо, чуть резче и подозрительней, чем надо бы.

– Мысли твои я не читаю, – словно и впрямь покопавшись в сознании в лучших традициях Манвэ, сказал майа. – А вот по лицу сказать можно многое – если быть внимательным. Ну и немного логики, чтобы увязать события, реакции и поведение, а потом просчитать возможные выводы, – Аллор невесело усмехнулся углом рта; взгляд стал жестче.

Намо смутился. Он не хотел обижать подозрительностью человека (он часто про себя все еще называл его так), к которому успел уже привязаться. «Зря, что ли, Эльдин настолько его любит, чтобы вернуться...» И... бывало, что Владыка Судеб ошибался...

– Что ты, я не хотел, я не думал...

– Несомненно. Впрочем, почему бы и нет? Кто меня знает? Я выглядел «на месте» за королевским столом? Странно, в самом деле, для человека, выросшего при самом роскошном и жестоком дворе в Средиземье...

Он глухо рассмеялся, Эльдин беспокойно взглянула на него. Потом, испытующе, – на Намо.

– Да, нам есть за кого бояться... – проговорила она. – При желании из нас можно веревки вить... – Ее взгляд стал отсутствующе-страшен. – Только стоит ли...

Намо стало окончательно не по себе – он как будто прорвал тонкую нежно-зеленую ткань ряски, скрывающую цепкую мякоть трясины. Они люди – и они могут быть очень и очень разные, даже когда не лгут. Нетрудно представить себе, насколько Аллор мог бесить Гортхауэра. Тот сам лицемерил, пусть из лучших – по своей правде – побуждений, понимая необходимость этого, но – быть столь многоликим почти инстинктивно, не особенно ломая себя... Непостижимые, изменчивые – и все же остающиеся сами собой – Намо знал это – Люди...

– Простите. Мне было трудно сориентироваться – я слыш-

ком много видел, наверное, но не все научился понимать. И мы – мы более прямолинейны, Валар и майар, – проговорил Вала. – Разве...

«Да тот же Манвэ – вот кто лицемерит достаточно виртуозно, играя собеседником, как кот – мышью... Впрочем, изменчив, туманен – Ирмо Лориэн... Его тоже иногда трудно уловить...» – вдруг подумалось ему.

– Я обидел вас...

– Ничего, – усмехнулся Аллор, – переживем. Как-нибудь разберемся, стоит ли обижаться на промахи – тем более эмоционально небезосновательные.

– Бывает. А мне и в самом деле почему-то жаль Варду, – промолвила Эльдин.

– Вот такие бывают странности у людей, Намо. А со стальными украшениями и прыжками с Таникветиль мы немного подождем, хорошо?

* * *

Манвэ, проводив взглядом гостей, посмотрел на Варду, рассеянно вертевшую в пальцах алмазный кулон. Она подняла глаза, ответив ему спокойным взглядом. Показалось ему, что ли? Нет. Цепочку вон чуть не порвала... Что же ее так волнует? Спросить прямо? Впрочем... Он редко шел к цели прямым путем – так удобнее и... занятнее, что ли? Правда, речь шла о Варде, существе и так таинственном, за все время

их совместной жизни сохранившей в глубине какую-то ма-
нящую тайну. Хотя, возможно, все было просто игрой, под-
черкивавшей неизменную красоту облика...

– Занятная публика, не правда ли?

– Да... пожалуй. Милы и воспитанны. – Варда намотала
на палец выбившийся локон. – Жалко будет, если...

– Если?

– Если с ними случится дурное. Если придется наказать...

– Наказать? – Манвэ усмехнулся. – За что же?

– Ну-у, у нас за многое наказывают... за неподобающий
образ мыслей, например. За упорство в заблуждениях.

– Не похоже, чтобы они упорствовали. И надо думать, у
них хватит ума, чтобы не путать наваждения и реальность и,
главное, не смущать путаницей других.

– Иные наваждения бывают милее реальности – многим...

– произнесла Варда, глядя в окно на усеянное звездами опа-
лово-черное небо.

– А как ты думаешь? Что это? Откуда?

– Грезы, видения – это бывает. Не могла же она видеть то,
чего нет в Замысле. Ты же знаешь: утверждать существование
того, о чем не сказано в Замысле, – грех. И... ложь.

– А кому придет в голову в этом сомневаться? Впрочем...
да. Мелькор. Он утверждал, что ТАМ что-то есть... Так он
– Враг...

– Ну и получил. По заслугам... – Лицо Королевы стало
непроницаемым. – А этих... жаль, что ли, – что они знают...

– К врагам Замысла надо быть беспощадными, как бы ты к ним ни относился, – процедил Манвэ. – Но... они ведь ничего такого не утверждают? – чуть поспешней, чем обычно, прибавил он.

– Разумеется. Там вообще все смутно – дымка или завеса – ты не обратил внимания?

– Обратил. Тем более. Вот, может, Лориэн что-то к картине добавит... Что память, а что – грезы...

– А тебе зачем?

– Так... А что? Тебе что-то знакомым показалось?

– Мне знакомо то, что соблаговолил открыть Эру, – отрезала Варда.

– Конечно, тем, что Эру не открыл, интересовался только Мелькор.

– Кстати, его тоже сотворил Единый, так что даже его деяния в конце концов уложились в Замысел.

– Так что, они изначально там были, хочешь сказать? А... свобода воли? – неожиданно добавил Манвэ.

– Вот и «довольничался». Свобода воли – возможно. Иначе можно договориться до того, что Творец совершал ошибки, а это – крамола.

– Ошибки...

– Ну да. Первая – что вообще сотворил Мелькора – таким.

– Он не думал... Впрочем, как же так – Он не знал, что выйдет? – Манвэ нахмурился, провел рукой по волосам. – Ладно, а вторая? Или – больше?

– Ну... проследить, чтобы никто не видел, раз не положено. – Варда закрыла рот, словно резко спохватившись.

– То есть – никто? А кто еще «видел», кроме Мелькора? То есть грезил? – поправился Манвэ.

– Эльдин хотя бы. – Варда чувствовала, что говорит что-то не то, надо было заканчивать этот неприятный разговор. Опасный разговор.

– Подожди... Почему ты поставила на одну доску Мелькора и Эльдин? Видел он что-то или нет и то ли он видел, о чем рассказывал, – это длинная тема. Но, ставя их рядом, ты как бы утверждаешь, что они видели схожее? То есть она тоже увидела – нечто? Как он? Наваждения ведь разные, с ума поодиночке сходят. У тебя есть, с чем сравнивать? Откуда? Ты понимаешь, о чем они говорят – или молчат? Скажи!

Варда чуть заметно вжалась в кресло – что-то пугало ее в настроении супруга, обычно равнодушно-ироничного. Манвэ явно не шутил – взгляд темно-синих глаз сверлил, не давая уйти от ответа.

– Мне иногда кажется, – осторожно начала Королева, – что я что-то видела... подобное... Только мало помню... – Она пожала плечами, словно озябла. – Зачем? Было бы угодно Творцу – помнила бы лучше.

– Помнишь? – Пальцы Манвэ впились в скатерть. – Но почему... ни разу – даже мне?

– А тебе украшений Мелькора не хватает? – резко повернулась к нему Варда. – Единый же с тобой говорит – надо

было бы – открыл. Нет, значит нет. Да какая разница?! Даже если ТАМ что-то есть, знать об этом не положено никому – такова воля Всевышнего и моя миссия... Не надо об этом. – Голос ее, как показалось Манвэ, слегка дрогнул.

– А я?

– Зачем тебе сомневаться, ты же поставлен Творцом, чтобы охранять Замысел от всяких посягательств.

– Я и не сомневался. И всегда верил... то есть верю, – раздраженно поправился Манвэ. – И никогда... ну почти никогда не задумывался – об этом.

– Правильно. Много думать вообще вредно.

– По тебе это сейчас заметно, дорогая.

– По тебе, дорогой, тоже, – огрызнулась Королева. – О чем ты так напряженно размышлял, пока гости не явились?

– Какая разница?

– А Эонвэ где?

– Наказал я его – за неподобающее поведение, – проговорил Манвэ.

– Ну и нечего переживать – ты же все всегда делаешь правильно. Наказал – и пожалел? Разве жалость пристала вершителю Воли? Почему это вдруг – сейчас? Своего майя пожалел? А других – нет?

Манвэ стиснул почти допитый кубок – тонкие музыкальные пальцы сплющили массивные стенки. Брызнуло вино – прозрачно-лимфатической каплей. Не пили красное вино в чертогах Ильмарин на Таникветиль.

– Так было нужно. Он что-то скрывает. От меня, – Король Мира разжал руку, искореженный кубок упал на стол с глухим звоном. – При чем тут жалость? Других... Зачем ты говоришь это – сейчас?

– Правда, зачем? В конце концов, не я начала этот разговор. Совершенно лишний. – Варда плавно выскользнула из-за стола, обогнула, оказавшись прямо напротив Манвэ. Оперлась руками о столешницу – их глаза встретились.

– Я не хочу для тебя судьбы Мелькора. Это мой дом, и... не надо больше... – Она развернулась и быстро вышла.

– Варда?! – Манвэ выскочил из-за стола, чуть не опрокинув его. – Подожди, я не... – Он резко остановился посреди зала. «...Мой дом, и...» – какая-то непонятная робость помешала попытаться закончить. Или страх? Очередные проблемы – что-то проснулось и в ней. Нечто опасное, болезненное...

Ну и день... События выстраивались в цепочку, начало которой было, похоже, положено недавно в Залах Людей... Да что это такое, в конце концов, – они одним своим присутствием вызывают смуту в мыслях.

Что-то неизъяснимо смещалось, расплывалось, внушало тревогу... И все же хотелось, чтобы они остались... Странно: исподволь выясняя роль Аллора в истории с Кольцом, Манвэ подивился тому, что майа не стремится подать это как свое озарение и отречение от дел Тьмы, а сводит все к прозаической мести по личным мотивам. А ведь мог бы – с его-

то отлично подвешенным языком.

Гортхауэра он не обругал ни разу – а ведь обстановка располагала заработать на этом лишние очки.

«Впрочем, это безвкусно, – поморщился Король Мира, – с чего бы это ему поступать так? Он гораздо тоньше...»

Тоньше... Манвэ решительно прервал размышления. Не до того. Лориэн, Лориэн – пусть пороется в их сознании, пусть разберется. Там и решу, – даже с облегчением подумал он. Не сейчас.

Манвэ словно обрадовался отсрочке – ничего пока решать и предпринимать не надо.

А Эонвэ... Пусть у Лориэна отдохнет. То есть пусть Лориэн узнает...

Опять – Лориэн? – разозлился на себя окончательно Владыка Арды. Сам не способен? А зачем самому, если других можно использовать? Не мое это дело – я не Феантури, не властитель душ, – успокоил себя Манвэ и потянулся за самокруткой...

Глава 5

Аллор и Эльдин попрощались с Намо у его чертогов и направились в глубь Залов – туда, где поселился майя.

Темнота их не пугала, даже успокаивала, но все же Эльдин вздохнула: немного света не помешало бы. Она смутно различала очертания Залов. Впрочем, Аллор хорошо ориентировался в потемках.

Они были одни – тени не в счет. Впервые с тех пор, как Эльдин снова объявилась в Залах. С тех пор, как когда-то расстались в лесах Арнора. И теперь шли рядом, неожиданно замолчав, – они успели немало порассказать друг другу, быстро, словно стремясь поскорее сделать общими знания, опыт, память.

Сейчас же они ощущали какое-то право на безмолвие и наслаждались им, выпивая его из сгущающегося воздуха небольшими глотками.

Эльдин, опираясь на руку Аллора, вглядывалась в окружающий сумрак – ей казалось, что все как-то мерцает, вибрирует. Поет?

– Ты слышишь? – Она тронула спутника за рукав. – Вокруг нас?

– Слышу, – почему-то прошептал он. – Залы поют... Призраки расступались, глядя на странную пару, выглядящую здесь неуместно, – словно бы двое обычных людей возвра-

щаются домой. И хотя черный плащ, как прежде, окутывал фигуру Аллора, капюшон не скрывал больше лицо...

* * *

Аллор отворил дверь в свои апартаменты. Из стены до сих пор торчало кольцо для цепи – теперь в него был воткнут факел. Майа зажег его, не прибегая к магическим ухищрениям – некогда экспериментировать. Пламя выхватило фрагменты стола, на котором царил живописный беспорядок, небрежно брошенную на кресло рубашку, угол ложа и кусок ковра над ним – явно подарок Вайрэ. Эльдин улыбнулась: ей случалось посещать друзей в Арноре, и было что-то мучительно знакомое, когда первые переступаешь порог чьей-то обители, сравнивая увиденное с догадками.

Несмотря на беспорядок, комната выглядела даже элегантно. Смахнув рубашку с кресла, Аллор подвинул его Эльдин:

– Присаживайся. – Он повернулся к странной конструкции, призванной служить полкой, достал изящную граненую бутылку – в ней плескалась темная жидкость. Откуда-то взялись и блеснули в свете факела два хрустальных бокала. Аллор налил немного вина, протянул бокал Эльдин:

– Оно легкое...

– Подумаешь... – немного по-детски пробормотала Эльдин. Ее лицо стало совсем юным.

Лицо Аллора словно оттаяло, с него слетело надменное выражение, черты смягчились и в то же время стали более... ломкими, что ли? Расположившись во втором кресле, он приподнял бокал:

– С возвращением.

– За встречу.

Мелодичный хрустальный звон рассыпался о стены.

– Оно нежнее, чем на Таникветиль, – растянула в улыбке губы несостоявшаяся звездная странница.

Аллор ухмыльнулся, прикрыв глаза.

Они чувствовали, как отпускает их напряжение, накопившееся за этот долгий удивительный день, – так бывает, когда возвращаешься из путешествия: еще утром – дорога, легкая дымка, запахи странствий – дыма и ветра, а ночью уже сидишь у себя дома и потягиваешь лениво чай, уткнувшись в привычно-излюбленную книгу... То, что успело произойти за этот день, заменило им объяснения, и как-то само собой стало ясно, что возникшая между ними связь не является исключительно достоянием памяти. А там и так всего хватало – не хотелось лишний раз тревожить ее: самые светлые моменты прочно были теперь связаны с воспоминаниями болезненными. Пестрая мозаика... Они одновременно поднялись с кресел, шагнули навстречу друг другу. Глаза в глаза – зелено-искристые, с запутавшимися в них солнечными бликами, и синие, сейчас почти фиолетовые, с тающими в глубине острыми льдинками.

Руки на плечах, пальцы, перебирающие темно-медные кудри, запутавшиеся в черно-мерцающих волнах...

– Какой бред...

– Вполне занятный...

– Нет, наверное, все же сон...

– Когда ты последний раз спала?

– Под каким-то кустом на равнине... Горгорот, что ли?

– Да... Эру, о чем я? – Он болезненно поморщился.

– Все хорошо, хорошо, хорошо, – заклинание полыхнувшей горячечной мути.

Лицо в чаше ладоней: болезненно-утонченные черты, привычная усмешка, почти незаметная, спрятавшаяся в углах глаз и рта, и что-то неясно-беззащитное в легком колебании ресниц.

Хрупкая, полудетская фигурка в обруче сплетенных рук, неожиданно широкая, лучистая улыбка и грустно-попынная взвесь, оседающая на дно прозрачных глаз.

Черным дождем соскользнул на кресло плащ...

– Ты больше не уйдешь, правда?

– Нет – разве это возможно? – хмыкнул Аллор.

– Ты талантливый, – фыркнула Эльдин, – но не выйдет.

Очень я тебя напугала?

– До полусмерти. Весь дрожу – чувствуешь? – Он положил ее ладонь туда, где дергалось не в лад сердце. Она не отняла руку, уверенно-робко проведя по его груди кончиками пальцев:

– Больше не призрак...

– Ты – тоже.

– Так это же просто замечательно! – Эльдин совсем по-девчоночьи повисла у него на шее. Он закружил ее по комнате, осторожно подхватив на руки.

Играли на стенах золотые блики факела, смешиваясь с голубоватыми отблесками светильника-звезды.

Широкое ложе гостеприимно приняло свалившуюся на него хохочущую парочку.

– А эти дурахи смеялись, обзывая меня назгульской невестой...

– С чего это? Ничего более романтического придумать не могли?

– Кто их знает. Ничего в тайне не удержишь. Помнишь тех придурков, что ты разогнал?

– Распугал.

– Да, пожалуй. Наверное, по всем кабакам болтали. Ну да кто им особо верил...

– Ну да, «до белых назгулов допить»...

– И хорошо, а то вот-вот в колдуньи бы записали – а там и до костра недалеко...

Аллор подскочил, как ужаленный, глаза горели сумасшедшим светом падающих звезд. Крепко прижал ее к себе:

– Я... не дал бы..., прошу тебя, не надо... как я мог...

– Прости, я просто так... Дура... Дело-то прошлое.

– Ты еще из-за этого сбежала?

– Нет – там, по правде, и близко к тому не было. Никто не поверил бы. Да и репутация у меня была – девушки со странностями... Ну успокойся, – Она поцеловала его в висок. – Здесь, в конце концов, не Арнор и не Мордор...

– Хуже – возможно.

– Ничего, справимся. Главное ведь, чтобы шито-крыто, да? Так я буду держать язык за зубами. И думать не буду – чего проще? – Эльдин усмехнулась. Аллор улыбнулся ей в ответ:

– Бедная моя умница...

– Я не бедная и не умница, а счастливая до полной дурасти...

– Счастливая ты моя дурочка...

Аллор осторожно обнял ее, привлек к себе. Прикосновения, полные горьковатой, иступленной нежности...

– У тебя серебряные иголки запутались в волосах... Осыпаются, как дождь. Не двигайся – хочу рассмотреть тебя получше...

– Еще надоест...

– Когда надоест, тогда и перестану. Ладно, хорошего по-маленьку – потуши факел, что ли...

– А я и в темноте хорошо вижу...

Робкая, ломкая бережность, агатовое стекло горного озера, звездные искры на кончиках пальцев... Хрупкие сплетения ветвей на фоне зимнего неба, зыбкое кружево тумана. Медь опавших листьев на черной заиндевелей земле.

– Как это... красиво...

– С тобой...

Море, прощуршав во тьме по бесконечным ступеням, затопило подземный чертог, приглушило свет звездного светильника, приняло в себя ложе, вовлекая тех, кому оно дало приют, в танец, ритм которого, вечно разнообразный, смывал горечь и страх. Пышные гребни волн глубоким, властным аккордом дробились о стены. Последняя волна, высокая, прозрачно-зеленая, хрустальной башней взлетевшая над прочими, бережно подхватила майар, закрутила в упругом водовороте и вынесла – ослепленных и оглушенных – на шелковый берег. Море ушло с напевным шорохом – его не было, а была только темная зала, и звездный светильник едва мигал...

* * *

Они открыли глаза – молча, боясь спугнуть остатки музыки. И она стихла, просочившись сквозь трещины в плитах пола, затихая где-то в сердце Арды...

– Я слышала эту музыку – чуть по-другому, но это одна тема. Или просто одна из струн...

– Там?

– Да. Звезды пели... Я вгляделась – и они сплелись в дорожку, как бы приглашая ступить на нее. Я еле удержалась – чувствовала, что если пойду по ней – забуду все.

– Такое возможно?

– Мне показалось – да. Понимаешь, звезды – как ноты, увлекаешься их игрой. С тихим шорохом в темной бездне проплывают миры, словно корабли, – и у них своя музыка.

– Значит, Арда – не единственный живой мир?

– Видимо, нет. Мне показалось даже, что этот наш мир – крошечная, незаметная пылинка, хрустальная капля. Покинешь ее – и она сорвется в бесконечность... – Эльдин вздохнула и зябко поежилась, положив голову на плечо Аллора.

– Красиво и страшно, да? Почему же нельзя рассказывать об этом? Впрочем, наверное, потому люди и могут увидеть это, лишь уходя и забывая, а те, кто привязан к Арде, – им может стать страшно: быть навеки прикованным к падающей в бездну бусинке... Трудно представить...

– Может, не надо? Теперь ведь и мы привязаны к этому миру... Но зов звезд не забыть. – Эльдин задумчиво глядела в пространство. Аллор обнял ее, заглянул в глаза:

– Я хочу видеть и знать то же, что и ты... Твоими глазами. Если бы я мог...

– Можешь. Мы же одно, правда? Ты увидишь... Должен видеть. Я хочу подарить тебе этот мир. Он все равно наш, даже если сейчас недоступен...

Их сознания сплелись, и на Аллора обрушился блистающий вихрь. Музыка плывущих неспешно, как прогулочные барки, миров, разноцветное мерцание звезд – солнц для иной, далекой жизни. И жаркий золотой шар в гриве огня,

самый близкий, – это солнце? Вне Арды... Созвездия – иные и все же похожие. Невидимые струны, сплетающие странно-прекрасную, сводящую с ума мелодию... Живая, бархатно шуршащая Тьма, прохладная и прозрачная, как торфяное озеро. Он тонул в этих задумчиво-равнодушных водах, кружась, как сорвавшийся с ветки лист, – но это был танец, и он звал – домой. Куда? Серебристый смех. Блики сквозь листву. Радуги брызг. Зримая музыка Эа. Эа... Неизъяснимая красота лишила дыхания, сжала сердце зовом извечной тоски по... кто знает? Он слышал его – иногда, даже часто, он, этот зов, был разным – или казался, – но – теперь бывший назгул понимал это – он, зов, был один и тот же – бесконечный щемяще-изменчивый зов Эа... Манящий даже в пылающей Пустоте, редкими каплями освежавший сторающую душу. Настой шалфея и мяты у опаленных губ... Призывное мерцание дороги, облака, отраженные в чаше с водой, стиснутой ладонями, пахнущими смолой и вереском...

– Эльди?

Звезды не исчезли. Они мерцали перед его изумленно открытыми глазами, он словно продолжал бесконечно падать им навстречу, или, скорее, они дождем стремились пролиться на ложе...

– Эльди, что это?

Она открыла глаза – блестящие точки закружились в них, как снежинки тихим зимним вечером.

– Откуда это? – Ее лицо казалось изменчивым в мерцаю-

щем свете. Она коснулась его руки.

– Я не знаю. Но оно есть. – Он приподнялся на локте, серебристый свет струился по лицу и волосам. – Неужели мы сотворили это? Ты сотворила?

– Может, ты? Я еще ничего не сотворяла...

– Но ведь ты передала мне – видение? И это не наваждение – я узнал эту музыку, этот призыв, я видел – не знаю, как. Наверное, не только я. Вечная печаль людей, сказка странствий...

– Которую мы в очередной раз рассказали друг другу...

– Право, не худшая из тех, что я слышал...

– Но все же... как это... – Эльдин задумалась. – Наверное, просто я очень хотела тебе это показать, а ты захотел увидеть. Быть со мной – и там. Наверное, поэтому я здесь. С тобой. Любимый...

Она свернулась калачиком, положив голову ему на грудь, запутавшись волосами в паутине звездного света. Аллор осторожно обнял ее: спи. Мы можем не спать, но... ты так долго не отдыхала... «Три тысячи лет без сна...» Он прикрыл глаза – словно светящийся воск залил веки, мерцающие нити оплели голову. Фосфоресцирующие брызги успокаивали, погружая в тихое, ласковое забвение – блеснувшие в свете новых светильников медные волосы, рассыпавшиеся перед глазами, превратились в опавшие листья, легким ковром покрывшие осенний дворцовый парк. Он был дома...

Аллор проснулся, как от толчка – впрочем, он и не спал, просто плавал в мягких волнах забытья. Вхождение в реальность было резким, как в холодную воду. Эльдин? Она была тут, рядом, волосы разметались по подушке, одеяло сбилось на край. Дыхание было ровным, и губы время от времени трогала смутная улыбка. Аллор поправил сползшее одеяло – она улыбнулась сквозь сон, погладила рукой кого-то невидимого... Он вглядывался в тонкое, почти прозрачное лицо, до сих пор не веря увиденному. Все было так естественно, что казалось нереальным... «Привыкну, – усмехнулся Аллор про себя, – если все хорошо будет». Ощущение тревоги не проходило, просто свернулось серой змейкой где-то в углу сознания.

Звезды... «...Я буду молчать...» Но почему – так? И она – в опасности – из-за этого? Звезды... Тьма – Черная Книга – Мелькор! Он тоже видел... Значит, Мелькор и Эльди – единственные из присутствующих в пределах Арды, кто видел Эа? И все? Но почему так смутилась Варда-Элберет? Лучше ее не трогать: когда хочешь что-то забыть, нет пощады тем, кто попытается напомнить. Помнить... Вот, пожалуйста, пример: Мелькор, искалеченный, слепой, где-то в Пустоте. Правда, сейчас не один, с учеником. О вкусах не спорят – бывший назгул предпочел бы одиночество обще-

ству Господина-Учителя, но – как знать.

Не считая биографию Мелькора безоблачной, Аллор все же после того разговора почувствовал симпатию к мятежному Вале. С чего бы? Впрочем, так бывало с ним – когда попадался некто схожий по мышлению и реакциям. Когда легко было говорить. Впрочем, когда-то так или почти так было с Гортхаэром... Ученик. Его Ученик. И все же... А если Мелькор – такой же? А какая разница? Куда он денется? Какой ему с меня прок? – вытащу я, что ли, его оттуда? А мне что за выгода? Интересно? Да, назовем это так. Иронично-насмешливый Черный Вала вызывал приязнь – они говорили на одном языке. Но... Эльди? Если он попадется – что будет с ней? Да они какая-то ходячая крамола... Может, обойдется... И все же – Мелькор – как он там?

Словно в ответ на его мысли, в сознание проник знакомый уже тихий голос:

– Аллор?

– Я слушаю.

– Ты... ждал?

– Я вспоминал тебя, Вала.

– Да ты что! Я искренне тронут. – Аллор почти увидел ироничную усмешку. – А что у тебя? Какое-то другое ощущение – ты воплотился?

– Да – недавно.

– И как?

– Ничего. Говорят – хорошенький, – ухмыльнулся майя.

– И где ты теперь? Я не помешал?

– Отнюдь. Я у себя... дома. В Мандосе.

– Где?!

– В зале... извини, она тебе знакома. Это там, где...

– ...я был заключен в начале Первой эпохи? За что тебя

Намо туда загнал?

– Не загнал. Просто... тут тихо. И я отвык от света – в некоторой степени... К тому же особо никто не суется.

– Значит, живешь себе потихоньку...

– Ну... пока... относительно.

– И все еще надеешься уйти?

– Не надеюсь – сейчас. И уже не стремлюсь – пока.

– ???

– Эльдин вернулась – так что звездные Пути подождут нас. Они прекрасны, но – вечны.

– Вернулась? Но... она же должна будет уйти?

– Не уйдет – от Дара отреклась. А мы с Намо и побратимирами ухитрились воплотить ее.

– Что?! – В голосе Мелькора читались удивление и интерес.

– Так плоть – это ведь только оболочка. Почему можно творить цветы и зверей, а человеческий облик – нельзя?

– Действительно... – Похоже, Мелькор был поражен. – И что же? Она как-то ждала тебя – там, а потом – вернулась? Непостижимо! И она помнит... Пути?

– Еще как. Даже я смог увидеть – и это прекрасно. Эа...

– Эа... Свет во Тьме... Но ей может не поздоровиться – за такую память...

– Грезы – вещь интимная, как сказала она.

– Кому?

– Варде. На приеме у Манвэ.

– Он позвал вас?

– Да – видимо, хотел разобраться, что к чему.

– Берегись – он свободно читает в душах, а Варда – она Видящая... Она тоже – видела. Но молчит.

– Возможно, у нее есть на то основания.

– Есть... Мир и покой Валмара, – протянул Вала.

– Это понятно. Только тяжело ей. Да и Манвэ, похоже, устал...

– Устал?

– Мне показалось – за личиной...

– Ты просто пугаешь – извини... Ты много видишь. Слишком много... – Мелькор осекся. – Нет... все будет хорошо – только молчи! Манвэ не простит, если кто-то проникнет в его душу, – а рты он умеет затыкать мастерски.

– Что ты – я всего лишь недомайя – где мне лезть в душу к великим Айнур...

Аллору показалось, что Мелькор усмехнулся.

– С тебя станет!.. Послушай, нам, наверное, не стоит больше общаться – не переоценивай свои силы: если это извлекут из твоего сознания – тебе не поздоровится. Вам не поздоровится – ты теперь не один.

– Я не буду ее втягивать – пока.

– Думаешь – получится? Вы же – одно? Так?

– Да, но... при чем тут...

– Ничего. Все равно мне уже не поможешь: я здесь до конца времен, а может, и дольше. Так что прощай – и удачи вам!

– Ну вот, сам все решил, меня не спросив, – рассердился майа. – А может, мне приятно поболтать с тобой, и я не могу отказать себе в этом маленьком развлечении? Да вечно ничто не может длиться. Может, что-то изменится, – примирительно добавил он. – Честно говоря, интересно было бы встретиться...

– Интересы у тебя... Ты что, с ума сошел? Лезть в Пустоту? Тебе мало? И думать забудь!

– В принципе я не напрашиваюсь...

– Еще бы! Конечно, искушение встретить сумасшедшего майа и впрямь велико – но я с ним справлюсь. И что тебе за удовольствие видеть мятежника, в своем своеволии не думавшего ни о собратях, ни о тех, кто пошел за ним. Не смогшего уберечь тех, кто назвал меня – Учителем... Сидел бы себе тихо – неудачник...

– Успокойся. Ну не сложилось... Жил как мог.

Эльдин заворочалась во сне, чуть слышно застонала, протерла глаза – Аллор склонился над ней, провел рукой по волосам – она еле заметно улыбнулась, успокаиваясь.

– Спи спокойно, все хорошо, я с тобой... Она открыла

глаза, провела рукой в воздухе:

– Аллор, ты... Я не позволю...

Она резко замолчала, вернувшись в реальность, коснулась его колена:

– Ты здесь...

– Ну, счастливо вам.

– И тебе – не отчаивайся.

– Спасибо. Но молю – будь осторожен. Я не прощу себе – тебя... вас...

– Ты и так ничего себе не прощаешь. Поживем – увидим. Не терзай себя зря. Ладно?

– Ладно, – усмехнулся Мелькор. – Удачи...

– Что с тобой? – Эльдин заглянула в глаза Аллора. – Ты... что-то слышал? Слушал?

– Нет, так... просто задумался. – Он обнял прильнувшую к нему девушку. – Все в порядке, Эльди.

– Да? А то мне привиделось...

– Это, наверное, сон – злой сон...

– Да, сон, конечно, сон, – выдохнула она слова, как заклинание. Уткнулась ему в грудь – слегка задрожали плечи...

– Да что случилось, что с тобой?

– Я видела тебя... ты висел – где-то. Кровь на руках, в волосах... Откуда такое...

– Бывают же и просто сны, – усмехнулся Аллор как можно

беззаботнее. – Ничего со мной не станется.

– Берегись.

– Побережемся. Я обещаю. Ну попытаемся хотя бы.

– Попробуемся... А с кем ты говорил сейчас?

– Я?

– Ты.

– Почему ты так думаешь?

– Это твоё состояние задумчивости сильно смахивало на мысленный диалог.

– Как тебе сказать...

– Прямо. Понимаешь, тезис «меньше знаешь – дольше живешь» в данном случае ко мне неприменим: я должна знать то же, что и ты, чтобы быть рядом, хотя бы приблизительно представляя себе, что происходит.

– Ты уверена, что тебе это необходимо?

– А тебе зачем звездные Пути видеть надо было?.. Вот то-то же. Мы все равно вместе. Если за это можно схлопотать, я по-любому в стороне не окажусь. Так уж хотелось бы заранее знать, за что именно.

– С логикой у тебя все в порядке, Эльди. Ладно, – Аллор движением головы отбросил волосы с лица, – отвечаю: за задушевные беседы с Врагом. То есть – с Мелькором.

– Да ты что? – Пораженная Эльдин чуть отшатнулась от него, широко открыв глаза.

– Вот видишь... Не думала, что я... такой?

– Какой?

– Связался с Учителем Гортхауэра...

– Связался? Что-то на связь это пока не похоже. И... я тебя где-то понимаю – сама в свое время много читала о Тьме, даже отцов тайник в библиотеке разворошила. Интересно было. Так там и про более давние вещи рассказывалось. Ну и что? В конце концов, без этого разве я поняла бы тогда, что ты такое?

– Всестороннее образование – это прекрасно! – усмехнулся майя.

– А как ты смог общаться с ним? Он же ТАМ...

– И туда можно дотянуться. Точнее – оттуда. Сам удивляюсь.

– Поразительно! А что, раньше никто не пытался?

– Не знаю. Возможно, нет. К чему?

– А с чего бы это он с тобой решил пообщаться?

– Вот такой я светоч, – ухмыльнулся Аллор. – Ему, видите ли, интересно стало, кто так Гортхауэра взбесить умудрился.

– Да уж, Кольцо в Ородруин забросить – это даже не дешевкой обозвать. А что, Гортхауэр ему все это рассказал? Они что – вместе ТАМ?

– Да. Любезность Манвэ. Кстати, при всем пакостно-ехидном подтексте – действительно милость. Что бы там оба ни ощущали...

– Пожалуй. Ну и что он из себя представляет? Ты знал о нем что-то до знакомства?

– Нечто занятное. В Черной Книге описан этакий мученик

за идею... По-моему, он просто жил, как хотел, но... нечто занятное в нем есть, что ли? Или просто – располагающее... Как-то приятно поговорили. – Аллор пожал плечами.

– Давно?

– До твоего появления. Этот раз – второй.

– А что за Черная Книга?

– Намо записал – с рассказов Мелькора, эльфов Тьмы и, конечно, от себя добавил.

– А – почитать? Или ты уже отдал ее?

– Нет, не успел. Держи. – Аллор вынул из-под горы бумага объемистый фолиант. – Только она на Высоком Квениа. Справишься?

– Я же читала... И потом – ты на что, господин всезнайка?

– И правда... Я счастлив, что мне нашлось применение...

– Я не буду углубляться в перечисление оных...

– Уже покраснел и смутился.

– Заметно. Давай сюда.

– Прямо сейчас начнешь?

– А что? Чем быстрее прочту, тем лучше... На самом деле интересно было бы взглянуть на него, да как? И еще если Гортхауэр там... Впрочем, пусть его...

– Что-нибудь придумаем. – Аллор погладил ее по голове. – Нам еще разбираться с местной публикой надо.

– А куда мы денемся? – лениво потянулась Эльдин, отхлебнув вина из стоящего у кровати бокала.

Глава 6

После разговора с Вардой Манвэ окончательно пришел в дурное расположение духа. В чем дело, о чем она? Что там – за Порогом? И что делать с Эонвэ?

Манвэ решительно встал и направился в глубь чертогов, где в одной из зал и находился сейчас опальный герольд.

* * *

Безошибочное чутье майа подсказало Эонвэ, что где-то за стенами Ильмарин занялся рассвет. Он пошевелился, сменив позу. Звякнула цепь – майа вздрогнул, вспомнив с тоской, где он и что произошло.

«Манвэ, наверное, меня не простит теперь, – тоскливо подумал он. – А все Аллор – и что я так из-за него встревожился?» Эонвэ невольно вспомнил странного майа. Дерзкие, насмешливые глаза, но так же искрящиеся, как у... Златоокого? Мятежного менестреля, его, Эонвэ, брата. Казненного за бунт против Замысла... Он и видел-то Златоокого раза два, но это запомнилось... Да, глаза чем-то неуловимо похожи, только у Аллора они, словно льдом, подернуты какой-то отрешенностью, даже безразличием. И все же он почему-то вызывал сочувствие, только чем тут поможешь? «Нашел кого жалеть! – подумал, мысленно обращаясь к себе, Эонвэ. –

Как будто не ты здесь сидишь, а этот Аллор».

Чтобы отвлечься от мрачных размышлений, он попытался вспомнить что-нибудь хорошее, но память самым бессознательным образом подсунула иное... Ровные ряды воинов и бело-лазурно-золотые стяги, реющие над валинорским воинством, шагающим по осенней земле, расцвеченной медью и пурпуром. В свете факелов алые листья казались залитыми кровью.

Навстречу им вышли наскоро обученные эльфы с тонкими разномастными клинками, скорее пригодными для тренировок. Вышли нестройно, как придется, и замерли в оцепенении, словно не веря еще, что война реальна. Хотя дрались отчаянно, до конца, и немногих удалось взять в плен...

Напрягая память, Эонвэ попытался вспомнить что-то более спокойное и приятное, но ничего путного из этого не вышло, мысли не становились ровнее, а тем более правильнее, уносясь к событиям конца Предначальной эпохи.

– Да что это со мной? Что за наваждение? – Эонвэ попытался сосредоточиться, вспоминая золотой свет Лауреллина: это всегда помогало успокоиться. Но не сейчас: мысли бешено металась в замкнутом круге, он видел и слышал давно прошедшее – и не ощущал ныне ни гордости, ни хотя бы чувства исполненного долга. Зайди сейчас сюда Манвэ, он узнал бы много нового о своем майа.

На очередном витке, включавшем в себя уже и конец Первой эпохи, Эонвэ словно очнулся.

– А все же я ему верил... – пробормотал он себе под нос и тут же запнулся, поймав себя на том, что говорит в прошедшем времени.

«А сейчас?» – вопрос возник сам собой, и Эонвэ вынужден был признаться себе в том, от чего (он понял это сразу) давно уже пытался спрятаться, но не мог, хотя и отгонял, как самое страшное из возможных наваждений...

«Не верю. И давно, с конца Первой эпохи. Нет! Не ври себе – с конца Предначальной. Я, Эонвэ, Уста Манвэ, не верю своему Вале... Не верю... А кому я верю? Да никому... Сколько можно лгать себе, выдавая имеющееся за желаемое, а желаемое – за действительное? Вот Манвэ и разгневался: он же меня насквозь видит... – уныло подумал Эонвэ. – Теперь сиди тут, размышляй, а подобные размышления понравятся ему еще меньше...»

«Что же теперь делать? Куда деваться? Не верю – значит, ненадежен, хотя... для него ведь главное, чтобы было так, как правильно, как положено, а остальное его мало волнует. В таком случае что изменится? Если покаюсь, может, простит, то есть примет покаяние и позволит вернуться к исполнению обязанностей герольда... Да сам уже не смогу. Как оглашать волю того, в чью спра ведливость не веришь? Как служить тому, кто вызывает у тебя непомерный страх?»

«Если бы Манвэ отпустил, уйти бы в забвение, полное: все равно иначе жить не сумею... Может, Манвэ так со мной и поступит – управился же со Златоокимом... Да разве сделает

он это? В лучшем случае прогонит – а тогда уйду хоть в Лориэн, может, Ирмо не выгонит, найдет угол потемнее и потише... Глупец! – обругал себя Эон-вэ. – Что тебе даст жалость Ирмо, если своего Валу потеряешь? А разве я уже его не потерял – когда перестал верить? Пустые догадки. Может, и впрямь усыпит – чтобы без толку по Валинору не шатался... когда поймет, до чего я тут доразмышлялся...»

«Да ты ему и воспротивиться не решишься, как бы он с тобой ни обошелся», – сказал себе майа со вздохом. Было больно и горько, тупое безразличие постепенно овладело им и почему-то именно сейчас вспомнилось то, что он так яростно отвоевывал у собственной памяти.

* * *

Он ощутил себя. Я – есть. Я – существую. Сознание выкристаллизовывалось в нечто самостоятельное. Я. Я и... пестрый узор бытия, смутно виденный, неосознанный, он был его частью – или не он? Кто? Что было? Или не было ничего? Град вопросов. Надо понять. Открыл глаза – над ним склонился... – он не знал его, не знал его имени, и в то же время чувствовал, что знал его всегда, что он сам – часть склонившегося над ним, что они связаны – неразрывно, что он не может быть без него, равно как и тот, пробудивший, нуждается в нем, майа (откуда-то пришло слово, и оно было – им, пробужденным), только-только осознавшем себя.

Майа попытался приподняться, тонкие, удивительно изящные руки с неожиданной силой подхватили его, бережно поставив на ноги. Он стоял рядом с сотворившим, разглядывая его, а тот рассмеялся, заглянув ему в глаза, и сказал слово: «Эонвэ...» – сказал, как пропел, и майа понял, ощутил: это его имя. Его суть. Он вопросительно взглянул на создателя.

– Я – Манвэ, – прозвучал ответ. – Еще меня называют Сулимо.

Майа кивнул – он запомнил оба имени.

Внезапно пришел их смысл: «Ман-вэ» – «благословенный» и «Сулимо» – от «сул» – «ветер», то есть «Повелитель Ветров». Он уже знал, что такое ветер, и еще многое, многое другое – сам не зная, откуда...

– Ну вот и познакомились, – раздалось в его сознании.

– Ты слышишь все, что я думаю?

– Конечно, ты же часть меня. Можно говорить словами, а лучше – петь, но общаться проще так.

– Как замечательно... Ты всегда меня услышишь? Манвэ улыбнулся в ответ, кивнув. Эонвэ подумал, что улыбка вышла грустная, но решил, что показалось, тем более что он еще не знал, что такое грусть. Просто откуда-то знал, что улыбки бывают разные. Он уже видел две...

Создатель и сотворенный вышли на широкий балкон, и майа увидел небо. Огромное, завораживающее. Стихия его Валы. Его стихия...

Видение постепенно начало блекнуть, превращаясь в просто воспоминание. «Интересно, Манвэ помнит тот день? Ну да, он же ничего не забывает», – грустно подумал Эонвэ. Он прислушался, скорее все же уловив, чем услышав движение. Кто-то направлялся к месту его заключения. Еле слышная, летящая походка – конечно, это был Манвэ...

«Зачем? Что он со мной сделает? Может, все же простит? Или... Что делать? В ноги броситься? Нет, он еще и презирать станет за слабость... А уж что решил, то и будет. Он решений не меняет. Так что потерпи немного и все узнаешь», – одернул себя Эонвэ, но глаз от двери оторвать не смог. Замок чуть слышно щелкнул, тяжелые створки приоткрылись... Манвэ.

Эонвэ невольно сжался в комок, ожидая, что будет.

Повелитель Ветров решительно прошел на середину залы.

– Эонвэ! Иди сюда.

«Голос... чужой, холодный. Гневается. Значит, не простил». Он попытался встать навстречу Манвэ, но онемевшее тело не слушалось. «Да что со мной? Неужели ТАК трушу? Вот еще!»

– Я жду. – Манвэ, казалось, чуть отстраненно наблюдал за своим майя.

«Как за край пропасти... неужели так тяжело – сделать

шаг... Ну же! Еще один, еще...»

– Подойди ближе.

Эонвэ бездумно подчинился – еще шаг вперед, в мыслях – хаос, обрывки слов.

– Дай мне руки. – Голос Манвэ был мерный, спокойный, ровный, красивый, как всегда. И равнодушный.

«Даже в мою сторону не смотрит, словно и нет меня. Что он задумал? Зачем?»

Он покорно вытянул вперед скованные руки. Отчаяние захлестнуло майя, когда Манвэ коснулся его, показалось невыносимым все, с чем он было смирился, разум и воля отказали, не дав времени собраться, смяв достоинство и гордость, вихрь мыслей налетел, прорвавшись невольно мольбой, – Эонвэ не мог сдержать себя, это было сильнее...

– Манвэ! За что? Я же ничего не сделал?! Я... не... прости!

Майя глазами умолял о том, о чем не решался просить ни вслух, ни мысленно.

Манвэ, сняв наручники, разжал пальцы – металл тихо звякнул о камень, – и внимательно посмотрел на своего майя.

– Эонвэ, что с тобой? – В голосе мелькнуло удивление.

– Манвэ... не прогоняй... – Майя стиснул руки в беспомощной мольбе, впившись лихорадочно блестящими глазами в лицо Валы.

– С чего ты взял, что я собираюсь прогнать тебя? – под-

черкнуто изумленно вскинул брови Манвэ.

– Но... я ведь не нужен тебе больше... такой...

– Какой? – прищурился Вала.

– Ну... ты мне теперь не веришь...

– Я не верю никому. Просто одним совсем, а другим – постольку-поскольку. Тебе доверял – чуть больше.

– Но, Манвэ... – Эонвэ не находил слов, уверенность в том, что Манвэ не желает его видеть, все росла – вместе с отчаянием.

– К тому же ты боишься меня, дико, всем своим существом... и возможно, правильно, у тебя есть для этого немало оснований...

Голос был вкрадчив и мягок, но внутри скрывался металл. Манвэ пристально наблюдал за своим майя, готовым вот-вот рухнуть ему в ноги – увы, не из раскаяния. Из страха, отчаяния, боязни быть покинутым – но раскаяния не было.

– А потому я не стану удерживать тебя, – продолжил проникновенно Король, – иди... куда пожелаешь. Не бойся, я САМ отпускаю тебя, ведь ты никогда не решился бы на такую дерзость, как покинуть Ильмарин без моего согласия...

– Манвэ!.. – прохрипел Эонвэ – он едва не упал на колени перед Валой, но какая-то сила не давала сделать это.

– Манвэ... не надо! – повторил он шепотом.

– Что – не надо? О чем ты?

Эонвэ замолчал. «Гонит. Делает вид, что не понимает, о чем я. Надо идти... Тряпка!»

«Что еще он себе напридумывал? Почему так боится? Настолько...» – подумал Манвэ. Он явно пережал.

– Я же не наказываю тебя, – сказал он вслух, пожав плечами. – Просто... ступай, отдохни, поразмысли, в конце концов... – Манвэ отступил на шаг, чтобы Эонвэ не пришлось огибать его.

Майа сделал несколько шагов, бездумно переставляя ноги, боясь оглянуться, замер в дверях и вдруг, резко развернувшись, прижался спиной к косяку, глядя на Манвэ.

– Нет... не могу... – все, что угодно, только не прогоняй!

«Да что с ним такое? Впрочем, конечно... я же его таким сотворил – преданным... И он нужен мне... Но он должен понять наконец, что можно и чего не следует делать...»

– Все, что угодно? – повторил Манвэ вслух. – А если возму да запрю тебя здесь – для надежности? Или...

Эонвэ опустил голову и притих. Раскаяния не было – был страх. И попытки – жалкие, неумелые – скрыть обрывки недавних размышлений.

«Вот это любопытно – в чем же дело?» – заинтересовался Манвэ и сказал вслух:

– Ладно, подумаю. Скажи-ка все же, почему ты пытался подсказывать Аллору?

– Я хотел...

– Оградить его от моего гнева, это я уже слышал, – отрезал Манвэ. – Меня интересует не для чего ты это сделал, а почему.

– В нем что-то... не знаю – хрупкое, что ли... Или он слишком равнодушен – это могло толкнуть его на дерзость...

– Значит, он, по-твоему, нуждался в защите.

– Да. Я не мог иначе. – Эонвэ неожиданно твердо посмотрел в глаза Повелителю.

– Конечно – ты же не веришь мне, а в мое милосердие – тем более. И похоже, давно. Может, потрудишься объяснить почему? Знаешь, я, пожалуй, не буду лезть в твои мысли – объясни все сам, словами – а там посмотрим. Ну, я слушаю.

Внезапно Эонвэ ощутил какую-то непривычную пустоту. Между ним и Манвэ словно выросла преграда. Он почувствовал бесконечное одиночество, но тут же одернул себя. В конце концов его молчание может Манвэ надоесть...

Лихорадочно перебрал воспоминания, из которых ни одно не улучшило бы отношение Манвэ к нему. А как объяснить, почему он так встревожился из-за Аллора? Не скажешь же, что из-за того, что он нуменорец. Последний. Это важно, но это не все.

А почему не верит?..

– Ну? – Манвэ кивнул, дав понять, что желал бы услышать то, что Эонвэ ему хочет сказать, и побыстрее.

– Хорошо. Ты помнишь менестреля с золотыми глазами, что пел перед тобой о Забытых землях? Ты отругал его и выгнал, назвав отступником.

– Да, Златоокий отступил от пути Света, ты это знаешь.

– Но он не был похож на отступника... А потом... – Эонвэ

запнулся, но продолжал: – я засомневался – тогда... А вчера, когда Аллор стоял на Круге перед тобой, он чем-то напомнил его...

– Очень мило! И ты решил, что можно попать все приличия?

– Я не мог иначе. Что-то сломалось...

– Вот как? А дальше от тебя можно ожидать чего угодно? Ладно, учту. А что еще? Это ведь одна из причин, не так ли? Когда ты перестал мне верить, отвечай!

– После войны. Первой войны. Когда по твоему приказу и с моей помощью был истреблен целый народ. Без разбору, – выдавил Эонвэ свистящим шепотом.

– Та-ак, – нахмурился Манвэ. – И после этого ты пытаешься просить прощения? Надеешься на него? Говори!

– Твоя воля, Манвэ... Повелитель...

– Ах, так? – Владыка Арды усмехнулся краем губ. – А если я...

«Не гони, пожалуйста!» – Эта мысль вытеснила все остальные из сознания Эонвэ, он не понимал, почему это так, но ничего поделать с собой не мог.

– А еслия пожелаю, чтобы ты и впредь исполнял ВСЕ мои поручения, – продолжил Манвэ, чуть выдержав паузу, – ты выполнишь?

– Я постараюсь...

– Постараешься или исполнишь?!

– Постараюсь исполнить...

– Ну и зачем тебе все это? Почему умоляешь не прогнать тебя?

– Я не могу. Это буду уже не я, я... не умею жить... Манвэ... – Последние слова майа прошептал, словно боясь услышать собственный голос, и добавил одними губами: – Пойми, Дан Манвэ... Впрочем, уйду, если хочешь. Если не желаешь меня видеть...

Владыка прикрыл глаза. «Он же мой майа! Прикажу – уйдет... как тот, первый... Нового творить? Да сколько можно, в конце концов? Или с майа опять что-то случится, или я опять сорвусь... Видимо, изъян – во мне... А с этим что делать?»

Манвэ положил руку на плечо Эонвэ, тот вздрогнул и притих, уставившись в пол. Глядя на него в упор, Манвэ проговорил:

– Тебе надо отдохнуть: с такими мыслями невозможно работать. Ступай в Лориэн – вернешься через три дня, я буду ждать. Ты мой майа, ты нужен мне, и я не хочу, чтобы такое повторилось.

Майа прикусил губу. Вот и все. У него есть выбор. Уйти, остаться одному, а это невыносимо, или отправляться в Лориэн – наверное, для того чтобы его там изменили, ибо таким он Манвэ не нужен... Может, он ослышался? Нет. В Лориэн. Вернуться через три дня. Конечно же, измененным... Разве это – не то же, что выгнать? Силы оставляли Эонвэ, он уже ничего почти не воспринимал, с трудом держась на ногах.

– Эонвэ! – Голос Манвэ выдернул его из ступающего оцепенения. – Я сказал – отдохнуть. Ты будешь со мной. Слышишь?

– Да.

– Сядь. – Манвэ усадил майа на скамью, сам сел рядом. Эонвэ застыл, боясь пошевелиться. «Надо было мягче...» – с досадой на себя подумал Вала. Хотелось погладить майа по голове, как когда-то, но он сдержался. Эонвэ провинился, и его еще утешать? Пусть Ирмо утешает. Никаких слабостей. Он осторожно тронул майа за плечо, тот затравленно покосился на сотворившего.

– Ступай. Я не отворачиваюсь от тебя. Всем случается делать ошибки, споткнуться может любой. Отдохни у Ирмо.

– Как пожелаешь... – покорно прошептал Эонвэ, – Дан Манвэ... – и испуганно смолк.

– До встречи. – Манвэ, запахнув плащ, вышел из залы.

Эонвэ посмотрел ему вслед, а потом встал и побрел через весь Валмар к Ирмо, в Сады Грез.

* * *

Тихий изумрудно-золотой сумрак Лориэна дарил покой, гася боль и отчаяние. Так было всегда, будет и впредь; Эонвэ знал это, но сейчас не желал ни покоя, ни утешения – ничего. Разве что вернуться в очень далекие времена, когда ничего этого еще не было...

И жгла мысль, что возвратится он в Ильмарин уже другим, что его – такого, как он сейчас – не будет. Останется оболочка. И Манвэ этого хочет? Зачем тогда сотворил – таким? Майа хотелось взвыть, забыв о приличиях, но он не мог, и не потому, что кто-то мог его увидеть или услышать, – просто не мог, и все.

Рухнув на траву, он попытался расслабиться, даже на мгновение понадеялся, что сможет заплакать, – но вышел только сдавленный стон и какое-то жалкое поскуливание, как у обиженного щенка. При мысли о том, что он похож на беспомощный комочек шерсти, ему стало так тошно, что он умолк. И теперь тихо лежал под каким-то деревцем – он не смотрел по сторонам, и ему было неважно, что творится вокруг. Этот мир был чужим, а майа был чужим для него.

Кто-то мягко опустился рядом с ним на траву и легонько коснулся плеча.

– Эонвэ, что с тобой? – Мягкий голос Ирмо не узнать было невозможно. Майа обернулся и встретился взглядом с колдовскими сияющими глазами младшего Феантури.

– Что случилось?

Майа молчал, ему казалось, что получится одна сплошная жалоба, а этого он себе позволить не мог. Да и какая разница, если все равно меняться?

– Ну не молчи, я постараюсь помочь, поверь...

– Ничего. Ничем помогать не надо – а то, что надо... Манвэ тебе, наверное, объяснит или объяснил. Только можно я

еще просто так посижу? – проговорил Эонвэ.

– То есть? – удивленно воззрился на него Ирмо.

– Прости, Ирмо, это я так. – Майа смотрел в сторону. Вала насторожился – что это стряслось со всегда уверенным, строгим герольдом Манвэ?

Выглядел он неважно, если честно, то откровенно плохо. С Манвэ поругался? Да нет такого понятия – поругаться с Королем: с ним либо не ссорятся, либо испытывают всю сомнительную прелесть его гнева. И что тогда Эонвэ делает в Лориэне?

– Что значит – объяснит? – поинтересовался Ирмо. – Это он тебя сюда послал?

– Да, – процедил Эонвэ, – отдохнуть... Я нужен ему в работоспособном состоянии. – Он еле заметно улыбнулся.

Мастер Грез слегка нахмурился – отрешенность майа тревожила его. Простое пребывание в Садах вряд ли поможет, нужно что-то более сильно действующее. Лучше всего, чтобы спокойно поспал, в легких грезах...

– Ляг, отдохни, – улыбнулся Ирмо, коснувшись плеча Эонвэ и пытаясь укрыть майа неизвестно откуда взявшимся пушистым пледом.

– Благодарю, – усмехнулся Эонвэ углом рта, совсем как Манвэ, – так лучше будет...

Ирмо в удивлении склонился к майа, еще не понимая, о чем тот говорит. Взял за руку, пытаясь погрузить в легкий сон...

Тело Эонвэ чуть обмякло, глаза потускнели, закрыва-
ясь...

– Я изменюсь... как угодно Манвэ. Его воля...

– Что-о? – подскочил Ирмо, рывком выдернув майа из на-
чинающегося сна. – Как... изменишься?

– Как надо, – мотнул головой Эонвэ. – Я не нужен Ман-
вэ... неправильный... А без него я не могу – у меня никогда
ничего другого не было, кроме... служения. Вот так.

– Ну и в чем дело? Что же еще ему надо? – с нарастаю-
щим раздражением поинтересовался Ирмо. «Ну и репутация
у меня образовалась – промывателя мозгов!» – со злостью
подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.